
ИРИНА ВОРОБЕЙ
КУКОЛКА
Из обломков

Ирина Воробей

Куколка. Из обломков

«Литнет»
2025

Воробей И.

Куколка. Из обломков / И. Воробей — «Литнет», 2025

Жизнь Татьяны снова разрушена. Ни любви, ни работы, ни цели. Все опять предстоит начать заново. Но дважды разбитое сердце не теряет надежды, оно знает, что разрушение – не всегда конец, а возможность создать из осколков старого прекрасное новое.3 часть трилогии. Отдельно читать не получится1 часть: 2 часть:

© Воробей И., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Неудавшаяся невестка 5
Глава 2. Бизнес-план 12
Глава 3. Негадюшник 16
Глава 4. Сказки 21
Глава 5. Сила воли 30
Глава 6. От судьбы не уйдешь 41
Глава 7. Пора и честь знать 52
Глава 8. Грязное помещение 55
Глава 9. Прототип 65
Глава 10. Минутная слабость 72
Глава 11. Больное 83
Глава 12. Гвоздь программы 93
Глава 13. Прошлое 104
Глава 14. Тупость 109
Глава 15. Не о чем жалеть 116
Конец ознакомительного фрагмента. 117

Глава 1. Неудавшаяся невестка

Татьяна провалила экзамен в третий раз. Теперь пересдать можно было только через месяц. Она проклинала развороты на перекрестках с широкой разделительной полосой, въедливого инспектора с непишущей ручкой и собственную нервозность, которая не давала даже педаль сцепления удерживать так, чтобы не глохнуть. А когда проклинать стало нечего, переключилась на то, зачем вообще все это начала, и стала злиться на Ладу, ее «слабо» и собственную азартность. Хотелось перестать кому-то что-то доказывать, все бросить и остаться навсегда пешеходом, но после трех разгромных провалов отступать было поздно.

С поникшей головой Татьяна сидела на автобусной остановке в ожидании фиолетового седана, на котором теперь ездила Арина. Откликнувшись на отчаянный крик души, бывший босс любезно согласилась составить компанию на пьяный вечер.

Инспектор высадил Татьяну посередине маршрута, сразу за перекрестком, который она не одолела. Из-за чего пришлось шагать пару кварталов под дождь, чтобы сперва охладить пыл, а затем сообразить, где она находится. Придя на остановку, Татьяна сразу набрала Арину, потому что никто лучше не умел давать волшебного пенделя, ругать за сопливость и приводить расстроенные чувства в порядок.

Арина приехала относительно быстро. Позднее августовское солнце, выглянувшее на несколько теплых минут из-за туч, бликами отражалось на черных стеклах ее круглых очков, а небо полупрозрачным перламутром – на гладкой поверхности лобового стекла. Татьяна соскочила с деревянной скамьи и побежала в машину. Как только она захлопнула дверь, Арина повела автомобиль дальше по проспекту.

– Может, все-таки стоило заплатить? – усмехнулась она, поглядывая в боковое зеркало со своей стороны.

Татьяна в порыве отчаянного протеста хотела возразить, но поджала губы и отвернулась к окну, наблюдая за черным джипом. Он проделал на треклятом перекрестке тот же маневр, что и она час назад, только завершил его удачно. Она тяжко вздохнула.

– Как вечеринка прошла? – спросила Татьяна через несколько молчаливых минут под монотонное вещание радио.

Ей не то чтобы было интересно узнать о новой работе бывшего арт-директора, сколько просто хотелось перевести тему и поддержать разговор. Это была уже третья корпоративная вечеринка за лето, которую Арину попросили организовать. Две предыдущих прошли на ура, что не оставляло в Татьяне сомнений насчет успеха и последней.

– Не мое это, – ответила на выдохе Арина. – Вроде нормально прошло, но я устала.

– Почему? – Татьяна встрепенулась.

– У каждой вечеринки своя специфика. К каждой надо подстраиваться. Каждый раз новые люди. Я люблю новых людей, но работать приятнее в уже слаженном коллективе.

Она посмотрела налево и резко повернула направо, свернув на более спокойную улицу, где было всего две полосы в обе стороны и узкие тротуары. Зато остался позади столичный шум. Татьяна с легким ошеломлением следила за ней. Арина переводила меткие взгляды с одного зеркала на другое, жевала губы, поправляла очки и сжимала одной рукой толстый ободок руля.

– Я думала, тебе такое нравится, – хмыкнула Татьяна.

– Это был интересный опыт, – Арина словно говорила о неудачных любовных отношениях. – Но к постоянным экспериментам я готова только в сексе. В остальном хочется стабильности.

Она смотрела на дорогу с каменным лицом. Татьяна проследила за ее взглядом и невесело улыбнулась.

– Мне тоже надоело выступать в разных местах каждый раз, – она опустила взгляд на черный пластиковый бардачок. – А еще больше постоянно ходить на кастинги и искать работу.

Татьяна вспомнила прошедшие выходные, которые провела в захолустном баре на окраине города, где продавался дешевый алкоголь, играла музыка лихих 90-х и танцевать приходилось прямо на барной стойке. Посетители приставали много, а директор платил очень мало. Татьяна еле продержалась там три ночи подряд. В последнюю смену один из посетителей облевал ее любимые туфли, которые она со злости там же в туалете и выбросила. Теперь жалела об этом, потому что легко могла их отмыть и продолжать танцевать. В ее жизни и без того было достаточно импульсивных поступков, совершенных по глупости.

– Ну, из «Ночи» ты сама сбежала, – упрекнула ее Арина.

Татьяна мгновенно залилась краской. Ей до сих пор было неудобно перед бывшим директором за то, что она не смогла продержаться даже месяц в ночном клубе, куда та ее порекомендовала. Клуб «Ночь» являлся прямым конкурентом «Дэнсхолла» и для гостей там все было на том же уровне. Но Татьяне не понравился начальник и остальной коллектив тоже, хотя и до этого она никогда ни в какие коллективы толком не вписывалась. Ей просто не хотелось работать ни с кем другим, кроме Арины. Другой арт-директор бы не сделал ее помощником и даже колеровку краски для реквизита бы ей не доверил. Поэтому она бегала по «гадюшникам», как ласково обзывала все ночные заведения Арина, в надежде продержаться, пока бывший арт-директор не позовет ее на новое место.

– Я хочу работать с тобой, – решила признаться Татьяна, виновато склонив голову на грудь.

Арина бросила в нее насмешливый взгляд и снова сделала резкий поворот направо.

– Боюсь, ждать придется долго, пока я куда-нибудь устроюсь, – произнесла она с ухмылкой. – Не так-то легко найти работу арт-директором даже в Москве. Руководящий штат всех нормальных клубов давно укомплектован. А в какой-нибудь гадюшник на окраине я сама не хочу.

Татьяна разочарованно поджала губы.

Пока они ехали до любимого лаундж-бара Арины, город быстро вечерел. Тучи то рассыпались мелкой моросью на каменный город, то расплывались от ветра на мелкие сгустки. Горожане по инерции ходили с зонтами и хлюпали по лужам грязными подошвами. Вечер среды казался непривычно спокойным и мирным. Остро чувствовалось, что остатки лета вскоре иссякнут, а впереди ждет долгая пора увядания и похолодания. Татьяне стало немного зябко. Не столько от резкого порыва ветра, что влетел в узкую щелку окна, сколько от неопределенности жизни, пугающей неизвестностью за каждым поворотом.

Они приехали на территорию огромного лофта с множеством модных кафе, магазинчиков и самых разных салонов на все случаи жизни: от барбершопов до тату-мастерских. Татьяна любила разглядывать желтые, обвитые гирляндами, витрины местных заведений. С улицы всегда казалось, что в них царит уютная полудомашняя атмосфера. Лофт больше напоминал маленький поселок или ярмарку, где собрались мастера со всего света торговать продуктами ручного труда.

Арина припарковалась на свободной площадке напротив желтого пятиэтажного здания. Вход был один, но сразу за дверью коридор разветвлялся на несколько комнат, в которых размещались бары, парикмахерские и другие салоны бытового назначения. Они зашли в первую стеклянную дверь.

Татьяна во всех заведениях лофта не была, но интерьеры, на ее взгляд, везде выглядели очень похожими – одинаковый индустриально-пролетарский стиль, который отличался кирпичной кладкой, повидавшим виды деревом и грубым металлом, что переплетались во всех предметах внутреннего декора и мебели. Но, несмотря на всю грубость форм и фактур, такое убранство вызывало чувство уюта и комфорта.

Арина села за любимый стол в углу зала, отстраненный легкой белой вуалью от остального пространства. Татьяна плюхнулась напротив на каркасный диван с множеством подушек и сразу схватилась за меню, которое подала пышнозадая хостес. Арина, расстегнув жилет, оголила круглую грудь, обтянутую тонким топиком без лямок и рукавов. Из-под белой хлопковой полоски ткани торчали поролоновые чаши лифа с красно-черным ажуром. Татьяна догадалась, что Арина настроена закончить этот вечер не в одиночестве.

– А Лада когда вернется? – она выглянула из-за желтой картонки со списком подаваемых алкогольных напитков.

– Кто знает, на сколько у ее отца хватит денег, – пожала плечами Арина, не поднимая глаз.

Бархатный голос испортила нотка обиды, но выражение лица оставалось каменным. Лада снова сбежала в Питер, еще две недели назад. Татьяна тосковала по подруге и ее неубиваемой задорности, а еще по танцам на улицах города, потому что они теперь составляли значительную часть ее дохода. Арина никогда не признавалась, но тоже всегда сильно скучала по дочери. Это сразу отражалось в ее настроении, суровости взгляда и холодности тона. Татьяна научилась по одному выражению ее лица опознавать, сбежала Лада или нет.

– Ну, давай спроси, о чем хочешь спросить с самого начала, – с усмешкой сказала Арина, бегая взглядом по меню.

– Ничего я не хотела, – скуксилась Татьяна и спряталась за картонку, которая едва закрывала голову.

Щеки порозовели. Арина тоже научилась безошибочно угадывать ее желания и мысли, порой даже тогда, когда Татьяна сама для себя не могла их сформулировать, как сейчас. Ей казалось, она никак не могла себя выдать, ведь даже не думала о Вадиме. Все ее мысли до этого занимал неудачный экзамен, самобичевание и желание напиться. Но Арина нащупала ее боль на глубине души.

– Прислал вчера, – она продвинула по стеклянной столешнице смартфон, на экране которого сияла счастливыми улыбками красивая пара на фоне воздушного шара и закатного неба.

Вадим обнимал Соню одной рукой за талию. Та щурилась от счастья. С обоих боков ее круглой головы торчали два смешных розовых хвостика, один из которых щекотал парню открытое плечо. Татьяна не могла смотреть на веселые лица, но почему-то заставляла себя в них вглядываться. Было в этом что-то мазохистское.

– Он ей сюрприз на день рождения устроил, – по-садистски ухмыльнулась Арина. – Полет на воздушном шаре.

Лицо Татьяны скисло. Уголки губ опустились под тяжестью зависти, ревности и обиды. Глаза смотрели на блики от оранжевого света висящей над столом лампы. Она не могла определить, что ее больше слепило: блеск стекла или радостные улыбки. Зато фотография помогла определиться с выбором напитка. Отложив меню, Татьяна решила заказать текилу. Целую бутылку. Даже если уснет на половине. Арина хмыкнула, не дождавшись вербального ответа, но выражением лица немногословной Татьяны как будто осталась довольна.

– У него, кстати, выставка на днях открывается, – сообщила она, тоже откладывая меню в сторону. – В Питере.

– Здорово, – Татьяна по-настоящему обрадовалась этой новости, хоть одной хорошей за сегодня.

– Представляешь, все картины с прошлой он распродал, – горделиво хмыкнула Арина и нажала на кнопку вызова официанта. – Кроме «Балерины», конечно.

– Почему? Неужели никто не захотел ее купить?

– Вадик не захотел ее продать, – Арина перевела взгляд на идущую к ним официантку с блокнотом.

Татьяна поджала губы и опустила взгляд на исцарапанное стекло столешницы. Приняв заказ, официантка быстро испарилась за вуалью. Арина заказала вино и сырный салат. Татьяна

решила обойтись одной текилой, подумав, что на пустой желудок опьянеет быстрее и, следовательно, быстрее забудет про влюбленных на фотографии, воздушный шар и сюрприз на день рождения.

Только после глотка вина Арина расспросила про экзамен, на чем Татьяна завалилась и что собирается делать дальше. Она охотно повествовала о неудачном дне, начав с самого утра, которое предзнаменовало провал вечером.

Бар постепенно заполнялся под завязку. Официанты и кальянщики сновали туда-обратно между гостями, явно не успевая обслуживать всех без задержек. Воздух уплотнился. Его занял гул разнополых голосов, шум быстрых движений, шорохи грубых тканей и стуки резиновых подошв о деревянный пол. Табачный ароматизированный дым с соседних столов подплывал и к ним. Татьяна старалась прижиматься к окну и отворачиваться. Арина дышала спокойно. Тонкая вуаль совсем ни от чего не защищала.

Когда сознание Татьяны начало расплываться, а Арина, откинувшись на спинку дивана, сняла жилет совсем, оголив широкие плечи и рельефный живот, к ним подошли трое бородатых парней, от шеи до пят покрытых татуировками. Татьяна различала их только по плотности фигуры. Самый широкий имел и самую густую бороду, зато начинающую редеть макушку головы. Средний за тщедушной бородкой скрывал отсутствие подбородка. Худой, напротив, сплел из черной бороды короткую косичку. Такая же свисала с затылка.

Арина обрадовалась компании мускулистых мужчин, жадно оглядывая их возбужденными глазами, как хищница, которая из стаи безобидных овец выбирает себе самую аппетитную. По горящему взгляду Татьяна догадалась, что ей понравились все. Татьяна ни на кого не претендовала, потому что, во-первых, в соблазнении конкуренцию Арине составлять было бессмысленно, а, во-вторых, парни не вызывали в ней ничего, кроме равнодушия.

Широкий и худой подсели к Арине на диван, а среднему место оставалось только рядом с Татьяной. Она даже не посмотрела в его сторону. Широкий завязал простецкий разговор с Ариной, представил себя и друзей, стал задавать стандартные вопросы и получать стандартные ответы.

– Мы отмечаем здесь пятилетие нашего тату-салона, – сообщил широкий, обнимая толстыми пальцами высокий бокал с колоподобной черной жидкостью и льдом. – Он через стенку с этим баром.

Парень указал на кирпичную кладку за барной стойкой.

– Серьезно? – искренне удивилась Арина, прикусив кончик языка в правом уголке губ. – Поздравляю! В таком случае я должна угостить вас шотами.

Длинной рукой она потянулась к кнопке вызова официанта. Парни рассмеялись, переглянувшись между собой.

– Вообще, мы надеялись угостить *вас*шотами, – сказал худой, откровенно пялясь на выступающие из-под топика взбитые груди Арины.

– Предлагаю бартер, – заулыбалась она. – С меня – пойло, с вас – татуировки.

Парни снова переглянулись и посмеялись, но согласились. Вскоре официантка принесла набор «Б-52» для всей компании, хотя Татьяна не просила, ведь у нее осталось еще две третьих бутылки. Все выпили залпом. Затем взяли еще пару наборов быстродействующих коктейлей и сразу после, схватив Татьянину текилу, отправились через стенку в тату-салон исполнять договоренность. Она плелась за компанией неохотно, пошатываясь и придерживаясь за руку галантного парня с косичкой из бороды.

Широкий открыл дверь, и все пятеро вошли в просторную комнату с серыми стенами и специальными креслами с оборудованием, наподобие стоматологических. Татьяне стало немного жутко от такого сравнения. Стены были завешаны полками с тюбиками и баллончиками красок, между которыми торчали рисунки и эскизы татуировок всех цветов, мастей и вкусов: от нежных розочек с шипами до жутких монстров из чьей-то больной фантазии.

Худой включил свет и пригласил их сесть в клиентские кресла. Арина легко плюхнулась в ближайшее к выходу, распластавшись поудобнее. Татьяна заняла кресло рядом, с опаской поглядывая на приставной столик с инструментами. Татуировки она еще никогда не колола и никогда о таком не задумывалась. Но алкоголь мутил разум, поэтому отказываться она и не пыталась.

Широкий подсел на крутящийся табурет к Арине. К Татьяне подошел худой с косичками. Третий с комфортом улегся на кушетку у стены напротив и уставился на друзей.

– Что, где и как будем набивать? – спросил широкий у Арины.

Та легко скинула с себя топик, а затем и бюстгальтер, оголив круглую грудь. Все трое парней непроизвольно уставились на нее. Широкий хотел приоткрыть рот, но сдержался и поджал губы в довольной усмешке.

– Вот здесь, – она приподняла левую грудь и погладила себя пальцем по ребрам. – На сердце.

– Окей, – с ликованием в глазах сказал тату-мастер. – И что тебе высечь на сердце?

– Напиши «Лев».

– Может, нарисовать? – парень поднял бровь.

– Нет, напиши, – твердо сказала Арина и откинулась в кресле.

– И что же это значит?

– Любовь всей ее жизни, – ответила за нее Татьяна, сразу вспомнив имя первого мужа бывшего босса, и с умильной улыбкой посмотрела на место под грудью, где должна была появиться татуировка.

Широкий многозначительно закивал и улыбнулся, а затем спросил про шрифт и размер надписи. Арина отмахнулась, заявив, что полностью ему доверяет. Парень хмыкнул и принялся обрабатывать указанное место спиртовой салфеткой.

Татьяна тоже хмыкнула и встретилась взглядами со своим мастером. Он вопросительно смотрел на нее в ожидании инструкций. Она не была такой фривольной, как Арина, потому не могла себе позволить обнажиться полностью, даже будучи пьяной, но татуировку захотела в том же месте. Для этого приподняла футболку и спортивный топ, натянув их на середину грудей, расположив каждую на две небольшие полусферы. На смартфоне открыла фото картины Вадима «Танец деструкции» и приблизила максимально правый нижний угол, в котором коряво вырисовывались три буквы.

– Напиши, пожалуйста, VDM, как здесь, – Татьяна довольно облизалась и показала на левые ребра.

– А это что значит? – озадаченно спросил тату-мастер, надевая хирургические перчатки, а потом усмехнулся и добавил. – Тоже любовь всей твоей жизни?

– Никнейм моего сына, которым он подписывает картины, – ответила Арина, лежа с закрытыми глазами. – Таня, моя неудавшаяся невестка, до сих пор по нему сохнет.

Татьяна нахмурилась. Такая формулировка показалась ей грубой и обидной, хоть и правдивой, но она не стала ничего отвечать, а тоже легла в кресле, чтобы мастеру было удобнее наносить надпись.

– То есть вы, неудавшиеся невестка и свекровь, вместе запиваете любовные потери? – посмеялся средний. – Какой, однако, интересный дуэт нам попался.

– Нет, мы запиваем ее неумение водить, – Арина улыбнулась с закрытыми глазами.

Широкий уже взялся за машинку с иголкой и навис над ее тонким телом с выпирающими ребрами.

– А еще сгоревший дотла ночной клуб, в котором обе работали.

– Ого, – удивились все трое, вылупив глаза.

– Это «Дэнсхолл», что ли? – уточнил средний.

Арина по-прежнему лежала без движения, не поднимая век, но медленно кивнула. Татьяна глубоко вздохнула, вспомнив покрытые сажей обломки – все, что осталось от заведения. Затем почувствовала холодное прикосновение влажной салфетки – худой обрабатывал область под левой грудью.

– Из-за чего уже несколько месяцев сидим без нормальной работы, – с ноткой саможалости докончила Арина.

Татьяна снова тяжко вздохнула. Худой жестом показал ей этого больше не делать, а сам тоже взялся за машинку и иглу. Ее предпочтений он узнавать не стал, просто спросил, доверяет ли она ему. Она кивнула. Парень вывел обычной шариковой ручкой три буквы в нужном месте и смазал кожу холодным кремом. По запаху Татьяна определила вазелин.

– Так создайте сами себе работу, – сказал средний, вращая в руке телефон по часовой стрелке, периодически стукая его краями о кушетку. – Как мы.

– Действительно, – подхватил широкий. – Мы пять лет назад тоже не знали, что делать, скооперировались и открыли этот салон.

Татьяна ойкнула от острого удара иглой по коже. Это было терпимо, но она просто не ожидала его получить. Худой посмотрел испуганными глазами. Она его успокоила улыбкой. Последующие удары переносила беззвучно, лишь иногда морщась. Текила в крови помогала не обращать на боль внимания.

– Ага, – включился в разговор худой. – Все на кон поставили. Тачки распродали, квартиры заложили.

– И как? – спросила Арина, наконец открыв любопытные глаза.

Она хотела приподняться, но широкий ей не дал, поэтому просто уставилась в потолок.

– Тачки новые купили, на жизнь хватает, – посмеялся средний.

– Блин, ночной клуб не тату-салон, уж простите, – разочарованно выдохнула Арина. – Вливаний много требует.

– Спонсора найдите, – пожал плечами широкий.

– А можно бар открыть, – встряла Татьяна. – Без пафоса.

Она повернула голову к бывшему арт-директору. Та пялилась в потолок. Татьяна видела, как нарастает складка на ее гладком лбу от усилия мысли. Какое-то время в салоне стояла бессловесная тишина. Только резвое жужжание тату-машинок колебало воздух. Парни сосредоточились на работе. Татьяна с Ариной сосредоточились на идее. Средний сосредоточился на экране смартфона.

Мастера быстро справились с работой и уже через пятнадцать минут их отпустили. Обе побежали к единственному зеркалу, что висело на выпирающей из стены технической колонне. Кожа вокруг татуировок покраснела, но надписи хорошо читались.

У Арины тату проступало не сразу, только если приподнять грудь, потому что и грудь была больше и надпись меньше. Выведенное каллиграфически имя завивалось по окружности кожной складки.

У Татьяны надпись бросалась в глаза сразу – груди не хватало ее накрыть. Все три заглавные буквы были расставлены широко друг от друга. Шрифт Татьяне показался самым обычным печатным, только чуть утолщенным. Смотрелось грубо и просто, почти так же, как роспись художника. Она осталась довольна, будто Вадим лично оставил ей автограф на сердце.

– Спасибо, – Татьяна улыбнулась своему мастеру.

– Иди сюда, намажу мазь и пленку наклею, – он ответил тем же.

Широкий тоже подозвал Арину к себе. Парень закрепил с помощью лейкопластыря прозрачную пленку, накрыв татуировку полностью, и снял перчатки. Арина расхваливала его, поддерживая левую грудь и разглядывая надпись. Тот широко улыбался.

– Полагаю, не стоит на этом заканчивать столь интересное сотрудничество, – сказал средний. – Соскучились по ночному клубу? Можем в «Ночь» поехать.

Он с надеждой в глазах посмотрел на обеих по очереди. Арина, подняв одну бровь, кокетливо улыбнулась ему в ответ, выражая активное согласие. Татьяна замотала головой.

– Я не соскучилась. Мне пора домой.

Она стянула вниз футболку и соскочила с кресла. Арина закатила глаза, как делала всегда, когда Татьяна отказывалась от развлечений.

– Я же говорю, никак не отсохнет по моему сыну, – недовольно заметила она, отворачиваясь в сторону широкого.

– Да ты сама до сих пор сохнешь по его отцу, – Татьяна ответила обиженно, ища в телефоне приложение для вызова такси.

– Ну, я хотя бы при этом не лишаю себя удовольствий жизни.

Арина игриво подмигнула своему мастеру, скрестившему накаченные руки на мощной груди, и вожделенным взглядом быстро окинула его фигуру, ухмыльнувшись. Татьяна только помотала головой. Средний равнодушно пожал плечами. Худой впился в нее вниманием и сказал:

– Жаль, что уходишь, ты мне понравилась.

Татьяна посмотрела на него насмешливо.

– Ты просто меня не знаешь.

– Ну так, может, дашь шанс себя узнать? – он расплылся в похотливой улыбке.

Она фыркнула и скрестила руки на груди.

– Пожалуй, избавлю тебя от этой участи.

Арина внезапно рассмеялась. Парни только вскинули брови в недоумении.

Когда такси приехало, Татьяна поблагодарила еще раз мастера за тату, помахала рукой Арине, которая уже пожирала глазами широкого и не обращала на нее внимания, кивнула парням и вышла из салона.

Ее мысли всю дорогу до дома занимала идея об открытии бара-клуба. Она не представляла, как вообще такие вещи делаются, как открываются заведения, как они функционируют, как зарабатывают и на что тратятся. Было очевидно: все, что работало в городе, когда-то создавалось людьми, но Татьяна понятия не имела как.

Из окна такси она внимательно наблюдала за разными развлекательными и не только заведениями в попытке за несколько секунд высмотреть секрет их успеха или хотя бы почерпнуть что-нибудь важное, но витрины просто мелькали перед глазами одна за другой, сливаясь в размытый и пестрый дальний фон, в котором ничего нельзя было различить.

Домой она вернулась еще до полуночи, но во всей квартире стояла тишина, как перед рассветом. На скрип двери к ней выбежал Рыжка, лениво потягиваясь и зевая. Адлия тихо сопела на диване. Ноутбук так и остался стоять открытым на табурете перед ней. Татьяна закрыла его легким нажимом всех пяти пальцев, сверху набросила одежду, построила из простыни для Рыжки кроватку у себя в ногах и легла на подоконник, отвернувшись к окну.

Опьянение постепенно развеялось. Закололо в боку. Вадим снова о себе напоминал. Татьяна улыбнулась, потому что привыкла к вечно ноющей боли в области сердца, и только задавалась вопросом: «Пройдет ли это когда-нибудь? Хочу ли я, чтобы прошло?». Не ища ответа, она заснула.

Глава 2. Бизнес-план

Адлия негромко напевала народную узбекскую песню, когда Татьяна открыла глаза. Соседка сидела на диване и пришивала руками искусственные ромашки к девчачьему платью. Рыжка терся о ее ногу лохматым лбом, выпрашивая еще корма. Татьяна улыбнулась и тоже почувствовала голод.

В холодильнике ждала вчерашняя запеченная фасоль под сыром и овощной салат. Такой завтрак не шел к молочному кофе, но готовить кашу Татьяне было лень, поэтому она сначала поела, а потом приготовила напиток для бодрости.

– Я тут на стул положила юбки, которые надо отстрочить сегодня, – сказала Адлия, не отрываясь от шитья.

Татьяна взглянула на сваленную кучу хлопка в углу и без эмоций кивнула. Это было еще одним источником дохода, поэтому откладывать не стоило, хотя ей хотелось посвятить сегодняшний день серфингу в интернете. Она полагала, что наверняка на просторах Всемирной паутины должны найтись миллионы четких инструкций, готовых планов и полезных лайфхаков о том, как открыть бар-клуб. Ей хотелось понять, насколько это реально и сколько приблизительно денег потребует, а затем обсудить с Ариной, но вместо этого из-за необходимости иметь деньги здесь и сейчас пришлось сразу после завтрака засесть за швейную машинку.

Под монотонный стук шустрой иголки Татьяна думала об открытии бара, вспоминая те многочисленные, в которых успела побывать за лето. Какие-то из них были схожи, какие-то сильно выделялись из общей массы. В основном менялась только обертка, а суть всегда сводилась к одному и тому же: драйв и кутеж на пьяную голову под популярную музыку. Разные слои населения кутили по-разному, потому и расходились по разным барам с разными ценами и оформлением. У каждого заведения находилась своя публика. В тех барах, где она танцевала, на ее взгляд, не было ничего оригинального: где-то диджеи умели зажечь танцпол, где-то подавали большой ассортимент коктейлей, где-то было просто дешево, а где-то проводились классные вечеринки.

Татьяне хотелось создать что-нибудь такое, где бы они с Ариной могли развлекать гостей, как хотели, а не так, как того требовало вышестоящее руководство, спонсоры вечеринки или веяния времени.

Круговорот мыслей привел ее к попытке из уже имеющихся скудных познаний о мире и бизнесе представить, как люди начинают собственное дело. Татьяна вспомнила наглядный пример маминых пекарен-кондитерских и немедля позвонила.

– Куколка, давно тебя не слышала! – обрадовалась мама, подняв трубку после первого гудка.

– У меня деловой разговор, – сразу осекла ее Татьяна серьезным тоном.

Мама многозначительно промычала и сказала с легкой смешинкой в голосе:

– В таком случае слушаю.

– Как ты открыла свой бизнес?

Убрав ногу с педали, Татьяна приостановила стрекот швейной иглы и подняла строгий взгляд на трещину в потолке. Адлия навострила уши и тоже на минуту застыла, продев сквозь ткань только половину иголки.

– Неожиданно, – изумилась мама.

Татьяна представила, как уголки ее губ медленно вытягиваются вниз, театрально, с пафосом, как она делала всегда, когда удивлялась. Голову при этом она обязательно склоняла слегка набок, едва касаясь тонким подбородком ключицы.

– Ну, ты же знаешь, мне Дима помог. А что? Ты решила податься в бизнес? Какой?

Изумление и улыбка прорывались даже по мобильной связи из сетчатого динамика телефона. Татьяна почувствовала себя шестилетней Куколкой, которая когда-то прибежала из детского садика с идеей в ближайшие десять лет заселить Юпитер.

– Как открыть бар? – она одновременно пыталась ответить на вопрос и увильнуть от него.

– Куколка, я не знаю, – мама со свистом выдула воздух. – Хочешь, передам трубку Дмитрию? Он у нас настоящий бизнесмен.

Через пару мгновений Татьяна услышала немного взволнованный голос Дмитрия.

– Здравствуй, Таня, – он прокашлялся. – Ты бизнесом решила заняться?

– Пока не знаю, – она неуверенно сдвинула губы в сторону. – Хотела узнать, как это вообще делается.

– Нуу… многое зависит от того, что за бизнес, где его открывать, с кем и как.

– Бар-клуб в Москве, – быстро проговорила Татьяна. – Что для этого нужно?

Дмитрий улыбнулся ее деловитости. Это чувствовалось по голосу и быстрым смешливым выдохам в трубку. На фоне звучал неразборчивый шепот матери.

– В первую очередь, деловая хватка, – усмехнулся он, – которую я в тебе чувствую.

Татьяна была слишком серьезно настроена, чтобы смеяться вместе с ним, потому шутку проигнорировала.

– А помимо?

– Деньги, разумеется, – снова усмехнулся Дмитрий. – Знающие люди.

Опять раздался шепот матери, который отражался в трубке телефона белым шумом.

– Много денег?

– Тут зависит, – протянул Дмитрий со вздохом.

– А ты мне можешь помочь, как маме? – спросила она напрямик, чтобы убить в себе надежду сразу и больше не мучиться этими вопросами. – С возвратом, разумеется.

Дмитрий задумался, тихо замычав. Мама все шептала. Татьяна встретила заинтересованный взгляд Адлии, пожала плечами в ответ и уставилась на неровный шов хлопковой юбки, которую успела сшить только до половины.

– Я сейчас активно в пекарни вкладываюсь, – Дмитрий сменил смешливый тон на деловитый. – Мы в следующем месяце еще две точки планируем открывать.

Татьяна разочарованно выдохнула, впрочем, расстроилась несильно, потому что надежда на помощь жила в ней совсем недолго.

– Но у меня есть хороший знакомый, который как раз барами занимается, – сказал он через секундную паузу. – Правда, он здесь в Питере. Но если у тебя есть идея и хоть какой-нибудь бизнес-план, могу попробовать вас свести.

Как выглядит бизнес-план, Татьяна представляла смутно, но почему-то была уверена, что легко его нарисует вместе с Ариной, если понадобится.

– Окей, идеи и плана пока нет, – улыбнулась она в смартфон, – но будет.

Дмитрий с мамой вместе хихикнули.

– Хорошо. Как сделаешь, звони. Устрою вам встречу.

– Спасибо! Перезвоню.

Татьяна услышала, как мама порывается перенять трубку, но красный значок на экране уже был нажат, и звонок завершился. Она решила немедля поговорить с Ариной. Та взяла трубку далеко не с первого звонка, явно отсыпалась после вчерашнего, а когда подняла, сразу услышала возбужденное восклицание Татьяны:

– Нужен бизнес-план!

– Че? – просипела в трубку Арина, зевая.

– Для бара, – пояснила Татьяна. – Я поговорила с маминым партнером, который поговорит со своим знакомым, который, возможно, выслушает нашу идею и поможет нам открыть бар.

Арина недоуменно повторила свой вопрос. Татьяна насупилась.

– Ты в деле?

– Ничего не поняла, – снова зевнула Арина. – Но, видимо, да. Ты же без меня не справишься.

Татьяна тихо возмутилась и показала язык в трубку. Адлия посмеялась.

– Давай, позже обсудим, – устало произнес бархатный голос. – А то у меня тут три голых мужика в постели и новая татуха на теле. Надо разобраться.

– Ладно, но нельзя откладывать в долгий ящик. Нам нужна классная идея и четкий бизнес-план, чтобы знакомый партнера моей мамы согласился нас поддержать.

– Подсолнух, хватит ломать мне мозг с утра пораньше! – раздраженно воскликнула Арина.

Голос ее на последних словах отдалился от динамика, словно она швырнула телефон в дальний угол. Татьяна поняла, что пора прекращать разговор, и отключилась, успев только заметить, что уже давно не утро.

Перед ней на стуле лежала оставшаяся половина кучки хлопковой ткани, которую сегодня предстояло превратить в несколько простеньких детских юбок. Довольно улыбаясь, Татьяна нажала на пластиковую педаль ногой, и игла затрещала с новой силой.

Весь день она провела дома с Адлией и Рыжкой. Они смотрели турецкий сериал, не прекращая работы, а кот скатывался в комочек и валялся то тут, то там, где ему казалось теплее и мягче. Татьяне нравилось, что его можно было тискать и во время сна. Рыжка почти не реагировал, только иногда переворачивался или чесал половинку уха, облизываясь.

К вечеру она закончила с юбками, Адлия – с платьями. Утром было нужно сдать работу заказчику, а после – отправляться на кастинг в ночной клуб районного значения неподалеку от дома. Снова пришлось бы напяливать на себя лучший наряд, делать лучший макияж, представлять себя в лучшем свете перед равнодушными директорами и администраторами, которые смотрели на полуголых девушек, как на сырое мясо в морозильной камере. Вместо этого хотелось залечь на подоконнике с мурлычущим комком рыжей шерсти и валяться весь день без отрыва, но за валяние с котом в постели никто не платил и даже не кормил. А еще наступила ее очередь готовить ужин. Татьяна с неохотой отправилась на кухню.

Когда она возилась с грибами, позвонила Арина. Татьяна ответила через блютуз-наушники, не отрываясь от помешивания шампиньонов на сковороде.

– Что ты там говорила про бизнес-план? – спросил бархатный голос.

– Надо его разработать.

– Ты что, уже инвестора нашла?

Голос Арины резко стал деловым и немного сердитым – таким она всегда общалась с ней по рабочим вопросам.

– Найду, если мы придумаем хорошую идею.

– Любовника богатого завела?

Татьяна рассмеялась.

– Если бы… Знакомый мужика моей мамы занимается барами. Дмитрий обещал устроить нам встречу, когда появится бизнес-план.

Арина хмыкнула и замолчала. Фоном тихо гудела мобильная связь и трещали неизвестные помехи. На сковороде шипели грибы и масло. Татьяна с легкой руки сыпанула на них приправ из пакета и накрыла крышкой.

– О чем думаешь? – спросила она, устав от минутного молчания.

В наушниках громко раздался вздох.

– Думаю, стоит ли игра свеч. Просто если открывать бар, то только на партнерских условиях. Не хочу больше быть наемным директором.

– Почему сомневаешься? – удивилась Татьяна. – Это же как раз свобода! И творческая, и любая другая.

Арина хмыкнула.

– Было бы у меня много лишних миллионов, я бы не парилась. Но я копила Ладе на будущее и немножко себе на старость отложила. Не хочу, чтобы деньги пропали впустую.

Татьяна тоже задумалась.

– Ну, давай сделаем так, чтобы они не пропали впустую, – все, что она могла сказать.

Татьяна не зарабатывала столько, чтобы было страшно это терять, да и детей у нее не было, и до старости, как ей казалось, предстояло преодолеть целую вечность. Она не могла понять, насколько тяжело принимать такой риск, а гарантий им обеим никто бы не дал, но в душе воцарилась уверенность, что все получится, раз есть желание.

– Ты все равно не можешь найти работу, – добавила она. – Без работы ты эти деньги и так проешь. А так хоть есть шанс, что они окупятся.

– Тоже верно, – вздохнула Арина.

Они помолчали еще пару минут. Татьяна помешивала размякшие грибы, развевая крышкой аромат жареного на всю квартиру. Кто-то вышел из ванной и быстро прошмыгнул в комнату. Татьяна обернулась, но не успела увидеть соседа и уставилась в окно, за которым темнел город. В доме напротив одно за другим зажигались окна. Люди возвращались в квартиры. Наверняка тоже готовили ужин. Внизу просвистели тормоза и раздался протяжный гудок. Татьяна дернула головой, словно только что пробудилась. Арина негромко проговорила:

– Ладно, давай попробуем. Приходи ко мне завтра.

Не дождавшись ответа, она бросила трубку. Татьяна на такое давно перестала обижаться.

Глава 3. Негадюшник

На следующий день Татьяна вместо кастинга поехала к Арине домой. В ней теперь сидела уверенность, что вскоре отпадет необходимость ходить по смотрам в гадюшники и искать разные подработки.

Погода тоже благоволила. Перед самым сентябрем день выдался ясный и теплый. Ветер лишь слегка обдувал щеки, вырываясь резко из-за поворота или здания, но тут же стихал и, будто напуганный, уползал по асфальту некрутыми вихрями, захватывая пыль и невесомый мусор. Гулять можно было в футболке, поэтому Татьяна повесила джинсовую куртку на пояс, связав рукава. От метро до дома Арины шагала неспешно, наслаждаясь летом и мнимой свободой, которая мутным, но красочным миражом мерещилась на горизонте.

Арина ходила по дому в шелковом неглиже, растрепанная, босая, с немытой головой. Гостеприимной она никогда не была, поэтому Татьяне приходилось угощать себя самой. Она заварила зеленый чай с мелиссой, откопала на полках шкафа залежалое печенье и уселась на мягкий стул, спиной к двери. Арина лежала на диванчике, согнув ноги в коленях, и бессмысленно пялилась в потолок.

– Эта маленькая стерва даже к школе не хочет возвращаться, – проворчала она.

Татьяна отхлебнула чай и закусила печеньем. Лакомство оказалось рассыпчатым и творожным. Крошки посыпались на белую виниловую скатерть и футболку. Она аккуратно стряхнула их на салфетку, как учила Адлия, ничего не отвечая на выпад страдающей матери безответственного ребенка. Татьяна никак не могла выбрать сторону в их вечных ссорах, ведь понимала и ту, и другую, поэтому на все их жалобы друг на друга предпочитала отмалчиваться.

– Я тут коплю ей на качественное образование, а она там у бездельника отца учится нихера не делать! Вырастет таким же неудачником!

Татьяна подняла взгляд на рассерженное лицо Арины и поджала губы, зажав между зубами размякшее печенье.

– Не бойся, не вырастет. У тебя не забалуешь. Дай ей чуть-чуть расслабиться. Пусть отдохнет перед напряженным учебным годом.

– Уже третья неделя пошла! – от возмущения Арина приподнялась на локте. – Сколько можно отдыхать?

– Ты просто по ней скучаешь, – улыбнулась Татьяна и отхлебнула еще чая.

Арина пылко выдохнула и отвернулась к стене. Они посидели так несколько минут. Татьяна спокойно наслаждалась горячим напитком, будучи уверенной, что Арина вскоре возьмет себя в руки, быстро отмахнется от личных проблем и будет готова обсуждать деловые вопросы, да еще с таким видом, будто у нее никогда не было детей. Пока она любовалась узорами на обоях, Татьяна приготовила и ей успокаивающий чай. Поставив перед Ариной чашку с почти бесцветной жидкостью и зелеными размякшими листьями, она спросила:

– Ты была в «Седьмом небе»?

Так назывался люксовый бар, единственный где ей понравилось танцевать, но за все лето она попала туда всего раз.

Арина резко повернулась к ней.

– Только на открытии. Мой знакомый там работает арт-директором.

Она посмотрела на Татьяну по-деловому, показав, что полностью вернула рациональность. Взгляд ее тоже похолодел и стал расчетливым. Лицо вновь приняло каменное выражение. Татьяна улыбнулась.

– Такой открыть миллионов пятнадцать стоило. Пару лет назад, – Арина села и подмяла ноги под себя.

– Это много? – Татьяна по-глупому захлопала глазами.

– А что? У тебя есть лишние пятнадцать миллионов?

– Я просто в этом вообще не разбираюсь, – Татьяна опустила взгляд и пожала плечами, сцепив длинные пальцы.

Арина окунула верхнюю губу в чай и беззвучно сделала глоток. Обе затихли. Стало слышно тиканье часов и жужжание мухи под потолком. Солнце забросило сквозь расщелину в шторах полосу белого света, поделившую кухню надвое. Татьяна плюхнулась на стул и допила остывший напиток.

– Я могу вложить максимум пять, – со вздохом сказала Арина.

– Ну, осталось найти всего десять и дело в шляпе, – посмеялась Татьяна, но бывший босс одарила ее таким взглядом, что смеяться тут же перехотелось, и она прочистила горло.

– Если вкладываться, то на равных. У тебя же нет пяти миллионов?

Арина сразу хмыкнула, знала ответ наперед. Татьяна поджала губы и мотнула головой удрученно.

– Значит, наш бюджет будет десять, если не найдем еще одного надежного партнера.

– Ну, можно же сделать что-нибудь попроще и демократичнее, – без обиняков ответила Татьяна.

Грустный взгляд ее уставился в опустевшее дно керамической чаши, по которому плавали в остатках чая бежевые крошки.

– Мне кажется, гадюшников в этом городе и так хватает.

Арина откинулась на спинку дивана и сложила руки на животе.

– Ну так, давай, сделаем *не*гадюшник.

Они встретились взглядами. В этот раз Татьяна не стушевалась, наоборот, набиралась смелости и давила глазами. Дельных мыслей в ее голове пока не родилось, но все лицо излучало энтузиазм, который хорошо сдабривал почву для безумных идей. Арина хмыкнула.

– Дмитрий сказал, что его знакомый специализируется на барах как раз, – добавила Татьяна то ли для убедительности, то ли просто так, потому что ничего другого на ум не пришло. – Он наверняка разбирается в этой теме.

– Ну, идею ведь *нам*ему надо изначально представить, – пессимистичным тоном проговорила Арина и скрестила руки.

Чай потихоньку испарялся из чаши, выпуская тонкие струйки пара в теплый воздух. Обе следили за ними с разных сторон.

– Надо сначала набраться вдохновения, – предложила Татьяна. – Посмотреть на потенциальных конкурентов.

– Предлагаешь устроить тур по барам? – хмыкнула Арина, расцепив руки.

Татьяна пожала плечами.

– Вобьем в поисковике десять лучших танцевальных баров Москвы и пробежимся по ним.

Они так и сделали. Рейтингов было множество, и не во всех списки баров совпадали, но Арина предложила выбрать те, что есть в каждом рейтинге и в первую очередь посетить их, а остальные оставить на потом.

– Звони своему Дмитрию, пусть организует нам встречу, – приказала Арина, отодвинув ноутбук от себя подальше.

– Уже? Ну, у нас же нет бизнес-плана и даже идеи? – удивилась Татьяна.

– Будет. Надо сначала встречу назначить. Он же в Питере?

Татьяна кивнула.

– Пока он там для нас время выкроит и все такое, – лениво протянула Арина. – А мне все равно надо в Питер на выставку сына, да и дочь, наконец, забрать. Надеюсь, убить всех одним зайцем.

Татьяна поджала губы, но позвонила Дмитрию. Тот обещал перезвонить, как договорится со своим знакомым.

В тур по барам они отправились тем же вечером. День для этого удачно подходил. В пятницу все бары наполнялись народом и работали на полную мощность. Арина долго приводила себя в порядок. Татьяна даже не стала заезжать домой, чтобы навести марафет и переодеться, потому что цели у них были исключительно рабочие.

В первом баре их ждало разочарование. На фотографиях он казался и просторнее, и интереснее. Стены выглядели причудливо, но больше походили на декорации к малобюджетному фильму, чем на настоящие дизайнерские интерьеры. В баре подавали только классику, зато за приемлемые цены, а из колонок играла жанровая музыка, которая и завлекала сюда ее любителей. Гости танцевали словно в трансе, но по их блаженным лицам было видно, что отрывались они здесь по полной.

Следующие четыре оказались сильно похожими друг на друга и отличались лишь локацией в противоположных точках города. Татьяна не нашла в них ничего интересного, кроме парочки забавных барменов, ловко работающих в паре и умело развлекающих скучающий народ. Да нескольких танцовщиц, чьи движения ей понравились, как коллеге по цеху. Арина подметила в афишах одного из баров проведение редких вечеров живой музыки, а также неплохой диджеинг в другом.

В пятом им приметились только большая сцена и огромный зал для полноценных концертов, но в этот день никаких мероприятий там не проводилось. Еще два из списка работали на студентов – рядом располагалось много общежитий. Цены там установили весьма демократичные. Народ напивался до безумия и танцевал везде, где находил ровную поверхность.

В парочке других, напротив, впускали лиц строго старше двадцати одного года. Гости там выглядели солидно, а некоторые порой слишком серьезно для пятничной вечеринки. Музыка играла всякая, привлекая на танцпол с каждой композицией разные группы слушателей, отчего танцующих единовременно было мало, зато двигаться свободно никто не мешал.

В последнем Татьяну впечатлила масштабность декораций: стены и потолок были украшены множеством искусственных, но выглядящих очень живыми, цветов. Все сотрудники и многие посетители носили на шеях гавайские бусы из гофрированной бумаги. Девушки на сцене изображали бразильский мини-карнавал. Саму сцену тоже украшали гигантские цветы, неизвестно из чего сделанные. Материал казался одновременно мягким и твердым. В баре разливали красочные коктейли с экзотическими вкусами. Диджей отжигал больше всех в углу за баром.

– У нас тоже будет строго двадцать один плюс, – решительно заявила Арина, когда они возвращались домой на ее машине.

– Зато студенты – народ веселый, – посмеялась Татьяна.

– Нам нужен состоятельный, а не веселый народ, который будет платить за нашу работу, а не мешать ей.

– А еще большая сцена, чтобы было за что платить.

Арина посмотрела на нее с одобрительной усмешкой. Татьяна улыбалась не ей, а полупустой дороге перед собой, в которой представляла призрачным миражом их будущий бар и масштабные танцевальные представления, которые они будут там показывать. Мерещились перья и цветы. Много перьев и много цветов. Сумеречное освещение, яркая светомузыка и громкие басы из огромных колонок. Стройные тела, активно трясущие бедрами, и пьяные счастливые лица внизу.

Домой Татьяна вернулась относительно бодрой, хоть и не спала почти сутки. Рыжка свернулся клубочком прямо посередине ее постели. Пришлось лечь с краю поверх покрывала, чтобы не разбудить его. Адлия перевернулась на другой бок и негромко захрапела. Под ее монотонный храп Татьяна быстро заснула.

***

Разбудил ее телефонный звонок. Она долго не хотела просыпаться. Мама успела не дозвониться два раза, прежде чем Татьяна дотянулась рукой до смартфона.

– Ну, Татьяна, ждем-с вас в Питере, – сообщил бодрый бас Дмитрия. – Я договорился на встречу десятого числа.

Она встрепенулась. Ждала этого, но не ожидала. Дыхание участилось. Из головы мгновенно пропали все мысли разом. Глаза по-глупому захлопали, будто перещелкивали реальности в мультивселенной, ища ту, где ничего не надо было делать.

– Отлично. Спасибо.

– Готовь бизнес-план, – улыбнулся Дмитрий.

– Куколка, ждем тебя очень! – успела крикнуть в трубку мама, пока Татьяна не завершила звонок.

Она заулыбалась и сразу сообщила Арине. Та отреагировала спокойно, пригласила ее к себе для обсуждения плана, который они расписали за пару дней усиленного интернет-поиска. Большую часть взяли из Ариниого опыта и оценок, а некоторые параметры просто прикинули, побегав по нескольким сайтам для бизнеса, где торговали профессиональным кухонным, барным и звуковым оборудованием. Цены на аренду взяли у агентства коммерческой недвижимости, зарплаты написали по образцу «Дэнсхолла» и на этом успокоились.

– Бизнесмены из нас так себе, – усмехнулась Арина, взглянув на листок в клеточку, в который уместился весь их план по открытию бара.

Татьяна всосала собственные губы с легким свистом и смачно разжала их, цокнув. Но добавить ей было нечего.

– Сделаешь из этого мини-презентацию? – спросила Арина, то ли с вызовом, то ли с любопытством взглянув на нее.

Татьяна кивнула твердо.

– Сколько у нас еще? Неделя? – Арина почему-то взглянула на часы, которые имели только круглый механический циферблат в римском стиле.

– Ага.

– Думаю, может, нам еще по питерским барам прогуляться? Вдохновения набраться. Вдруг там что-то интересное есть?

Татьяна пожала плечами. Из питерских баров она была только в «Дирижабле». В нем не было ничего интересного, кроме мозаики Вадима.

– Завтра выдвигаемся в Питер. Если что, бизнес-план там дорисуем, – решительно произнесла Арина, для значимости кивнув. – Поедем ночью. Днем на дорогах слишком тесно.

Татьяне никто не предоставлял выбора, поэтому она просто согласно кивнула и отправилась домой готовиться к поездке. Пока ехала в автобусе, позвонила маме и обрадовала ее скорым приездом. Мама сразу стала перебирать варианты пирогов ей на дегустацию. Татьяна отмахнулась тем, что сидит на диете, хотя сама вечером с удовольствием слопала блинчики с творогом.

– Я где-то дней на пять еду, – говорила она Адлии, пока та вязала для себя свитер – готовилась к холодной зиме, которую обещали синоптики.

– Оо, – протянула Адлия, не поднимая глаз. – Тут как раз заказ новый пришел на форму для детского балета.

– Какой срок? – Татьяна сидела на подоконнике и глядела в окно на закатывающееся за горизонт оранжевое солнце.

– Месяц.

– Успеем, – улыбнулась, разглядывая далекие тучи, окрашенные в оранжевый.

– Вы с Ариной свой бар собираетесь открыть? – осторожно спросила Адлия. – Кто ж мне помогать тогда будет?

– А меня ты куда денешь? – посмеялась Татьяна и спрыгнула с подоконника. – Вот откроем свой бар, заживем. Может, тебе вообще работать не придется. Будешь вязать для души. Только костюмы мне шить.

Она сделала несколько резких оборотов вокруг своей оси на одной ноге, задорно смеясь. Адлия быстро заразилась ее весельем и тоже захохотала, пока не заболела спина. Потом они посмотрели пару серий про турецкого султана и легли спать.

Глава 4. Сказки

Когда они выезжали из города, небо приобрело ночные оттенки. Улицы стали стихать, особенно на окраинах. Разжигались огни фонарей и встречных фар. Быстро холодало. Погода становилась все более осенней, пасмурной и тучной, хотя зеленая трава и деревья выглядели по-майски молодыми и свежими.

Татьяна устроилась поудобнее в пассажирском сиденье, направив на себя маленькое вентиляционное отверстие над бардачком, что излучало нагретый воздух. Спортивные легинсы и хлопковые носки не защищали от прохлады встречного ветра. Арина сидела в бриджах и тонкой футболке и чувствовала себя вполне комфортно. Татьяна списала это на горячую кровь, кипящую в ее жилах.

– Готовься, в середине пути поменяемся, – пригрозила Арина.

Татьяна выпучила глаза и спросила она с претензией.

– Отсутствие прав тебя не смущает?

Арина хмыкнула.

– Ну, на трассе разворачиваться не надо. Так что не парься.

Прижав колени к груди, Татьяна насупилась.

– Если я разобью машину, я не буду на тебя бесплатно работать, – отрезала и отвернулась к окну.

– Как-нибудь сочтемся, – усмехнулась Арина, растянув пухлые губы на весь подбородок.

Она прибавила звук радио, которое обычно слушала очень тихо, и салон наполнился простенькими звуками бардовской гитары, а затем и приятным хрипловатым баритоном, меланхолично тянувшим концы предложений. Достаточно долго они ехали молча. Татьяна смотрела в темень за окном, в которой ничего нельзя было разобрать, только редкие дорожные знаки и ограждения. Арина следила за дорогой на глубину дальнего света фар, покачивая головой под спокойную музыку.

Татьяна размышляла о предстоящей встрече со знакомым Дмитрия. То наверняка был деловой и важный человек, бизнесмен в дорогом костюме, который требовал особенного к себе отношения и специального этикета. Она испугалась, что может испортить встречу своим нелепым поведением или дурацким замечанием не к месту. Боялась провалиться на чем-нибудь общеизвестном, в чем не разбиралась, если вдруг предстоит поддерживать светскую беседу, как сделала это на свадьбе Дэна и Алисы в разговоре с Соней.

После того вечера она, конечно, узнала в интернете, кто такой Буш и чем знаменит, нашла много шуток про доимого коня, прочитала о нем целую статью в научном журнале, и решила, что теперь должна быть в курсе политических событий в мире. Для этого подписалась на разные видеоканалы и паблики в социальных сетях, но большая часть мировых событий ее попросту не увлекала. И теперь она беспокоилась, что слабая эрудиция может загубить весь проект на корню. Татьяна даже решила пересмотреть все пропущенные видеоролики о ключевых событиях в мире и прочитать все посты серьезных информационных изданий перед встречей, чтобы не ударить в грязь лицом.

Затем она размышляла о концепции бара, пытаясь придумать что-нибудь свежее, перебирала места, в которых бывала, вспоминала «Дирижабль». Плавно мысли переросли в воспоминания о ее первых похождениях по ночным заведениям, которые полностью превратились в тоску по Вадиму. Тату снова заныло, хотя Татьяна не вспомнила о нем за день ни разу.

– Кстати, татуировкой ты осталась довольна? – спросила она у Арины, вырвав сознание из темноты ночи.

– Главное, что Леве понравилось, – усмехнулась та.

Татьяна хмыкнула. Ей бы тоже хотелось продемонстрировать свой глупый пьяный поступок Вадиму и снискать его одобрение, но теперь это было невозможно. Она снова погрузилась в тоску, пока не услышала его голос из динамика у себя под боком.

– Да, мам, – ответил он на входящий звонок.

– Вадик, забыла тебя предупредить – я к тебе еду. Буду под утро, – улыбчиво проговорила Арина. – Ключи у меня есть, так что спи спокойно. Постель только приготовь.

Протянув «эээ», Вадим прочистил горло.

– Внезапно. Надолго?

– Дней на пять.

– Так сильно ты по мне еще никогда не скучала, – заметил он безрадостно.

Татьяна улыбнулась. Арина закатила глаза.

– Вадик, бабосики нам на киношку подкинь! – послышался на фоне девчачий голос.

Он раздраженно шикнул, отстраняясь от трубки, но было уже поздно. Арина в возмущении раскрыла широко рот и глубоко вдохнула.

– Это ты, что ли, ее побег спонсируешь, предатель?! – завопила она, слегка наклонившись вперед, чтобы сын лучше слышал по ту сторону связи.

Вадим устало вздохнул. Лада ахнула. Через несколько секунд раздался вдалеке хлопок двери.

– Ах, ты!.. – крепче сжимая руль и пыхтя, Арина пыталась справиться с выпирающим наружу гневом и нецензурной бранью. – А я-то думаю, откуда у ее отца столько денег! Никогда больше, чем на две недели, не хватало, а тут вдруг!

– Маам, – жалобно протянул он. – Ну, блин, ты бы видела ее кошачьи глаза. Мое сердце растаяло. Я тоже по бате скучаю. Ну, ты должна понять…

– Угу, – превратив толстые губы в тонкую линию, кивнула Арина. – Все по отцам скучают, а на мать насрать.

Татьяна увидела сбоку, как нарастало напряжение в ее глазах. Арина втянула щеки, быстро шмыгнула носом и отвернулась к боковому окну, специально спрятав глаза от любопытной Татьяны. Она впервые испытала к Арине жалость. В груди стало тяжко.

– Мам, ты же знаешь, что мы тебя любим, – в голосе Вадима Татьяна слышала улыбку, и тоска еще острее пронзила ее.

– Идите вы нахер, дети, – проворчала Арина и повесила трубку.

В сторону Татьяны она еще долго не могла смотреть, бегая взглядом от лобового стекла к боковому. Татьяна и не пыталась ее смущать, отвернувшись к своему окну. Ей тоже было больно, что Вадим по ней не скучает. Только в ее случае он действительно не скучал, ведь она теперь была ему никто. Максимум подружкой сестры, бывшей подчиненной матери, дочерью знакомой. Было странно получать кусочки информации о нем ото всех, кроме него самого. Изредка ей удавалось увидеть его фотографию на смартфоне Лады, еще реже услышать веселый голос из динамика телефона Арины, но чаще всего о нем рассказывала мама, которая периодически звала Вадима в гости в пекарню или домой.

До заправки, что разделяла путь на две половины, они доехали быстро, или Татьяне за беспорядочным потоком мыслей так показалось. Заходя в магазин, она уже знала, что возьмет сэндвич с индейкой и капучино. Арина долго фыркала на витрину, потому что из-за плохого настроения ей все претило. Пока она думала, Татьяна успела сбегать в туалет, высушить под слабым электросушителем руки, купить еду и съесть половину сэндвича за столиком. В итоге Арина притащила на подносе салат «Цезарь» в пластиковой круглой пиале с прозрачной крышкой.

– Презентацию мне скинь, – попросила она, швырнув поднос на середину стола.

Татьяна выполнила задание сразу же и переслала файл с презентацией в мессенджере. Арина пробежалась по нему аналитическим взглядом и, сдвинув губы вправо, махнула рукой.

– Сойдет.

Татьяне стало немного обидно. Она делала эту презентацию целый день: искала в интернете лучшую бесплатную программу с самым качественным дизайном, долго выбирала макеты, старалась формулировать предложения как можно более емко и лаконично, проверяла весь текст на орфографию и пунктуацию, вставляла подходящие картинки, которые очень трудно было найти, особенно в большом архиве стоковых фотографий.

– Нам нужна хорошая команда, – внезапно заявила Арина после нескольких минут молчания. – Ну, или хотя бы неплохая.

– Если будут деньги, наймем, – пожала плечами Татьяна, отодвинув стаканчик с капучино подальше от Ариниого гнева.

– Желательно, чтобы это были проверенные люди. У меня, конечно, есть знакомые, но не уверена, что они впишутся в неизвестно во что.

Арина не без труда сняла пластиковую крышку и ткнула вилкой в куриное филе. Ее тут же постигло разочарование, потому что соус надо было добавлять отдельно. Пакетик с ним крепился сбоку на обычный скотч. Специально подготовленная линия отрыва в ее тонких пальцах к середине пакетика пошла по кривой. Соус вылился не полностью. Татьяна улыбнулась тому, как Арина надувает губы от злости.

– Хотя бы бар-менеджера правильного найти, – вздохнула Арина. – И шеф-повара.

– Зачем нам кухня? – задумалась Татьяна. – У нас же будет диско-бар, а не гастро.

Арина посмотрела на нее пристально, но прежде чем возразить, выпила кофе.

– Все любят пожрать. Тем более, если мы хотим сделать бар прибыльным, нам надо будет в будни работать, как обычный бар, чтобы аренду окупать.

– Ну, «Дэнсхолл» же работал только по выходным.

– «Дэнсхолл» мог себе это позволить. А мы вряд ли.

Они встретились глазами, посмотрели друг на друга несколько секунд, а потом молча доели безвкусную еду и отправились к машине.

Теперь за руль села Татьяна, которая еще ни разу не водила автомобиль без автоинструктора или инспектора. Как только она коснулась водительского сиденья, руки задрожали. На улице потемнело до черноты, только она схватилась за руль. Свет фар распространялся лишь на ближайшие метров двадцать вперед, а за ними царила тьмущая тьма. Она понимала, что на трассе не будет никаких поворотов, ночью машин гораздо меньше, да и коробка передач работала автоматически – были все условия для комфортной езды, но паника в голове все равно не давала успокоиться. Арина смотрела на нее с ухмылкой, положив локоть на ручку двери.

– Не переживай ты так.

– Я же в первый раз без инструктора еду! Как тут не переживать! – вспылила Татьяна.

Натянутые нервы машинально повышали тон ее голоса.

– У всех бывает первый раз. Это как с девственностью, – философствовала Арина. – Расслабься и получай удовольствие.

– Ага, – Татьяна ответила с сарказмом, внимательно глядя на освещенный клочок дороги за лобовым стеклом. – Тебе легко говорить. Боюсь, ты и помнить забыла, что такое девственность.

– Не поверишь. Я девственности лишилась в сознательном возрасте.

Татьяна закатила глаза нервно, но быстро вернула сосредоточенный взгляд на дорогу. Она потянула голову вверх и вперед в надежде, что так ей будет лучше видно, но свет заканчивался ровно там, где заканчивался до этого. Тьма, наоборот, казалось, сгущалась. До рассвета было еще далеко. Она чувствовала себя персонажем фильма «Мгла» по роману Стивена Кинга, на каждом метре ожидая встретить собственную смерть.

Но вот она проехала уже полчаса. Все оставалось относительно спокойным. Музыка действовала расслабляюще. Тьма не кончалась, но постепенно стала казаться предсказуемой,

потому что за продвижением автомобиля и света фар ничего не менялось. Один участок асфальта сменялся другим, почти идентичным. Напряжение немного спало, хоть Татьяна и пучила глаза на дорогу. Со временем она почувствовала радость от того, что ведет машину полностью самостоятельно, без остановок и указок откуда-нибудь сбоку. Арина сидела в задумчивости весь остаток пути. Только перед въездом в город попросила Татьяну остановиться на обочине, чтобы поменяться местами. Мучения закончились. Она с облегчением плюхнулась на пассажирское сиденье и расслабилась окончательно. Даже успела немного вздремнуть.

Небо посветлело, когда Арина остановилась напротив подъезда родного дома Татьяны. Тучи гуляли по кругу, угрожая проливными дождями. Воздух казался теплым, даже немного душным. Во всем здании горела всего пара окон. В квартире мамы было темно. Татьяна вышла из машины и полезла на заднее сиденье за рюкзаком. В голове проносились мысли: «Может, все-таки напроситься с Ариной, пока не поздно? Блин! Там Вадим. А здесь мама. Она ведь изменилась».

– Сегодня вечером созвонимся, устроим тур по барам, – директорским тоном проговорила Арина, повернувшись назад.

Татьяна кивнула, улыбнулась и вытащила свои вещи из машины. Махая рукой, она еще пару минут наблюдала, как седан медленно выезжает из двора, а затем подбежала к домофону, который ответил сонным голосом Дмитрия.

Поднимаясь на лифте, Татьяна чувствовала усталость и легкий трепет. Это был всего лишь второй раз возвращения домой после побега, и первый, когда они с мамой помирились. Она все еще чувствовала неловкость, но одновременно испытывала радость, ведь перестала себе врать, что не скучает по ней. Татьяна ждала теплых и крепких объятий, которыми ее встретят, предвкушала вкусные пироги, которыми ее обязательно будут кормить, надеялась окунуться в мамину заботу, от которой когда-то сбежала. Теперь ей хотелось побыть немножко принцессой, поныть и побаловаться. Она была уверена, что мама ей это позволит. И Вадима, который спускал ее с королевского трона, теперь не будет.

Татьяна нажала на звонок. Внутри закопошились. Щелкнул несколько раз замок. Дверь распахнулась. За ней стояла улыбчивая мама в халате. Без всяких слов она затащила Татьяну в квартиру и крепко стиснула в тонких, но сильных руках.

– Куколка! Похорошела! – воскликнула мама, когда Татьяна высвободилась из объятий. – И похудела, кажется!

Она приложила обе руки к щекам и замотала головой неодобрительно, хотя раньше сама периодически сажала ее на диеты.

– А ты поправилась, – заулыбалась Татьяна.

– Ох эти пекарни – коварное зло, – мама лукаво махнула рукой и повела Татьяну за руку на кухню.

Усадив ее за стол, мама сразу же принялась возиться с посудой и холодильником. Из туалета в этот момент вышла рослая фигура. Дмитрий запахнул халат и заглянул на кухню, остановившись в проеме.

– Здравствуй, Татьяна, – улыбнулся, показав стройный ряд желтоватых зубов. – Как доехала?

– Спасибо, хорошо.

– Еще какие-то дела здесь или как? А то до встречи-то еще далеко.

– Завтра пойдем исследовать рынок, – деловито ответила Татьяна.

Дмитрий многозначительно промычал и закивал. Мама сказала ему не напрягать Татьяну деловыми вопросами, потому что она нуждалась в отдыхе с дороги. И накормила ее ризотто с курицей, а затем лимонным пирогом. Пока Татьяна ела, мама расспрашивала про жизнь после пожара в «Дэнсхолле».

– Ну, я же все тебе уже рассказала, – недовольно протянула Татьяна.

– Ой, ну все равно не по телефону. Вживую хочу послушать. Вплоть до мелочей, – ворчала мама.

Усталость опустилась вместе с едой на дно желудка и потянула сознание спать. Половина ночи за рулем Татьяну сильно утомила. Даже не убрав за собой посуду в раковину, она отправилась в комнату.

Постель ждала ее. Новое белье пахло цветочным кондиционером. Татьяна плюхнулась на кровать, не раздеваясь, и уставилась в стену напротив, обомлев. Перед ней стояла работа Вадима «Танец деструкции» с изображением керамической полубалерины и живописной полудевушки в платье из подсолнухов. От удивления она мгновенно проснулась и подошла к картине. Мама оперлась плечом о косяк двери, наблюдая за ней.

– Он что, тебе ее подарил? – спросила Татьяна, аккуратно касаясь пальцами керамического лица девушки на мозаике.

– Отдал на хранение, – улыбнулась мама. – А то его новая пассия бесится.

Она поймала взгляд Татьяны и понимающе кивнула, поджав губы.

– Продавать он ее не хочет, а хранить где-то надо, – добавила мама, когда Татьяна снова перевела взгляд на себя, мозаично-масляную, созданную Вадимом.

Она водила кончиками пальцев по шершавым швам между осколками, повторяя кривизну линий, похожих на старые шрамы.

– Представляешь, один богатей влюбился в эту балерину и все требует ему ее продать. В последний раз предлагал аж пять миллионов, как все его проданные картины вместе взятые стоили. Но Вадик пока держится.

У Татьяны рот невольно открылся от этой новости. Она сразу убрала руки от греха подальше. Полотно стало для нее ценной реликвией, которую лучше не трогать, да и смотреть следует лишь издалека, чтобы ненароком не испортить. Татьяна отступила на пару шагов назад. Мама хмыкнула.

– У него выставка послезавтра открывается. Ты пойдешь?

– Не знаю, – Татьяна ссутулилась.

– Кто ж знал тогда, что Вадик окажется таким перспективным молодым человеком, – с глубоким чувством досадливого сожаления протянула мама, пространно глядя на картину с раздваивающейся балериной.

В Татьяне мгновенно вспыхнули старые обиды. Захотелось влепить матери хлесткую пощечину, и не одну, и закричать: «Видишь, как ты ошибалась! Видишь, как ты все испортила своими предрассудками и глупыми представлениями о жизни! Пожалела теперь, когда уже поздно?!». Хотелось швырнуть в нее что-нибудь тяжелое, но хрупкое, чтобы оно так же разбилось о маму, как ее сердце год назад.

– Прости, Куколка, – мама опустила голову, будто готовилась к плахе.

Татьяна сжалась, обхватив себя руками, и отвернулась, показывая всем видом, что не хочет продолжать этот разговор. Мама еще несколько секунд смотрела на нее, тщетно ожидая продолжения, но, не дождавшись, пожелала спокойной ночи и закрыла дверь снаружи.

Лежа в постели, Татьяна долго смотрела на две себя: холодную и безжизненную керамическую балерину, будто потрескавшуюся, и теплую и жизнерадостную девушку в развевающемся платье, написанную яркими красками. Даже живописная половина не походила на Татьяну, была слишком красива по сравнению с оригиналом. Она и не узнала в ней себя изначально, когда увидела картину в первый раз. Только теперь стала подмечать отдельные схожие детали.

Вадим очень четко передал ее трансформацию, которую Татьяна до первого взгляда на это изображение, не осознавала. Она действительно до встречи с ним словно и не жила, а, как керамическая кукла, совершала механические действия без души и страсти, но после встречи с ним расцвела, как подсолнух. А теперь опять увядала от тоски по нему. Сердце словно заще-

мили тисками. Три буквы, что имелись на картине в нижнем правом углу, отпечатавшиеся теперь и на ее теле, снова зачесались и прорезались легкой болью. Сделав несколько глубоких вздохов, она закрыла глаза и заснула.

***

Татьяна проспала до самого вечера. Да и потом, когда проснулась, валялась еще полтора часа в постели, наблюдая за недвижимой балериной на картине, которая была изображена так динамично, что казалось, вот-вот закончит начатый поворот. Мама с Дмитрием думали, что Татьяна глубоко спит, поэтому не беспокоили ее. Она слышала их осторожные шаги по квартире и перешептывания в коридоре, но не выходила из комнаты, потому что нуждалась в покое.

Желудок недовольно урчал от нарастающего голода, но Татьяна его игнорировала, отвлекая мозг воспоминаниями о детстве, учебе в академии, проблемах, что ее тогда волновали. Теперь они казались такими незначительными и глупыми, почти вымышленными и не осязаемыми, но тогда каждая представлялась трагедией. Она всегда сильно переживала, когда преподаватели делали ей замечания, будто их одобрение являлось единственной ценной валютой во всем мире. Каждый раз жаловалась об этом матери, требуя от нее ласки и незаслуженных похвал. А после компенсации самооценки занималась усерднее, надуваясь от собственной важности. Сейчас, казалось, ничье одобрение ей не было нужно, но она по привычке его искала у директоров ночных заведений, у Арины, у Адлии и даже у Рыжки, чье мурлыканье постоянно анализировала.

С кровати ее поднял звонок бывшего босса.

– В десять на Гостинке, – быстро отдала приказ Арина.

Татьяна собиралась лениво. На кухне ждала свежеприготовленная еда и мама с фартуком поверх цветастого платья. Садясь на диван, Татьяна обежала кухню глазами.

Все осталось прежним, только на пробковой доске добавились новые фотографии – запечатленные моменты из совместных путешествий мамы с Дмитрием. На фотографиях оба, полуголые, стояли ногами в белом песке на фоне лазурного берега. Лица казались черными от загара и тени, но счастливыми. Татьяна знала, что фотографии были сделаны месяц назад. Мама много и долго рассказывала об их первом совместном отдыхе. Татьяна за нее искренне радовалась, потому что мама не брала отпуск уже несколько лет. Максимум, как она могла себе позволить отдохнуть, это съездить на пару-тройку дней на дачу к друзьям вместе. Как правило, они возвращались поздно ночью, а наутро мама спозаранку бежала на работу, а Татьяна – в академию.

– Какие у тебя планы? – спросила мама, ставя перед ней глубокую тарелку с сырным супом.

Сухарики она насыпала в отдельную пиалку и приставила рядом. Татьяна сразу опростала ее в суп и помешала все столовой ложкой.

– В смысле? – ответила пространно, концентрируясь на сухарях, утопающих в бежевой жиже из сыра, сливок и неизвестно чего еще.

– Ты, кажется, серьезно настроена на открытие бара.

Мама села напротив и сбоку посмотрела любопытным взглядом.

– Я просто не знаю, что делать, – вздохнула Татьяна, плюхнув ложку в суп. – У меня нет никакой страсти по жизни, как у тебя пироги.

Она выдавила слабую улыбку. Мама хмыкнула и положила одну руку на другую.

– А рисование? Ты же окончила курсы.

– Этому еще учиться и учиться, – поджала губы Татьяна. – Да и со стажировки я тоже сбежала. Не уверена, что это мое.

Ей снова стало стыдно перед собой. Она опустила взгляд на завтрак или, скорее, ужин. Сухари размягчались под действием горячей жидкости.

– Все-таки неплохо, да, когда есть четкий план? – усмехнулась мама и стрельнула в нее коварным прищуром.

Татьяна покосилась в ответ скептически и принялась за суп. Обида колола, потому что в чем-то мама была права, но из-за гордости не хотелось этого признавать.

Раньше экзистенциальные вопросы ее не волновали. Она беспокоилась только о том, как выполнять ежедневные знакомые задания и продолжать совершенствоваться в давно начатом, не пробуя ничего нового. У всех проблем было четкое решение – усердие и труд. Теперь она не все проблемы могла даже идентифицировать, не то чтобы найти им решение. В душе царила спонтанная неопределенность: что делать, как жить, где быть. И не у кого было спросить совета, а хотелось получить готовую инструкцию с подробным описанием того, что от нее требовалось по жизни. Жаль, такие инструкции в интернете не публиковали. Все приходилось придумывать самостоятельно.

Насытившись и поблагодарив маму за вкусный суп, Татьяна пошла готовиться к походу по барам. Особенно наряжаться и краситься она не видела смысла. Достаточно было помыться и причесаться. Она готовилась не отдыхать, а работать, изучать потенциальных конкурентов и красть их фишки. Арина наверняка и не позволила бы ей расслабиться, а, даже если и позволила, то Татьяна была уверена, что ничего интересного ее там ждать не может.

Вадим казался единственным в мире привлекательным и интересным парнем. Никто даже близко с ним не мог сравниться ни по красоте, ни по харизме. Из-за чего все жалкие попытки знакомства казались глупыми и обреченными на провал.

«Не слишком ли я зациклилась?» – осеклась Татьяна, стоя в комнате перед зеркалом и обводя губы прозрачным блеском. Она всмотрелась в собственные серые глаза и тяжко вздохнула, испытывая одновременно стыд и жалость. Подняв футболку, вгляделась в три буквы на сердце, которые все еще зудели и покалывали. На секунду все внутренности сжались от горести прошлых ошибок.

Она часто думала о том, что было бы, если б она поступила иначе во множестве ситуаций. Когда поссорилась с ним на даче, когда убежала из дома, когда посетила выставку в Москве, когда увидела его на Арбате, когда устроила скандал на свадьбе Дэна и Алисы, когда не ответила на просьбу остаться с ним здесь, в Питере. Но в памяти тут же всплыла фраза Арины о невозможности исправить то, что было, но возможности создать из осколков старого что-то новое. Татьяна задалась вопросом, что бы могло получиться из осколков их так и не удавшейся любви. «Дружба?» – спрашивала с тоской и сама над собой смеялась.

В поездку она взяла только спортивные легинсы, джинсы-скинни и техасскую рубашку . В бар в таком идти было не комильфо, хоть она и не собиралась там развлекаться, но боялась, что ей могут отказать из-за дресс-кода и тогда все мероприятие могло накрыться медным тазом.

Татьяна решила покопаться в старых вещах, которые мама сохранила, не тронув. В шкафу обнаружилось много платьев. Расти Татьяна перестала еще в пятнадцать лет, а пополнеть ей не позволяли постоянные физические нагрузки, поэтому все платья оказались впору, но нормальных на ее теперешний вкус среди них не осталось. Скребя душой, она выбрала бывшее любимое с подсолнухами.

Рядом на полках валялись ее детские вещи: множество романов и диски с мультфильмами, среди которых до сих пор лежали те, что она взяла у Вадима. Она невольно улыбнулась, разглядывая обложки с персонажами. Все картинки выглядели яркими, красочными, сказочными, даже если истории рассказывали непростые и не всегда детские. Ей вдруг захотелось окунуться в эти миры заново. Она давно ничего подобного не смотрела, а ведь раньше любила представлять себя немощной диснеевской принцессой, или русской царевной из народных сказок, или кавайной, но воинственной милахой из японского аниме. Детство так резко и быстро закончилось, а душа просила продолжения. Но времени на ностальгию не осталось – Арина не любила опозданий.

В центре было достаточно ярко, даже глаза мозолило. Толпы сновали по тротуарам. С разных сторон доносились звуки уличных музыкантов, загороженных любопытными зеваками.

Арина ждала, прислонившись боком к автомобилю, что припарковала у метро. Вид у нее был строгий, словно она сразу после бара собиралась на собеседование, но, как обычно, в нем нашлась толика сексуальности. В этот раз за откровенность образа отвечал высокий боковой вырез красной юбки-карандаша.

– Сегодня не пьем, – сказала Арина вместо приветствия.

Татьяна улыбнулась.

– Я и не собиралась.

Они свернули сразу за арочным торговым центром на шумную улицу, по которой молодежь разбредалась компаниями. Татьяна учуяла дым электронных сигарет, сильно отдающий химическим ароматом апельсина, откашлялась и поежилась, потому что из-за угла дунул зябкий ветер. Арина застегнула куртку.

– Ладу видела? – спросила Татьяна для поддержания непринужденной беседы по пути в ближайший бар.

– Нет, – Арина недовольно завертела головой. – У отца прячется. Даже трубку не берет. Трусиха.

На этом беседа так же непринужденно закончилась, как и началась. Татьяне сказать было больше нечего, а Арине говорить не особо хотелось. Проблемы с дочерью отражались на задумчивом лице. Она шагала торопливо, будто спешила на встречу, быстро махая руками. Сумочка на цепи стучалась о бедро при каждом шаге. В ней звенели ключи и что-то еще.

Первый бар показался Татьяне тесным и грязным. Без диджеев и танцовщиц. Здесь просто напивались. Такому месту наименование «гадюшник» подходило более чем. Задерживаться в этом баре не имело смысла, поэтому они пошли в следующий, что находился сразу через стенку. Большинство мест на Думской улице были схожи как по тематике, так и по ценовой категории. Людям отводилось мало-мальски места потанцевать, а доводили их до этого желания недорогие популярные коктейли, которые готовились быстро и били прямо в точку. Они обошли несколько соседствующих баров, и во всех картина повторялась, пока не свернули за угол и не попали в трехэтажное помещение с просторными залами и светомузыкой. Здесь им понравился в стиле вечного Хэллоуина и девушка-диджей, которая сама горела за пультом и зажигала толпу.

Последний бар-клуб оказался скромнее, но уютнее. Теснота сгущала и сплачивала. Люди даже на маленьком островке между баром и окнами умудрялись танцевать и буянить. В меню не было коктейлей вовсе. Все напитки, как алкогольные, так и без, подавались в чистом виде, но по желанию и за дополнительную плату бармен мог приготовить любой коктейль на вкус гостя, даже если такой никогда не существовал. Из музыки сложился невообразимый микс несочетаемого, но очень воодушевляющего людей на активные движения. Татьяна сама хотела пуститься в пляс, но Арина схватила ее за локоть и выволокла на улицу, сказав, что на сегодня достаточно.

– Ну, какие мысли? – спросила директор, когда они ехали по набережной.

– Я поняла, что с интерьером можно не запариваться, – улыбнулась Татьяна.

– Как раз над тем, что кажется незапарным, скорее всего, запаривались больше всего. В этом суть интерьера, чтобы он не отвлекал, а служил комфортным фоном для отдыха.

Несколько минут после этого они молчали. Арина нашла в телефоне паблик в социальной сети той девушки-диджея и включила музыку со стены группы. Зазвучали резкие электронные звуки, словно молнии разряжали воздух в сопровождении симфонического оркестра.

– И ни одного нормального кабаре, что здесь, что в Москве, – заметила Арина, поворачивая головой налево следом за автомобилем.

– Значит, мы можем его создать, – воодушевленно подхватила Татьяна.

Арина пожала плечами. Снова наступила недолгая пауза. Татьяне в голову при слове «кабаре» лезли искрометные кадры из фильмов «Мулен Руж» и «Бурлеск». «Наверно, поэтому они не пользуются у нас популярностью, – думала она, глядя на погасшие окна панельных домов. Само название «кабаре» резало слух, хотя мама никогда о таких заведениях не рассказывала и не вкладывала в них негативную коннотацию. Татьяна и сама не понимала, откуда это взяла.

– Что ты там будешь делать? Стриптиз показывать? – Арина повернулась к ней резко.

– Почему сразу стриптиз? – оскорбилась Татьяна. – Стрип-клубов и так полно. Можно же и что-то милое, костюмированное и веселое.

– Сказки детские? Боюсь, тут надо ТЮЗ открывать, а не бар, – Арина, как всегда при смехе, широко раскрыла рот.

– А почему бы и нет.

В голове Татьяны родилась идея. Вспомнив мультики, которых насмотрелась в детстве вдоволь, она представила себе бар, темный, с флуоресцентными искусственными деревьями и кустами, как в каком-нибудь сказочном лесу, с толстыми волшебными пеньками вместо скамеек и русскими печками вместо диванов с рушниками. Барной стойки ей привиделся толстый дуб у Лукоморья, украшенный золотой цепью, из которого бы ученый кот вместо бармена подавал гостям волшебные снадобья в деревянных чарках, а русалка бы напевала завораживающие песенки. На сцене Мулан, Аврора и Белоснежка танцевали бы канкан, а музыкой заправлял бы милый зубастый дракон. Мечтами она поделилась с Ариной, которая погрузилась в задумчивое молчание.

– С драконом ты, пожалуй, переборщила, – сказала Арина спустя несколько долгих минут тишины.

– То есть все остальное тебя не смущает? – Татьяну это насторожило.

– Идея неплохая. Детали доработаем.

Арина улыбнулась в зеркало заднего вида. Вскоре их обогнал шумный кабриолет, блеснув в зеркалах фарами. Татьяна стянула подбородок вниз, дивясь тому, как легко босс согласилась с ее мыслями. Еще пять минут они ехали молча. Арин следила за знаками и светофорами. Татьяна хлопала глазами, не узнавая знакомые улицы.

– Завтра открытие выставки, кстати, – сказала Арина.

Они заехали во двор. Татьяна встрепенулась и посмотрела на нее с волнением в глазах. Арина следила за неровной дорогой, слегка вытягиваясь в кресле.

– В десять утра.

– Она же весь день будет работать? – Татьяна сжала в руках поясную сумку.

– До восьми вроде.

– Я тогда после обеда приду, когда там уже шумиха уляжется.

Арина только пожала плечами. Она высадила Татьяну у подъезда и, прибавив громкости музыке, двинулась дальше.

Татьяна открыла квартиру своими старыми ключами и тихонько прошмыгнула в ванную, чтобы умыться. Снимая макияж ватным тампоном, разглядывала себя в зеркале, борясь с волнением, которому еще рано было появляться, но которое она не могла угомонить. Внутри боролись противоречивые чувства: непреодолимое желание увидеть Вадима снова и отчаянный страх встретиться с ним опять. Она боялась увидеть его счастливым, хотя только таким и желала его видеть. Но ей хотелось, чтобы он был счастлив с ней, а не с Соней. Она знала, что новая девушка обязательно тоже будет на выставке, будет его всюду сопровождать и даже поговорить им нормально не даст, если он вообще захочет с ней разговаривать.

«Хотя о чем нам говорить? – думала Татьяна, в отчаянии мотая головой. – Что я ему скажу? Даже похвастаться нечем». С этой удручающей мыслью она кинулась на кровать и от бессилия уснула.

Глава 5. Сила воли

Мама разбудила Татьяну около девяти утра.

– Зачем ты меня разбудила? – спросонок ворчала Татьяна, щурясь от солнечного света, который вливался в окно бешеным ослепительным потоком.

– Прости, Куколка, – уязвленным тоном ответила мама. – Я просто подумала, что ты захочешь сходить на выставку Вадика.

Татьяна уткнулась лицом в подушку и пробормотала, зажевав наволочку:

– Я пойду после обеда.

– Ну, ладно, – нарочито легким тоном, словно ее задели эти слова, проговорила мама и покинула комнату.

Они с Дмитрием быстро собрались и уехали вместе, оставив Татьяну одну в квартире. Она еще два часа пыталась уснуть, ворочаясь в постели, а потом, осознав, что уже не получится, встала и позавтракала.

Остро не хватало Рыжки, которого бы тоже надо было покормить, приласкать и потискать для собственного умиротворения. Вместо этого пришлось обнимать обслюнявленную подушку.

Татьяна все делала медленно. Лениво приготовила глазунью, так же нерасторопно ее съела, отвлекаясь на новостные видеоролики. Еще медленнее принимала душ и очень долго красилась и причесывалась, хотя макияж в итоге оставила самый простой. Из одежды выбирать особенно было нечего.

«Надо еще костюм купить или платье деловое», – подумала она с досадой, оглядев убогий гардероб из футболок, легинс и нижнего белья.

Татьяна порадовалась, что хотя бы захватила туфли на каблуках, хотя уже через секунду испортила себе настроение мыслью: «И чего я так стараюсь ? Ему все равно плевать, хоть голой приди».

Опять стало обидно. Захотелось остаться дома, укутаться в одеяло и страдать, бессмысленно пялясь в окно, но желание увидеть Вадима хотя бы краешком глаза заставило Татьяну покинуть квартиру.

В галерее, в которой проходила выставка, Татьяна в детстве была не раз вместе с Дашей. Она хорошо запомнила просторные белые залы с арочными окнами и странные инсталляции, что украшали лестницы и коридоры.

Посетителей пришло много. В узких проходах порой было не разойтись. Галерея имела множество залов больших и маленьких. Из-за массовости публики казалось, что одновременно во всех помещениях открывались новые выставки.

Татьяна поднялась на четвертый этаж и вошла в продолговатый холл, больше напоминающий коридор с широким проходом. Картины висели на стенах по обеим сторонам. Люди медленно передвигались друг за другом от работы к работе по кругу, как стрелки механических часов.

Боясь наткнуться на Вадима, а еще больше на Соню, Татьяна сразу примкнула к внимательным ценителям современного искусства и встала напротив первой картины, занимавшей почти весь промежуток белой стены между окнами.

Панно было полностью сделано из мозаики в советском стиле и изображало огромные чаши весов, с одной стороны которых стояли два одинаковых бесполых человека, а с другой – худой и толстый, тоже бесполые. Чаши пришли к идеальному балансу. Людей художник показал карикатурно, геометрично, только основные черты и части тела, без детализации. Картину наполняла желто-коричневая гамма, что наводило на ассоциации с выцветшим социалистическим плакатом. Называлась она просто «Статистика № 3». Описание поясняло, что худож-

ник своей работой хотел передать искажение реальных данных статистическими методами, и абсурдность принятия важных решений на их основе.

Татьяна зависла на минуту в обдумывании этой идеи, а потом, когда ее подвинула невежливая троица зевак, перешла к следующей работе, которая называлась «Статистика № 7». Она показывала учебный класс с безликими, словно отштампованными на заводе, игрушками с одинаково овальными головами без глаз, носов и ртов вместо реальных учеников. Все сидели по струнке смирно на партах, обращенные к учительнице, которая стояла в углу с искаженным ненавистью и презрением лицом.

В этой картине мозаика смешивалась с живописью. Фигуры учеников были вылеплены из серой керамики, зато над головами висели красочные облака их мыслей. У пяти ближайших из первого ряда мысли передавали мечты: первый хотел стать музыкантом и играть на гитаре, второй – рисовать летние пейзажи, третий – копаться в документах с непонятными текстами, четвертый – играть в футбол, а последний – решать уравнения. В голове учительницы стояла почти та же картина учебного класса с безликими учениками, только каждому был присвоен рейтинг от тридцати до ста.

Татьяна только спустя минуту разглядывания поняла, что эти цифры показывали экзаменационные баллы. Об этом же говорилось и в описании, а еще о бездушности нынешней системы образования, для которой цифры в отчетах важнее реальных запросов ее прямых пользователей – молодых людей, что ищут себя в этой жизни и во многом поэтому не могут найти. Татьяна испытала досаду внутри, потому что ее это тоже коснулось. Она решила не задерживаться у картины, чтобы не развивать обиду, хотя она все равно впилась в самую душу.

«Статистика № 11», как гласило описание, отражала жестокое равнодушие к человеческой жизни, которые менялись на цифры в многочисленных списках погибших.

Из натурального камня серых тонов на все полотно растянулись кажущиеся бесконечными ряды могильных надгробий. Они уходили в перспективу справа налево и снизу вверх. Каменные памятники одинаковой арочной формы изображали фотографии безликих людей и указывали годы их жизни.

В первых четырех колоннах годы смерти совпадали с годами Первой мировой войны: в первом ряду все умерли в 1914-ом, во втором – в 1915-ом и так далее. Годы смерти следующих колонн совпадали с годами Второй мировой войны.

А в последней колонне вместо годов жизни стояли вопросы. Эта колонна надгробий являлась самой ближней к зрителю. В каждом памятнике в местах, где должны быть фотографии погибших, художник вставил овальные зеркала. Самое первое и самое крупное зеркало как раз вмещало взрослое человеческое лицо целиком и располагалось на высоте среднего мужского роста.

Татьяне нужно было отойти подальше, чтобы поместить голову в его центр. Состыковавшись, она невольно разинула рот, испытав не столько страх, сколько отвращение и острое чувство несправедливости, словно смотрела на собственное надгробие. Такое внезапное осознание конечности в череде погибших людей, отдавших жизни непонятно, за что и как, затрагивало самые больные струны души.

Непроизвольно Татьяна отступила на шаг назад, чтобы убрать лицо с надгробия, и уткнулась в кого-то. Ее обдало ароматом ментола и хвои. Душа согрелась теплом, словно почувствовала запах родного дома. Сердце сначала на мгновение сжалось до сингулярности, а затем вспыхнуло и застучало с утроенной силой.

– Не такая уж ты и страшная, – раздался любимый голос над самой макушкой, – чтобы так шарахаться.

Татьяна обернулась и увидела веселое лицо с большими карими глазами, слегка прищурившимися от улыбки. Два верхних белых клыка выбивались из ровного ряда зубов. Из под-

бородка торчала парочка недобритых русых волосков. Голова, как всегда, была растрепана. Вадим стоял, упершись руками в бока.

Обомлев, Татьяна несколько нелепых секунд не смогла выдавить ни звука, только хлопала губами бесшумно, не смыкая их до конца. Коронным нахальным взглядом он заставлял ее краснеть и волноваться еще сильнее. Только сжав руки в кулаки, она смогла собраться с мыслями.

– Это картина страшная, – сказала Татьяна на выдохе.

Улыбка пропала с лица Вадима. Он вскинул брови и скрестил руки на груди.

– Поясни.

– Ну, слишком жестоко и правдиво, – нахмурила брови Татьяна. – Нельзя таким тыкать в лицо. Общество еще возьмет и одумается.

В конце она выдала слабую улыбку. Вадим коротко посмеялся, приподняв подбородок.

– Я вот, как и все, предпочитаю оставаться в Секторе Б, – добавила она и посмотрела на него прямо.

От радости видеть любимое лицо улыбка расплылась по щекам самовольно.

– Ты же в курсе, что земля круглая? – Вадим заглянул ей в глаза.

Татьяна медленно кивнула, чувствуя, как тают ноги. И руки, и голова, и сердце под теплом его добродушного взгляда. Он чуть поправился – перестал быть тощим. Посвежел и как будто даже порозовел. И оделся, наконец-то, прилично: в целые классические джинсы и небесно-голубое поло, чистое, наглаженное, новое. Даже белые кроссовки не были запятнаны.

– Вот и встретились, – тихо вымолвила она, улыбнувшись только кончиками губ.

Вадим уже не улыбался, но не отводил глаз. Татьяна была готова отдать все, что имела, за возможность прочитать его мысли в эту минуту. Но взгляд его никак не выдавал, как и застывшее лицо, и неподвижная поза.

– Давай через десять минут на улице у входа, – бросил он и сорвался в сторону белой, почти незаметной, двери в конце зала, не оставив Татьяне возможности ответить.

Взглянув на часы, она засекла время и решила посмотреть еще хотя бы пару работ, прежде чем покинуть выставку. Рядом висящую картину она узнала сразу – кровавый узор из множества женских трупов, которую он уже ей показывал. Узор этот назывался «Статистика № 1».

Татьяна закрыла глаза на секунду, и замотала головой, чтобы сбросить с себя вину, от которой все равно никуда не могла деться. Решив, что с нее хватит, выбежала из зала. В памяти до сих пор стояли изувеченные трупы с вывалившимися внутренностями в том виде, как она их запомнила еще тогда, в мастерской Вадима в Москве, когда он впервые продемонстрировал этот ужас. Как она ни трясла головой, кадр из головы не пропадал, но оживленная улица, хмурые прохожие и шустрые автомобили перетянули внимание на себя.

Татьяна встала справа от входа и несколько раз глубоко вдохнула вонь выхлопных газов. Вадим появился перед ней через несколько минут и сразу достал сигарету с зажигалкой. Она смотрела сосредоточенно, разглядывая его костлявые пальцы, бледно-розовые губы и острые скулы. Он втянул сигарету и, задержав на секунду дыхание, быстро выдохнул серый негустой дым в сторону. Карие глаза бегали по ее лицу, внимательные, слегка прищуренные, серьезные. Они постояли так с минуту, разглядывая друг друга, будто искали по десять отличий с момента последней встречи.

– Продуктивно у тебя запой проходит, – шутливо заметила Татьяна, чтобы перестать пожирать его истосковавшейся душой.

Взгляд она направила в трещину на бетонном тротуаре, сквозь которую просачивался зеленый сорняк. Вадим мотнул головой.

– Вечно все планы коту под хвост, – выдавил он усмешку и снова глянул на нее самоуверенно.

Щеки вдавились внутрь. Дым вышел через нос. Сигарета осталась в зубах.

– Кстати, о котах, как там твой Рыжка?

Она столько жаждала этого взгляда, а глаза норовили уйти от него, хотя прятаться было негде. Румяниться Татьяна перестала, но все внутренности обжигало непонятное чувство из смеси эмоций, которые она не могла до конца распознать. В этом было и что-то интригующее, и обвиняющее, и досадующее, и смущающее. И что-то еще. Много чего еще. Все это пробирало до самых тонких нервных глубин. Хотелось сдаться и растерзать собственную грудную клетку, чтобы больше ничего не испытывать.

– Живет со мной и Адлией, – глаза Татьяны снова убежали в трещину на асфальте. – Но спит только со мной.

Взгляд невольно метнулся к его лицу, чтобы уловить одобрение, но тут же, словно ударившись о невидимый барьер, перебросился на маленький логотип на поло.

– Смотрю, твои планы тоже пошли коту под хвост. Буквально, – усмехнулся Вадим и сделал пару быстрых затяжек.

Татьяна вопросительно на него посмотрела, сдвинув брови.

– Ну, ты хотела спать со всеми подряд, – он выпустил дым, – а спишь с котом.

Вспомнив, как они делились дурацкими планами после расставания, когда возвращались из Питера в Москву, она рассмеялась. И Вадим следом, а потом, выбросив сигарету в ближайшую урну, махнул рукой в сторону перекрестка и сказал:

– Пойдем, угощу тебя капучино.

– Вообще-то, мне еще деловой костюм надо купить, – попыталась она возразить, взглянув на часы, которые указывали на половину пятого вечера.

– Успеешь, – Вадим просто двинулся вперед.

Татьяне пришлось его нагонять.

Они вошли в кофейню, что находилась через дом от галереи. Казалось, здесь даже стены пропахли кофейным ароматом. За оранжевой стойкой их с искренней улыбкой ждала розовощекая девушка с козырьком и в фартуке. Вадим быстро осмотрелся, немного задержав взгляд на панели с меню, и заказал себе черный фраппе с сырным круассаном. Татьяна оценивала напитки на предмет их стоимости. Цены ей понравились.

– Мне капучино и миндальное печенье, – сказала она, когда оба, Вадим и бариста, посмотрели на нее. – И я плачу.

Вадим удивился с улыбкой. Она усмехнулась и кокетливо притянула левое плечико к подбородку.

– Я понимаю, что в твоей крови кипит джентльменство, но дай и мне тебя угостить. У тебя ведь выставка открылась.

Он поджал губы и сощурил левый глаз, но не стал возражать и уступил ей место перед кассой.

Получив напитки, они выбрали круглый столик у окна на металлической подставке, которая скреблась о каменный пол. Кожаные стулья с круглыми спинками при этом оказались весьма удобными. Для большего комфорта на каждом лежала диванная подушка ярко-оранжевого цвета. Татьяна откинулась назад, поставив напиток и блюдце с печеньем на край стола.

– К завтрашней встрече костюм покупаешь? – спросил Вадим, ерзая на стуле в попытке с наибольшим удобством пристроить худой зад.

– Ты знаешь? – удивилась Татьяна и пригубила горячий капучино, оставив под носом тонкий слой молочной пенки, которую затем слизала языком.

– Мать рассказала. И меня хочет в это втянуть.

Татьяна замерла и выпучила глаза. Рука с тяжелой чашкой зависла в воздухе.

– Она попросила меня вложиться в бар, чтобы увеличить бюджет и при этом не потерять контроль, – Вадим с булькающим звуком сделал глоток кофейного напитка.

Сквозь прозрачные стенки стакана Татьяна следила за движением кубиков льда.

– А ты что?

Вадим вздохнул и опустил взгляд на круассан, к которому пока не притронулся. Тот, румяный и пышный, манил сладким ароматом печеного теста.

– Не знаю. Я ведь впервые хоть какие-то деньги заработал, – он помешал лед деревянной палочкой, на которой поместился бы большой пломбир. – И сразу вкладывать все в мутный бизнес…

Сделав еще один сочный глоток, он вдруг усмехнулся и уставился на Татьяну с легкой толикой коварства, которого в нем она раньше не замечала.

– С другой стороны, меня прельщает возможность стать твоим боссом.

Татьяна насупилась и закатила глаза, решив заесть растерянность и смущение печеньем. Сделав пару осторожных глотков, она смелее на него посмотрела.

– Будешь носить мне кофе? – ухмыльнулся Вадим, помешивая фраппе.

– Еще чего, – в шутку возмутилась Татьяна. – Только если ты мне будешь его готовить.

Он выдавил смешок.

– Значит, ты не против, чтобы я в этом участвовал?

Вадим поймал ее взволнованный взгляд. Татьяне показалось, что она себя выдала с потрохами, но он смотрел безэмоционально. Ухмылка пропала. Коварный прищур исчез. Лицо стало ровным.

– С чего мне быть против? – почти оскорбленно спросила она, опустив глаза на белую пенку, обсыпанную корицей.

– Ну, у нас все-таки что-то было, – Вадим пожал плечами. – А тут я теперь – твой босс… Вдруг ты по мне все еще страдаешь.

Татьяна надеялась, что не станет рефлекторно отвечать на вызывающий взгляд, но глаза не слушались. На мгновение ее прожгло его насмешливое любопытство, но удалось быстро перевести взгляд на оранжевый мусорный контейнер в углу кофейни.

Сердце заколотилось. Ей мерещилось, что пульсировали вены, которые выступали из-под тонкой кожи на белых запястьях. Но за пару секунд она смогла взять себя в руки. Устремив в лицо напротив ироничный прищур, Татьяна спросила:

– Может, ты сам до сих пор по мне страдаешь?

– А что, если?.. – Вадим откинул голову назад, выперев острый подбородок, и хмыкнул с поджатыми губами. Глаза сузились.

Она не смогла сдержать дрожащий вздох. Рот слегка приоткрылся, чтобы втянуть воздух, которого сразу стало не хватать. В голове мгновенно образовались тысячи прыгающих мыслей, а в душе зажегся слабый огонек надежды.

– А что Соня? Разве ты с ней не счастлив? – Татьяна тоже прищурилась. Боялась выдать свои чувства. Они и так, казалось, плавали на поверхности.

Через целую томительную секунду ее ожидания он опустил взгляд.

– Действительно, у меня теперь есть Соня. И я рад, что мое участие в вашем бизнесе не будет проблемой, – сказал Вадим с улыбкой, подняв уже пустой взгляд. Без эмоций, без укора и без насмешки. – Да, у нас была история, но она ведь закончилась.

Татьяна прикрыла глаза ресницами, чтобы спрятать разочарование.

– У нас с тобой нет поводов выкидывать друг друга из жизни. Особенно когда ты так тесно общаешься с моей матерью, а я – с твоей, – продолжал Вадим леденящим сердце спокойным тоном. – Я думаю, мы могли бы дружить. Или хотя бы приятельствовать.

Она закивала, но долго ничего не говорила, закусывая боль печеньем и запивая все вместе молочным кофе. Вадим терпеливо ждал, взявшись за круассан. Лед в его бокале медленно вертелся по стенкам.

– Здорово, – выдохнула Татьяна, когда от печенья на блюдце остались только крошки. – Я тоже надеюсь, что мы… подружимся.

Выдавив неискреннюю улыбку, она взглянула на него в попытке изобразить равнодушное беззлобие. Вадим одобрительно качнул головой и поднес бокал к губам. Еще несколько тяжелых для Татьяны минут они сидели молча. Он наслаждался выпечкой. Снова вел себя так, будто ему комфортно, как дома. Ее все заставляло сжиматься изнутри, а он, наоборот, развалился в кресле, активно двигал челюстями, с детским любопытством оглядывая простенький интерьер кофейни, и периодически булькал кофе.

– Мне, кстати, тоже надо хотя бы рубашку прикупить, – Вадим разбил уплотнившуюся вокруг Татьяны ауру уныния и отчаяния.

– Пошли вместе, – предложила она, вздернув уголки губ вверх на мгновение. – Ничто так не укрепляет дружбу, как совместный шопинг.

Он посмеялся. Она смотрела на него тоскливо, украдкой, пряча взгляд то в полу, то в чашке с кофе, и не знала, что ей делать: плакать или смеяться. От его задорной улыбки хотелось радоваться. Но причиной этой улыбки была теперь не она. Кровоточащее сердце теснило душу и заполняло грудь тяжестью. Буквы на ребрах немного покалывали, хоть и не так чувствовалось – заживали постепенно. «И душа заживет», – убеждала себя Татьяна, поглаживая пальцем место под грудью.

Когда от кофе остались лишь капли, они вышли из кафе и прогулочным шагом отправились к ближайшему торговому центру, что находился за перекрестком.

Над городом плавали сгущенным туманом облака, больше похожие на плотный пожарный дым. Дождь в любой момент мог обвалиться ливнем, а мог и вовсе пропустить эту остановку и разлиться где-нибудь в следующем городке под утро. Непредсказуемость погоды не особенно смущала прохожих, о чем Татьяна судила по безмятежным лицам. Люди ловили остатки теплых деньков, проводили время на улице в компании близких и смеялись впопад и невпопад на каждом шагу.

– Ну, расскажи, как жила, чем занималась все это время? – спросил Вадим, сунув смартфон в передний карман джинсов, когда они подходили к светофору.

– Права пытаюсь получить, – вздохнула Татьяна, глядя на мигающего зеленого человечка в черном кругу по ту сторону дороги. – Третий экзамен завалила.

– Да ладно?

Ей стало неловко, потому что она не понимала, чему именно он удивился: тому, что она вообще собирается получить права, или тому, что проваливает экзамены.

– Три раза – это еще немного, – махнул Вадим рукой куда-то в сторону. – Соня с пятого раза сдала. Зато сама.

Он обернулся на Татьяну, когда закончился пешеходный переход.

– Я, видимо, вообще не сдам, – нахмурилась она и отвернулась. – Раз даже у Сони только с пятой попытки получилось.

Вадим улыбнулся.

– Тебе сила воли и гордыня не позволят.

Они вошли в торговый центр вместе с толпой таких же прогуливающихся потенциальных покупателей и соперников в очереди на кассы и в примерочные. Татьяне в память врезался их первый и последний поход в кино, здесь, на четвертом этаже. Она вспомнила, как неслась к нему после репетиции на встречу, которая стала их единственным нормальным свиданием за всю долгую историю непростых отношений. Да и то закончилось слишком внезапно и неудачно. Из ниоткуда появившаяся мама все испортила. Татьяна тогда и подумать не могла, что спустя всего год мама станет их связующим звеном.

Пока они ходили из магазина в магазин, Вадим рассказывал о своем пути к водительским правам. Отец учил его водить на стареньком «Фольксвагене», который впоследствии ему пода-

рил на восемнадцатилетие. Тогда Вадим смог получить права официально, хотя экзамен сдал заранее, а водить научился еще раньше и часто нарушал, вывозя друзей на ночные безбашенные поездки по городу с подкатом к девчонкам. Рассказывал об этом с теплой улыбкой на лице.

– Как-то я решил выпендриться и вызвал своего одноклассника на гонку. А у него, точнее его отца, тачка гораздо круче моей была. Новая бэха. Разумеется, я проиграл. И заработал себе в копилку еще один комплекс, который до сих пор не переборол, – сейчас Вадим над этим смеялся.

Татьяна посмотрела на него скептически. Ей казалось невозможным наличие у Вадима комплексов. Он обо всем так легко говорил и так легко всегда себя вел, что самоуверенностью мог бы успешно торговать. Она озвучила свои сомнения.

– Это меня мать научила, – ответил Вадим горделиво.

Они гуляли по мужскому отделу магазина одежды, в котором Татьяна себе ничего не смогла присмотреть. Здесь было слишком много всего и разного, но все так пестрило, что мозолило глаза. А Вадим на каждую рубашку заглядывался и внимательно все рассматривал, перебирая плечики.

– А знаешь, было время, когда я мать дико ненавидел, – сказал он вдруг, улыбаясь как ни в чем не бывало.

Татьяна вытаращила глаза и прислушалась внимательнее, стараясь не отходить от него.

– В подростковом возрасте я сильно стеснялся, потому что одноклассники над ней смеялись. Дружки мои тогдашние тоже. Прямо при мне стебали ее выраженную сексуальность. Ну, разумеется, потому что она в школу приходила в суперминишортиках и с декольте до пупка. Тогда она еще хлеще выглядела. Это после курсов стилиста более-менее одеваться научилась.

Вадим вытащил из кучи белых рубашек одну с черными пуговицами и повертел перед собой.

– Я, чтобы не отставать от друзей, тоже смеялся, хотя самому было обидно. Научился сам подшучивать над ней в компании, чтобы опережать их издевки. А ей хоть бы хны. Все басню рассказывала про Моську и Слона.

Усмехнувшись, он встал перед зеркалом. Рубашку приложил к груди и завертелся в стороны, хотя с боков смотреть было бессмысленно. Татьяна уперлась плечом в стену, на которой висело зеркало, и скрестила руки, вспоминая все образы Арины, что она видела. Вульгарности в них было чуть-чуть.

– Я однажды даже с одноклассником подрался из-за нее.

Татьяна внимала его откровениям.

– Ну, знаешь, он сказал что-то обидное, типа: «Я твою мать отымею». А отымел меня, в итоге. Я еле домой приполз, оставляя за собой лужи крови.

Взгляд у Вадима был пугающе веселым.

– Мать, конечно, допросила меня с пристрастием. Мы с ней тогда жестко поругались. Я ей все высказал. Она расплакалась. С ней оооочень редко такое случается.

Он посмотрел на Татьяну, поджав подбородок. Она кивнула для подтверждения, потому что тоже никогда не видела Арину в слезах.

– Потом сказала, что я сам дебил, что меня унижают только потому, что я сам это позволяю, что рты всем не заткнешь, так что надо заткнуть себя и не допускать просачивания всяких издевок внутрь.

– Меня она этому тоже научила, – улыбнулась Татьяна.

Вадим перевел взгляд на рубашку.

– Возьму эту.

– Без примерки?

– Я свой размер знаю, – махнул лениво.

Татьяна закатила глаза. Они отправились к кассе, где в очереди перед ними стояла пара человек. Разглядывая комплекты разноцветных носков в прозрачных боксах, она сказала:

– Мне, на самом деле, иногда за нее обидно. Вы с Ладой ей так грубите часто.

Вадим фыркнул.

– Она сама такая. Нормально общаться не умеет.

Он мотнул головой, повесив рубашку на руку, как официанты полотенца.

– Но она за вас переживает, воспитывает по-своему, но, кажется, эффективно. Я вам даже завидую.

Татьяна опустила плечи и склонила голову. Вадим попытался заглянуть ей в глаза, но с высоты его роста это было тяжело сделать.

– Ну, мы ее тоже любим. Несмотря ни на что. Родственная любовь она такая, – усмехнулся он. – Твоя мать в тебе души вообще не чает. До сих пор.

– Зато ничему не научила, – Татьяна пусто глядела на полосатую плитку под ногами.

– Почему? Она воспитала в тебе силу воли, которая помогает жертвовать желанным ради важного. Полезное качество.

Встретив его взгляд, Татьяна нахмурилась.

– Воля у тебя железная, конечно, – Вадим говорил это в сторону кассы, куда повернул голову. – Ты ведь легко отказываешься даже от того, без чего вроде бы только что жить не хотела. Похвально. У меня тоже вызывает зависть.

Он снова посмотрел на нее, только теперь холодным взглядом. Татьяна сильнее сдвинула брови, вспомнив их разговор на свадьбе Дэна и Алисы. Грудь заполнилась тяжестью. Сердце опять заскулило. Челюсти сжимались, чтобы отвлечь от боли, нарастающей во всем теле. Проснулось чувство вины и разбудило следом обиду.

– Несправедливо, – процедила она, зажав в правой руке большой палец левой. – У меня даже времени подумать не было.

Вадим бросил недоуменный взгляд, но кассир привлекла его внимание громким «Здравствуйте!». Татьяна выбралась из очереди, отойдя метра на два от кассового стола. Пока он расплачивался, она боролась с кишащими чувствами, бьющими по стенкам души изнутри. Медленно закрывала и открывала глаза, никак не могла разжать стиснутые зубы.

– Идем, – Вадим прошел мимо к выходу.

Татьяна нехотя подалась следом.

Они зашли в соседний магазин. Она бессмысленно перебирала вещи одну за другой, чтобы не дать эмоциям поглотить разум. Вадим шуршал пакетом позади, тоже что-то разглядывая на стеллажах. Когда Татьяна оценивала черное классическое мини, подняв его над собой, Вадим подбежал с блейзером насыщенно-лимонного цвета.

– Я знаю, что тебе понравится, – расплылся он в довольной улыбке, протягивая ей находку.

Татьяна окинула взглядом предложение и, приняв его, вместе с платьем приложила блейзер к груди перед зеркалом. Она тоже завертелась, как до этого делал Вадим, и тихо промычала, довольная нарядом. Он быстро смотался в соседний отдел и вернулся с желтым кружевным бюстгальтером.

– И вот это под пиджак, – широко ухмылка сияла.

Татьяна покосилась на него недовольно.

– Я же на деловую встречу иду, а не на кастинг гоу-гоу! – и отпихнула рукой непристойное предложение.

Вадим разочарованно опустил уголки губ.

– А че, мать всегда на переговоры откровенно одевается. Не знаю, конечно, на что она рассчитывает больше: через секс получить бизнес или через бизнес получить секс. Ей обычно и то, и то удается.

Татьяна посмеялась.

– Пойдем, посмотришь на меня, – она указала на примерочные кабинки за стеллажами с обувью.

Выбрав самую дальнюю кабинку, Татьяна закрылась плотной шторой. До конца ее натянуть не удалось. С обоих боков любой при желании мог бы подсмотреть, поэтому она попросила Вадима прижать штору к стенкам примерочной.

– Мать со мной поделилась вашим бизнес-планом, – говорил он из-за портьеры, но слышно было так, будто он стоял над Татьяниной головой.

Она расстегивала рубашку перед зеркалом, глядя на свое отражение. Внизу нарастало желание снять с себя абсолютно все и затащить Вадима в примерочную. Воспоминания о последнем сексе в лифте предстали перед глазами, поощряя раздувшееся возбуждение. Но из соседней кабинки послышались веселые голоса двух подружек, с другой стороны – сердитое ворчание пожилой женщины на собственного мужа, а напротив – детский смех. Пришлось себя усмирить.

– Она сама, что ли, эту презентацию лепила? Третьей пяткой левой ноги, – усмехнулся он. – Кажется, я в школе и то лучше делал.

– Ну вот и сделал бы! – проворчала Татьяна, надевая тугое платье через голову.

– А я сделал. И простенькие скетчи интерьеров набросал.

Натянув платье до колен, она увидела протянутый из-за шторы смартфон с яркой картинкой на экране. Взяла его и присмотрелась. Перед ней высветился слайд, где все было написано как будто от руки черным по белому красивым почерком с легкими заметками-скетчами по краям. Картинки выводились словно чернилами и явно не были взяты из интернета. Татьяна поняла, что Вадим все нарисовал сам, потому что презентация идеально подходила к их идее.

На слайдах изображались наметки интерьеров будущего бара или отдельные его персонажи: огромный дуб, внутрь которого поместилась оценка аренды и ремонта помещения, русалка, которая рассказывала про инвестиции в рекламу, кот ученый, который вещал о штате и фонде заработной платы и другое. Все вместе казалось небрежным пятиминутным наброском, но при этом очень стильным. Отсутствие цветов, которые Татьяна в своей презентации пыталась специально подобрать, чтобы попасть в настроение инвестора, здесь, наоборот, было преимуществом и не позволяло фону переманивать фокус на себя. Лучше сделать было нельзя. Она сначала хотела обозлиться на то, что он специально выпендривается, унижая ее работу, даже если не знает, что работа ее, но решила сдаться его таланту сразу.

– Прикольно, – протянула Татьяна. – Много времени потратил?

– Ну да, целых два часа убил, наверно, – без обиняков ответил Вадим.

Она выпала в осадок, разинув рот. Ущемленное чувство гордости вспыхнуло в груди. Целый день ее работы ушел в никуда. Пришлось поджать губы, чтобы не дать пламени злости и зависти вырваться наружу.

– Ты рисуешь, как дышишь, – проговорила Татьяна с едва слышимой ноткой обиды.

По окончании годового курса по рисованию она поняла, что никогда не достигнет такого же уровня, даже если это были просто скетчи.

– Матери русалка не понравилась, – раздался смешок за шторой.

Татьяна вернулась к слайду с рекламой и увеличила изображение русалки на экране. Девушка с рыбьим хвостом не была прорисована детально и объемно, но все необходимые атрибуты имелись. Она казалась стройной, пышногрудой и длиннохвостой. Черные волосы аккуратно расплетались по углам слайда в простенький и при этом изысканный узор. Круглые объемные груди смотрели на зрителя нагло, приманивая взгляд и не отпуская внимание.

– А мне нравится, – Татьяна высунула лицо из кабинки и уткнулась носом в его солнечное сплетение.

Аромат ментола и хвои снова вскружил голову. Вадим отступил на полшага и улыбнулся.

– Волосы особенно хорошо получились, – Татьяна отзеркалила его улыбку. – И сиськи.

– Старался, – Вадим задрал голову, как маленький ребенок, ожидающий похвальное поглаживание, но Татьяна могла только восторженно посмотреть снизу.

Она отодвинула штору резко и продемонстрировала себя в черном мини, которое безуспешно пыталась натянуть пониже к коленям. Стретч-ткань быстро стягивалась и поднималась. Вадим отошел еще на пару шагов и оценил наряд одобрительным взглядом с легкой ухмылкой. Сияя как диско-шар и отражая свет его карих глаз, Татьяна прокрутилась на триста шестьдесят градусов, чтобы показать свою красоту со всех сторон.

– Выглядит прекрасно, только мне кажется, даже моя рубашка на тебе длиннее сидит.

Он приподнял левую бровь и стянул губы вправо. Татьяна посмотрела на себя и убедилась в его правоте. Платье заползло высоко на бедра, едва закрывало пах. В таком можно было только стоять, потому что при ходьбе платье задиралось и раскрывало все самое интимное.

– Ты вообще уверена, что это платье было? – рассмеялся Вадим.

Обидевшись, она вошла в кабинку и демонстративно задвинула шторку от его хохота.

– Да не, нормальный вариант, – он поспешил исправиться. – Если ты все-таки на кастинг гоу-гоу пойдешь.

– Отвали.

Она быстро сняла черное супермини, недовольно отбросив его на пуфик, но потом увидела на вешалке блейзер и решила померить его прямо поверх белья. Вадиму себя показывать не стала, потому что смотрелось по-дурацки. Пришлось выходить из примерочной ни с чем.

Расстроенная, будто никогда больше не сможет обрести счастья в этом мире, Татьяна швырнула отвергнутую одежду на стол, что стоял на входе в примерочную, и направилась к выходу.

– Ненавижу шопинг! – выпалила в сердцах.

В угрюмом молчании пройдя несколько магазинов, они завернули в один небольшой, где продавались исключительно женские платья. Татьяне показалось, что там невозможно не найти подходящее одеяние для деловой беседы. Вадим шагал рядом, непринужденно оглядываясь по сторонам, спокойно ожидая, пока она отойдет и расхмурится. Татьяна резко схватила его за руку и потащила за собой в бутик. Он чуть не поскользнулся.

Там она нашла целых три варианта черных классических платьев.

– Разочаровалась в любви и решила уйти в монастырь? – усмехнувшись, Вадим встал напротив кабинки и уперся плечом в толстую колонну, которая разделяла зону примерочных от небольшого зала.

Татьяна только фыркнула и передразнила его гримасой, показав кончик языка. Вадим посмеялся и опустил голову, сложив руки на груди.

– Вы с матерью будете забавно смотреться вместе: две крайности одной и той же сущности. Похоже, я на этой встрече буду самым адекватным.

Татьяна еще раз посмотрела на себя в зеркало. Платье имело свободную юбку ниже колен и круглый, словно накрахмаленный, воротничок. Рукава в три четверти обрамлялись такими же белоснежными манжетами. Но именно этот контраст ее и привлек. Платье хорошо подчеркивало талию, визуально делая ее тоньше за счет широкой юбки. Костлявость плеч скрывалась плотной тканью. Высокий круглый воротник укорачивал длинную шею, которая самой Татьяне всегда казалась непропорциональной росту.

Она снова задвинула штору, чтобы переодеться. Два других платья не стала даже мерить, потому что сильно нравилась себе в этом «монашеском» наряде.

Когда они выходили из магазина, оба с пакетами, готовые к завтрашнему деловому ужину, Татьяна вдруг осознала, что, если все получится, то они с Вадимом будут вместе работать, и сразу спросила:

– То есть ты готов вернуться в Москву, если все выгорит с баром?

Сердце заколотилось быстрее в ожидании.

– Нет, конечно, – он резко мотнул головой.

– А как тогда?

Она еще не успела разочароваться, лишь недоуменно посмотрела.

– Да матери от меня только деньги нужны и чтобы перевес голосов обеспечивал при принятии решений, – ответил Вадим непринужденно. – Я ей буду только мешаться. Так что делайте там, что хотите, а я буду денежки за это получать.

Он самодовольно ухмыльнулся.

– То есть ты не будешь участвовать в управлении?

Татьяна постаралась сдержать разочарование, которое полезло наружу вместе с голосом. Взгляд она устремила на стеклянную витрину спортивного магазина с крупной рекламной полосой, оповещающей прохожих о распродаже.

– Вряд ли, – Вадим пожал плечами. – Мать попросила только с открытием помочь. А так у меня и желания особого нет, да и времени, скорее всего, не будет. Я же в художественной студии преподаю. Плюс периодически участвую в разных интересных проектах.

– Какой ты деловой, – удрученно заметила Татьяна, сомкнув тонкие губы.

– Ты расстроилась? – насмешливый взгляд выманивал ее растерянные глаза.

Она отвернула лицо в сторону, чтобы не поддаться на провокацию, и скрестила руки за спиной, крепче сжав пакет в ладони.

– Наоборот, – ответила напыщенно равнодушным тоном, со стыдом подумав, что выдала себя еще сильнее, чем прежде. – Не придется тебя терпеть. Мне и Арины в боссах с лихвой хватает.

– Ясно, – произнес Вадим сухо и склонил голову.

Он ускорил шаг, задумчиво глядя перед собой, будто забылся. Татьяна от него отворачивалась, из-за чего отстала. Догонять не торопилась, потому что было пора расходиться. Метро напротив выхода из торгового центра звало ее. Отсрочить прощание было не из-за чего. Она с грустью взглянула на синюю вычурную букву «М» в белом квадрате над стеклянным входом. Вадим шел чуть впереди по площади, не замечая ее отставания. Татьяна его окликнула. Он резко обернулся.

– Мне туда, в метро, – глаза впивались в любимое лицо, которым хотелось насладиться в последние минуты, хоть она и знала, что никогда до конца не удовлетворит свою жажду.

– До завтра, – сказал Вадим без улыбки и без усмешки.

На всю площадь загремела рок-н-ролльная мелодия. Развернувшись, он вытащил телефон из кармана и, поднеся его к уху, ответил:

– Да, Сонь. Уже еду.

Татьяна еще минуту наблюдала за тем, как Вадим спокойным шагом уходит от нее к перекрестку, с тоской и сожалением. Татуировка заныла. Сердце все никак не успокаивалось. Грудь сжалась, словно легкие заполнял густой газ из хандры и боли.

Глава 6. От судьбы не уйдешь

Ужин был назначен в ресторане в центре города на 19:00. Все трое: Татьяна, мама и Дмитрий, готовились к нему заранее и с тщательностью. Дольше всех ванную занимала мама, делая, как обычно, кучу масок для лица.

Татьяна собиралась в своей комнате на кровати. Платье она тщательно разгладила, туфли начистила, волосы заплела в длинную косу под стать монашескому образу. Она уже предвкушала, как Вадим с Ариной будут над ней подтрунивать. Косу скрутила и закрепила пучком на затылке. Спереди высвободила пару прядок для придания легкой непринужденности и романтичности, потому что хотелось нравиться Вадиму даже после вчерашнего разговора. Она призналась себе в этом, только когда нанесла последние штрихи по пышным ресницам.

Обреченно выдохнув, Татьяна уставилась на себя, жалкую и глупую. Захотелось сорвать платье, размазать макияж, разодрать косу и разбить зеркало. И никуда не выходить. Так и остаться в комнате, реветь и до скончания века причинять себе страдания, сглаживая их саможалостью.

– Ну что, Куколка, готова? – вовремя заглянула в комнату мама.

Увидев Татьяну в таком образе, она хмыкнула, но ничего не сказала.

– Да, – Татьяна захватила поясную сумочку и вышла в прихожую.

Мама с Дмитрием надели свои лучшие костюмы, будто собирались на прием к британской королеве. Татьяна только вскинула брови.

По дороге в ресторан мама спрашивала о получении водительских прав, пока Дмитрий вез их сквозь пробки и долгие светофоры.

– Три раза завалила, – удрученно ответила Татьяна.

Мама ахнула, будто такое никак не могло случиться, совсем как раньше, когда у Татьяны не получалось в академии балета.

– Да эти инспекторы наверняка специально заваливают, чтобы взятку выпросить, – мама цокнула смачно и поелозила в кресле .

Татьяна усмехнулась. Мама всегда винила других в ее провалах. Инспекторы всегда заваливали ее заслуженно и ни о каких взятках не заикались. Да и не могли, ведь там все записывала камера. Но маме объяснять это было бессмысленно, и Татьяна не стала возражать, чтобы не углубляться в тему.

– Ну, ничего, Куколка, ты все равно сдашь. Ты у меня умница.

«Угу, так же, как стала примой Большого», – про себя сарказничала Татьяна.

В ресторане было светло, даже при слабом освещении. Широкие окна заносили в просторный зал много уличного света и тепла. Официантам и посетителям приходилось лавировать в немудреном лабиринте круглых столиков. Хрустальные бокалы отсвечивали блеском, придавая гламура неоклассическому убранству помещения.

Высокая стоимость обслуживания буквально лоснилась повсюду. Сама бы Татьяна в такое место ни за что не пришла. Ей теперь жалко было переплачивать за еду лишь за возможность съесть ее в приятной обстановке.

Их встретил молодой человек в белой рубашке и проводил до стола, за которым уже ждали.

– Наконец, познакомлюсь с твоей Ариной, – с легким волнением шепнула Татьяне мама, поправляя колье.

Арина с Вадимом сидели у окна, скрывающего гостей ресторана от навязчивого любопытства прохожих шелковыми французскими шторами с вычурными складками. Арина выбрала черное облегающее платье-футляр из костюмной ткани без рукавов, отсутствие которых компенсировала строгим бордовым болеро с острыми плечами. Вадим сидел в джинсах и вчераш-

ней рубашке с темными пуговицами. Правая пола рубашки торчала поверх брюк. Татьяна про себя поругала его за такую неряшливость, как уже привыкла делать при каждой встрече. Она делала это теперь неосознанно, завистливо и с жадностью, потому что себе такого не разрешала, а он легко позволял и покорял ее этим.

Когда они подошли к столу, Вадим сразу поднялся поприветствовать маму и Дмитрия, крепко обняв каждого. Татьяна ревновала, потому что тоже хотела в его объятия, но ей он просто улыбнулся, кивнул и быстро отвернулся к матери, чтобы представить.

– Арина – Аделаида и Дмитрий.

– Приятно познакомиться, наконец, – широко улыбнулась Арина, переводя внимательный взгляд с одной на другого и обратно.

– Я тоже этому рада, – хихикнул мама.

Они с Дмитрием сели напротив, а Татьяне указали на место рядом с Вадимом. Последнее, шестое, осталось свободным для самого главного гостя. Они специально договорились встретиться пораньше, чтобы была возможность что-нибудь обсудить до прихода потенциального инвестора-партнера.

– Я теперь понимаю, в кого Вадик такой красивый, – мама лукаво посмотрела на Арину.

Та изобразила легкое смущение, фальшивое, но работающее. Мама всегда делала незнакомым людям комплименты, чтобы быстрее втереться в доверие и еще больше для того, чтобы получить то же самое взамен, но Арина ответила иначе:

– На самом деле, Вадик пошел в отца. У меня они оба пошли в отцов.

Она скользнула взглядом по сыну. Он усмехнулся и отвернулся к Татьяне, остановив на ней насмешливые глаза.

– Я смотрю, в монастырь тебя все-таки приняли несмотря на грехи? – вопрос звучал риторически, но ей захотелось ответить что-нибудь такое же колкое, только ничего остроумного в голову не пришло.

Рот сжался до тонкой линии. Пальцы под столом сцепились, впившись в кожу между костяшками.

Мама с Дмитрием ради приличия сдерживали усмешки. Арина негромко и коротко посмеялась. Вадим смотрел нахально. Этот взгляд заставлял Татьяну нервничать. В то же время не хотелось, чтобы он его отводил.

– Расскажите, о вашем друге, Дмитрий, – Арина спасла Татьяну от всеобщего удушающего внимания. – С кем нам предстоит иметь дело?

Дмитрий немного смутился. Объемная покатая фигура с круглой седовласой головой визуально уменьшилась в объеме. Он прочистил горло и замял мясистыми плечами.

– Ну, Иван открыл в Питере три бара: один паб, один винный и один, как сказать, обычный, что ли, – пробасил Дмитрий, обегая мелкими глазами всех сидящих за столом напротив.

Толстыми пальцами он теребил белую гладкую салфетку, лежавшую под глянцевой тарелкой.

– Сколько ему лет? – томным голосом интересовалась Арина, будто выуживала информацию из вражеского перебежчика в голливудском боевике.

– Тридцать пять.

– Молодой, – хмыкнула Арина, опустив глаза на пустой бокал для шампанского.

Перед ней на столе лежало фактурное меню с курсивным шрифтом, которое она раскрыла на странице с салатами. Взгляд с бокала перевела на холодные блюда.

Татьяна тоже взялась за меню и сразу поразилась здешним ценам. «Ну, конечно, Дмитрий дешевле, чем за ночь моей работы, не обедает, – с досадой подумала она, ища глазами более-менее приемлемую цену. – Все тут богачи, одна я нищенка. Обо мне никто не подумал».

Она заглянула в меню Вадима, которое он поставил себе на колени, в надежде, что там найдется что-нибудь дешевое, но там все было то же самое. Пока Дмитрий с Ариной увле-

ченно обсуждали Ивана, его опыт в бизнесе и личную жизнь, которая заинтересовала Арину не меньше, Татьяна прошептала Вадиму на ухо:

– Ты здесь все себе можешь позволить?

Он посмотрел недоуменно.

– Я вот максимум чай смогу заказать. И то, если бармен согласится мне свой пакетик «Нури» заварить.

Вадим рассмеялся, притянув взгляды взрослых. Арина уставилась на сына недовольно, потому что он перебил ее вопрос. В прищуренных глазах Татьяна прочитала желание хорошенько отвоспитать его, но Арина промолчала и задала вопрос заново. Дмитрий с мамой закивали и снова вернули взгляды ей. Татьяна виновато поджала губы. Вадим не обратил на это внимания.

– Ты же вчера хвастливо угощала меня кофе, – прошептал он ей на ухо.

Даже шепот его казался издевательским.

– Но то был кофе за сто рублей. А тут один салат полторы тысячи стоит, – Татьяна стыдливо глядела в меню, которое даже оформлено было дорого. – И да, я вчера и так потратилась.

Она совсем ссутулилась. Костлявые плечи стали выступать из-под платья.

– Взываешь к моему джентльменству? – ухмыльнулся Вадим.

– Я тебе когда-нибудь отдам, – она увела глаза за край стола. – Если с баром все получится.

– Только ради того, что между нами было, – с сарказмом проговорил он. – Бери что хочешь. Кроме этого рыбного ассорти за пятнадцать тысяч.

Вадим ткнул в большое блюдо с множеством разных морепродуктов. Татьяна с отвращением посмотрела на деликатесы. Она бы не стала это есть, даже если бы пятнадцать тысяч заплатили ей. Сначала поморщилась, а потом перевернула страницу, улыбнулась ему благодарно в лицо и выпрямилась. Теперь меню она листала без опаски и слева направо, а не наоборот. Можно было и прислушаться к разговору взрослых.

– Он, кстати, вас знает, – сказал Дмитрий Арине.

Та изумленно на него покосилась, подняв брови радугой.

– Вы, оказывается, были арт-директором одного из здешних популярных баров. Его, правда, закрыли пару лет назад. Он там работал барменом.

Арина разинула рот и медленно провела кончиком языка по верхней губе. Татьяна с Вадимом тут же уставились на нее с удивленными лицами. Нахмурив брови, Арина будто пыталась вспомнить молодого Ивана, но по тому, как она мотала головой, все догадались, что сделать это ей не удалось. Или, наоборот, удалось и даже очень.

– Он только устроился тогда, за два месяца до вашего ухода, – пояснил Дмитрий, улыбаясь.

Арина задумчиво закивала, а потом поставила локоть на стол и приложила пальцы к подбородку, начав его поглаживать. Татьяна с иронией подумала, что Арине не хватало седой бороды для полноценности жеста.

– От судьбы не уйдешь, – Вадим одарил мать коварным взглядом.

– Кто бы мог подумать, – без особой радости произнесла она.

Только прозвучало последнее слово, как перед столом появился улыбчивый коренастый мужчина в потертых джинсах и сельской рубашке в мелкую клеточку. Первым в глаза бросался непропорционально большой нос забавной «картошкой», а затем толстая шея, раздутая в результате долгих и упорных тренировок. Он был коротко стрижен, носил серебряную цепь и дорогие смарт-часы.

Взгляд его сразу устремился на Арину, которая превратилась в бронзовую статую. Остальные четверо за столом обменивались взглядами друг с другом, периодически переводя их на Арину и Ивана. Татьяна впервые видела ее такой растерянной. Держала она себя

хорошо, но из глаз сквозило отчаяние, которое распространилось на ближайшие метров двадцать вокруг. Казалось, даже музыка сменилась с безмятежной на траурную.

– Всем добрый вечер, – произнес Иван почти певческим баритоном.

Говорил он четко, по-дикторски, до конца произнося каждую букву. Мужчины все поднялись, чтобы пожать ему руку. Арине Иван загадочно кивнул, на Татьяну бросил молниеносный безынтересный взгляд и сел на единственное свободное место. Дмитрию и маме пришлось немного подвинуться к окну.

– Вот так встреча, – расплылся в лукавой улыбке Иван, разглядывая Арину.

Та опустила глаза на меню, почесывая подбородок, и ответила негромко:

– Тесен мир.

Лицо стало каменным. Тело напряглось. Татьяна даже через Вадима чувствовала неестественность ее позы и натянутость нервов. Она украдкой взглянула на Ивана, пользуясь тем, что он ее не замечает. Он слегка ухмылялся, тая за язвительным прищуром какие-то важные воспоминания. Мама шустрыми глазами за несколько секунд успевала обегать всех сидящих плутовским взглядом. Стол охватила интрига и острая неловкость.

Спас всех официант, приветливо улыбнувшийся каждому по очереди. Начав с Татьяны, он стал принимать заказы. Она растерялась, поэтому заказала какой-то салат, просто ткнув в него пальцем, и бокал белого сухого вина. Мама с Ариной тоже позволили себе выпить. Вадим с Дмитрием выбрали чай. Иван к ним присоединился.

– Ну, что, обсудим то, ради чего мы здесь собрались? – предложил последний, взглянув на Дмитрия.

– Вадик, покажи презентацию, – Арина слегка развернулась корпусом к Ивану.

Вадим достал из-за пазухи папку с файлами и положил в центр стола, раскрыв на первой странице. Иван всмотрелся и внимательно прочитал первый слайд. Все трое: Арина, Вадим и Татьяна, следили за его взглядом в напряженном ожидании. Он медленно переворачивал страницы и читал каждый слайд. Когда увидел русалку, непроизвольно ухмыльнулся.

– Сиськи классно получились, – заметил искренне. – Сами рисовали?

Иван быстро оглядел всех троих. Арина с Татьяной, не сговариваясь, указали на Вадима пальцами. Тот горделиво улыбнулся, будто его авторству принадлежала сама «Джоконда». Иван крепко пожал ему руку, сказав:

– Сработаемся, – и пролистал дальше.

Пока он изучал презентацию, официант принес всем напитки. Татьяна от нервозности сделала сразу два больших глотка вина. Вадим откинулся на спинку кресла, положив на нее локоть, в привычной расхлябанной манере. Арина сложила руки на столе сдержанно и изучала глазами выражения лица Ивана по мере его продвижения по бизнес-плану.

– И по сколько вы предлагаете скидываться? – спросил он, посмотрев только на Арину.

– По пять, – просто ответила она.

– И сколько нас будет?

На гладком загорелом лбу Ивана появилась толстая жилка. Брови сдвинулись к центру.

– Трое: ты, я и Вадик. Таня будет моей помощницей.

– А ты хочешь быть арт-диром?

Он пригляделся к Арине внимательнее.

– Не только, – выдохнула она. – Я предлагаю совместное принятие всех решений вплоть до ершиков в туалете.

– Совместно – это значит ты с сыном против меня одного? – съехидничал Иван.

Она не отвела глаз, только слегка наклонила голову.

– Совместно значит вместе, все трое: ты, я и Вадик.

Иван долго всматривался в ее лицо, не двигаясь, не моргая и не обращая внимания на принесенное блюдо. Татьяна с каждой минутой нервничала все больше, потому что он пока-

зался ей суровым, недоброжелательно настроенным и грубым, а еще у них была какая-то темная история в прошлом, которая сильно раскаляла температуру за столом. Вадим переводил настороженный взгляд с матери на Ивана. Дмитрий делал то же самое, иногда оглядывая растерянную Татьяну и улыбаясь. Мама изучала цветочные узоры на скатерти, претендуя на полную отрешенность, но по напряжению мышц лица Татьяна поняла, что она все внимательно слушает.

– И как это будет выглядеть, кабаре? – Иван закрыл папку с файлами.

Он взял принесенные на деревянной подставке столовые приборы и принялся за говяжий язык. Только тогда остальные тоже приступили к еде, кроме Татьяны. Нервы еще накалялись, поэтому она отчаянно пила.

– Танцы на сцене, – пожала плечами Арина. – Тематические вечеринки. Шоу. Как везде. Только лучше и на постоянной основе.

На последних словах она выдавила самодовольную усмешку. Иван хмыкнул, опустив взгляд на запеченное мясо.

– Концепция мне нравится, – замялся он, не поднимая глаз. – Нарисовано прикольно, но как это будет выглядеть наяву? Мало просто поставить дуб в центре бара. Надо постоянно поддерживать эту идею. Во всем и всегда.

– Тебе полноценный 3-д интерьер нужен?

– Можно было бы, – улыбнулся Иван, потом сунул кусок мяса в рот и активно задвигал челюстями, а когда закончил, добавил. – В Питере не помню ничего подобного. Может, и прокатит…

Арина с Татьяной тревожно переглянулись. Затем Арина взглянула на Дмитрия, тот только опустил уголки губ. Вадим слегка наморщил лоб.

– При чем здесь Питер? Мы про Москву говорили, – сказала Арина.

Иван тоже нахмурился и оглядел всех троих.

– А что вы здесь тогда делаете? – спросил он недоуменно.

– С тобой встречаемся, – она держалась невозмутимо.

Иван хмыкнул.

– То есть ты еще хотела, чтобы я на расстоянии этим управлял?

– Я об этом не думала. Но открыть бар мы планировали в Москве. Там публики больше.

– Публики и там, и тут хватит.

Снова началось противостояние взглядов. Арина опять окаменела. Под столом она сжала ладонь в кулак, но лицо осталось холодным и пустым.

– Если честно, я, наверное, надеялась, что ты просто вложишься и будешь ждать прибыли. Без особого участия. Я работаю, ты зарабатываешь. Win – win*.

Она пожала правым плечом, не поднимая из-под стола руку. Иван закачал головой.

– Я так дела не делаю. Я согласен, но только на Питер.

Он опять устремил в Арину непреклонный взгляд сурового гренадера, что стоит до конца. Та вздохнула и посмотрела на Татьяну, которая совсем потерялась. Вино немножко ее расслабило, но лучше соображать она не стала. Однако даже в таком состоянии она осознала, что переговоры закончились прахом.

– Что тебе в этой Москве? «Дэнсхолл» все равно сгорел, – сказал Иван с едва различимой ноткой укора.

Арина закусила нижнюю губу. Татьяна тяжко вздохнула. Себе она этот вопрос невольно тоже задала. Мама с тоской взглянула на нее, но не получила ответа.

– И сын твой здесь.

– Слабый аргумент, мужик, – иронически заметил Вадим, мотая головой. – Я и до этого был здесь. Всем похер.

Иван, не разжимая губ, усмехнулся. Вадим сначала закивал, бесцельно тыкая вилкой по тушеным овощам в тарелке, а потом направил лицо к матери.

– Реально, что тебе там делать? Друзей настоящих у тебя никогда не было, как и любовников. А до бати отсюда ближе, чем из Москвы. И Лада не будет убегать.

Услышав имя дочери, Арина отвернулась. Тонкие морщины вокруг носа и рта слегка дернулись, но она сдержала эмоцию. Иван испепелял ее глазами. Татьяне показалось, что где-то на задворках его мыслей тлеет огонек надежды. «Все-таки что-то серьезное у них было», – предположила она.

– И ты тоже, – Вадим обернулся к ней. – Тебя в Москве вообще ничего не держит.

Татьяна робко опустила голову.

– Именно, – подхватила мама. – Сама жаловалась на эти «гадюшники», в которых теперь выступаешь. И живешь там в ужасной коммуналке не пойми с кем.

Она чванливо отбросила салфетку в угол стола и повела правым плечом. Татьяна посмотрела на нее с обидой и раздражением, но не стала отвечать, чтобы не провоцировать скандал. Иван перевел на нее насмешливые глаза и хмыкнул.

– Тем более, – он вновь обратился к Арине. – А если так нравится Москва, так можешь хоть каждые выходные туда мотаться.

– Надо подумать, – спокойно ответила она, посмотрев на сына.

Тот закачал головой, откинув ее чуть назад и вбок. Татьяне Арина ответила многозначительным взглядом.

– Дай нам пару дней, – попросила она у Ивана.

Тот отпрянул к спинке кресла и, взмахнув руками, легко ответил:

– Да пожалуйста. Думайте. Хотя, по-моему, выбора у тебя особого нет. Херней страдать ты не любишь.

Арина с недоделанной усмешкой посмотрела на него, остановив время за столом на минуту. Все остальные глядели в тарелки перед собой. Дмитрий уплетал что-то красное в белом соусе. Вадим нанизывал на вилку овощи, но не ел их, а просто сбрасывал и снова протыкал. Татьяна допивала вино увлеченно до неприличия.

Салат остался нетронутым, да и выглядел не очень аппетитно: осьминожьи щупальца, порезанные плотными цилиндриками, мелкие рваные куски китайской капусты, зеленые овощи и коричневый сжиженный соус поверх всего. «Я мастер выбирать блюда», – досадливо заметила она и с глубокой тоской заглянула в опустевший бокал, по дну которого плавала одинокая желтоватая капля.

– Ладно, жду фидбэка через два дня, – деловито проговорил Иван, поднимаясь, и, кинув на стол пятитысячную купюру, по очереди попрощался с мужской половиной стола за руку, а затем быстро ушел, будто его и не было.

– Блядь, – с напалмом вырвалось из Арины, словно все это время нагревалось и наконец дождалось мига, чтобы взорваться.

Все четверо уставились на нее недоуменно. Она вздохнула глубоко и снова стала похожа на бездушную статую.

– На сегодня с делами покончено, – проговорила уже мягким бархатным голосом, улыбнувшись. – Предлагаю обсудить выставку. Вы же тоже там были?

– О да, – легко подхватила мама. – Я бы такое ни за что не пропустила. У Вадика ведь потрясающие картины!

Дмитрий согласно закивал, активно двигая круглым лоснящимся подбородком. Вадим иронично оскалился, слегка мотая головой, одновременно не умея стесняться и достойно принимать комплименты. Арина смотрела на него с горделивой улыбкой, будто все картины они делали вместе. Татьяна глядела сбоку с любовью и восхищением.

Дмитрий явно впечатлился, потому что досконально разобрал работы по полочкам, особенно остановился на двух картинах, которые назвал «Кладбищем» и «Узором». Мама его восторг от «Узора» не поддержала и даже раздраженно фыркнула, потому что для нее работа олицетворяла ужасные воспоминания. Вадим понимающе кивнул. Татьяна отвернулась, чтобы не поймать ничей обвиняющий взгляд.

Арина для разбавления обстановки сравнила новые произведения с предыдущей выставкой. Обсуждение затянулось надолго. Татьяна в спорах не участвовала, заказав себе еще вина, только слушала, с любопытством наблюдая за лицами собеседников.

Творчество Вадима вызывало много разных эмоций. Для себя она отметила, что в его картинах содержалось немало идей для долгих дискуссий, длящихся часами, а то и веками. Философы всех времен наверняка это уже обсуждали. У нее его работы тоже вызывали круговорот мыслей и чувств, но свое мнение она не желала высказывать, боясь попасть впросак, показаться глупой или быть осужденной самим художником.

Хотя у всех сидящих за столом имелась чудесная возможность подискутировать с автором по поводу идей, что он заложил в свои работы, чем мама нескромно пользовалась, засыпая его вопросами. Когда остальные трое ценителей искусства забывали про художника, споря друг с другом о глобальных смыслах человечества, он поглядывал на Татьяну с любопытством, словно пытался прочитать ее мысли. Она отвечала улыбкой и просто пожимала плечами. И он снова отворачивался к спорящим.

Неугомонная мама не выпускала Арину и Дмитрия из дискуссии допоздна. За окном уже успело стемнеть и снова посветлеть за счет искусственного освещения. В ресторане давно играл живой джаз. Музыка медом вливалась в уши и мгновенно расслабляла тело. Порой, когда дискурс за столом достигал недоступных для понимания Татьяны высот, она отвлекалась на эту музыку, слегка покачивая корпусом и попивая вино.

Когда официант принес счет, Арина попросила его разделить. Дмитрий воскликнул:

– Я угощаю, я же организовал встречу.

– Нет, нет, нет! – решительно замотала головой Арина, выставив тонкую руку вперед. – Я всегда плачу за себя сама.

– Бате только это не говори, – усмехнулся Вадим. – Пусть пребывает в счастливом неведении.

Арина смерила его укоризненным взглядом.

– Ну, хотя бы в знак знакомства, – мягко настаивал Дмитрий.

– Нет, даже сыну не позволю за себя заплатить, – вертела головой Арина.

– Будто я собирался, – отозвался он с сарказмом.

Она закатила глаза. Дмитрий с мамой переглянулись и уважительно закивали.

– Я тоже плачу за себя сам, – Вадим улыбнулся им.

Татьяна ткнула его локтем вбок.

– Да, и за Таню.

У мамы глаза превратились в два круглых серых шара. Она уставилась на Татьяну в возмущении и манерно произнесла:

– Куколка, что ты как неродная. Конечно, мы за тебя заплатим.

– Нет, – выпалила Татьяна. – Я уже Вадима попросила. Не надо.

– Но мы же семья! – мама повысила голос, елозя в кресле. – Зачем ты Вадика беспокоишь? Он не должен за тебя платить.

Мама посмотрела на него, ища поддержки, но Вадим замотал головой и с улыбкой ответил:

– Да мне несложно. Я заплачу.

– Ну, как так? Я же ее мама…

Вадим ее перебил.

– Ада, не переживай, все нормально. Ты останешься ее мамой независимо от оплаты счета.

Арина усмехнулась. Дмитрий выдавил улыбку. Мама резко вздохнула, напрягая шею, из-за чего выступили все жилки.

– Но почему ты должен за нее платить? Вы ведь друг другу никто! – негодующе взмахнула она руками.

Вадим резко поднялся из-за стола, перехватив папку с чеком у Дмитрия.

– Ада, мы это уже проходили, – процедил он жестко, не повышая голоса. – Не тебе решать, кто мы с Таней друг другу.

Мама опешила и чуть съехала в кресле, положив сцепленные руки на живот. Глаза ее, напряженные и сердитые, в бешеном ритме носились по лицу Вадима. Он взял счет и сунул в папку несколько купюр, затем передал Арине. Татьяна только тяжело вздыхала, раздражаясь на мелочную маму. Вадим посмотрел на нее и, усмехнувшись, добавил:

– Она все равно мне вернет.

Татьяна поймала его наглое подмигивание и закатила глаза, хотя мысленно благодарила за то, что он за нее заступился. Ей гораздо легче было признать свою слабость перед ним и потом расплачиваться, исполняя нелепые просьбы, чем быть должной маме. Вадим не претендовал на ее свободу, на ее мысли и на нее саму, хотя ему бы она добровольно отдалась даже в рабство, но в том и было дело, что он бы никогда о таком не попросил.

Из-за стола все поднялись в угрюмом молчании. Арина, которая после нескольких бокалов красного сухого заметно повеселела, чтобы избавиться от неловкости, подхватила маму и Дмитрия под руки, встав посередине, и повела из ресторана, нахваливая саксофониста из джаз-бэнда, что сейчас исполнял соло. Татьяна с Вадимом шагали за ними.

– Спасибо, – сказала она стеснительно, убрав руки назад: левую согнула в локте и обхватила ладонью правое предплечье.

– Ну, как всегда, должна будешь, – весело ответил Вадим.

– Отдам, если заработаю.

Она издала грустный вздох.

– Ты же знаешь, я натурой беру.

Он тоже убрал руки за спину, приняв аналогичную позу, только отзеркаленную. Татьяна обернулась на него со слабой улыбкой.

– Я просто не хочу быть зависимой от мамы, – некстати пояснила она, опуская глаза на черный прорезиненный ковер, лежавший у входа.

Вадим усмехнулся и открыл стеклянную дверь.

– А от меня хочешь?

– А тебе я и даром не нужна, – выдавила она сквозь мгновенно возникшую в горле боль и сразу отвернулась, чтобы не встретиться с ним глазами.

На лице Вадима на миг промелькнула гримаса раздраженного недоумения, но он не успел ничего ответить, потому что его внимание привлекла Арина. Они уже подошли к машинам на парковке. Мама с Дмитрием остановились у белого универсала с длинным капотом. Арина опиралась фигурным боком на золотой внедорожник.

– Вадик, отвези меня к Ладиному отцу, – сказала она, нахмурив брови. – Надоело мне до нее дозваниваться.

– Уже ночь, мам, – возразил он лениво.

– Будто они спят! – она вскинула голову.

– Я ведь Соне сегодня обещал приехать…

– Перебьется твоя Соня одну ночь без секса! А я дочь уже несколько недель не видела!

Вадиму возразить было нечего. Губы в протесте сжались до тонкой искривленной линии. Татьяна с сочувствием на него посмотрела, хотя Арину ей было больше жаль. В глубине души она радовалась, что хотя бы одну ночь Вадим Соне не достанется.

– Ладно.

Они стали прощаться. Арина обнялась с мамой и Дмитрием, как с закадычными друзьями. Они наговорили друг другу кучу принятых любезностей о том, как им приятно было познакомиться, как они интересно провели вечер, как хотелось бы встретиться еще таким же составом. Вадим с Татьяной стояли в стороне, со скепсисом глядя на сюсюканья родителей.

– Пока, – просто сказал он, когда остальные расселись по машинам, и направился к своей.

– Пока, – протянула Татьяна, двинувшись к автомобилю Дмитрия.

Вадим стартовал первым. Дмитрий еще копошился несколько минут с ремнем безопасности, который никак не мог найти под собой, а потом тоже выехал с территории парковки. Мама не сумела сдержать упреков. Татьяна к этому готовилась еще на выходе из ресторана.

– Куколка, я надеялась, что мы уже все проговорили, – начала она пыхтящим голосом. – Мы ведь семья. В семье нормально помогать друг другу. Я ведь делаю это не для того, чтобы выпендриться, в конце концов! Зачем ты выставляешь меня врагом? Я ведь хочу заботиться о тебе.

– Мам! – Татьяна ударила кулачком по кожаному сиденью. – Хватит! Ситуация уже разрешилась. Я о себе давно сама забочусь. И я вполне способна за себя сама платить. Пока не в таких дорогих ресторанах, но в нормальных местах для обычных людей легко! Мне не нужна поддержка и помощь. Спасибо, но нет.

– Тем не менее сегодня от Вадика ты приняла помощь, а от родной матери – нет? – мама развернулась к ней всем корпусом.

– У нас с Вадимом свои счеты, – отрезала Татьяна и уставилась в окно.

Разговор на этом закончился. Дмитрий еще пару минут поглядывал боязливо то на мать, то на дочь. Мама всю дорогу вертелась и ерзала, недовольно цокая и хмыкая. Когда они вошли в квартиру, Татьяна сразу заперлась в комнате.

Перед сном она долго смотрела на «балерину», думая о других картинах Вадима, о нем самом, о сегодняшней встрече, об Арине и баре, который очень живо себе представляла теперь. Она уже гуляла по нему, танцевала на сцене и чувствовала смешанный запах алкоголя и дерева. В воображении разыгралось целое танцевальное представление – смесь отрывков из того, что они делали в «Дэнхсолле»: и хэллоуинский шабаш, и похищение Нового года злобным отшельником, и свадьба зомби и еще множество других. Татьяна продолжала задавать себе вопрос, который задал Арине Иван, и пыталась найти ответ.

Ее в Москве, действительно, ничего не держало. Она не имела там ни собственного жилья, ни постоянной работы, да и друзей не успела много нажить. Русик с Муравьевой были заняты своим бурным романом. С ними она в последнее время виделась редко, особенно после окончания курсов в школе рисования. Лада жила в Москве только из-за матери. «Адлия? У нее там тоже ничего и никого нет», – с надеждой подумала Татьяна и решила созвониться завтра с Ариной, в которую все упиралось.

С этой мыслью Татьяна заснула и проснулась.

Из кухни снова несло соблазнительным вкусом выпечки, который пробуждал стянувшийся за ночь желудок. Голод тащил ее на кухню, где ждала мама. Она еще дулась, но продолжала за Татьяной ухаживать: наложила кашу, приготовила кофе, вытерла крошки со стола. Говорила только сухо и как бы с неохотой, хотя поглядывала украдкой.

Татьяна реагировала спокойно. Поражалась себе, как теперь не волновалась из-за мелочной обиды матери. Года два назад она бы билась в панике и истерике, стараясь ей угодить. Мама тоже к этому привыкла, потому удивлялась ее равнодушию.

После завтрака Татьяна опять закрылась в комнате. До обеда звонить Арине боялась, потому смотрела мультфильм. После двух бывший директор набрала ее сама.

– Решила? – спросила Арина сразу после «Алло?».

– Нет, – сглотнула Татьяна и резко поднялась на кровати, скрестив ноги. – А ты?

– Эти двое тут меня умоляют, – с ехидством произнесла Арина. – Внезапно мать все полюбили.

Татьяна улыбнулась стене, на которой высветился в шутку недовольный образ босса с закатывающимися глазами и вытянутым в трубочку пухлым ртом.

– Знаешь, что меня смущает?

Татьяна сначала замотала головой, а потом поняла, что Арина ее не видит, только слышит, и ответила:

– Нет. Что?

– С этим Иваном у меня был роман. Всего пару месяцев перед моим отъездом в Москву. Я думала, ничего серьезного, парень молодой, отойдет быстро. Он мне год потом еще писал. Каждый день. И раз в месяц, прямо на работу, отправлял букет алых роз.

– Ого, – вырвалось у Татьяны.

Она округлила глаза и затаила дыхание, хотя нечто подобное и ожидала услышать. Арина продолжала отстраненным голосом:

– Я его игнорировала. Думала, все равно далеко, поэтому и не парилась. А он взял и приехал. В клуб. Это еще до «Дэнсхолла» было. Застукал меня во время секса в кабинете с одним поваром. Скандал устроил.

– Оо, – протянула Татьяна.

Теперь ей стало ясно, почему Иван вел себя так неприветливо.

– В общем, я ему в грубой форме тогда объяснила, что мне на него плевать. Он обиделся, уехал.

– Ну, понятно, почему ты не хочешь иметь с ним дело, – вздохнула Татьяна огорченно.

– Я не закончила, – строго заметила Арина и подождала несколько секунд, как будто для настройки внимания. – Меня смущает как раз то, что я дико хочу иметь с ним дело. Не только бизнес. Думаю, ты догадалась. И со вчерашнего вечера не могу перестать о нем думать.

– Оу.

Татьяна сначала опешила и тупо уставилась в пустую стену. Постепенно злорадная усмешка сама расползлась по лицу. Она почувствовала умиление и, хихикая, спросила тоненьким голоском:

– Арина влюбилась?

– Громко сказано. Ты знаешь, кому принадлежит мое сердце. А вот вагина…

Голос оставался спокойным и бархатным, но Татьяна чувствовала в нем легкий трепет. Она коварно прищурилась, не убирая улыбки с лица.

– Твоя вагина – уже общенациональное достояние, – не сдержалась.

– Где так острить научилась, чертовка? – грозно проговорила Арина. – Поменьше водись с моими детьми.

Татьяна только рассмеялась.

– Мы с тобой в почти одинаковом положении будем, если возьмемся за это дело, – иронично заметила она, а потом насторожилась и спросила с опаской. – Тебя там никто не подслушивает?

Арина хохотнула.

– Не бойся, все чисто. Вадик уехал на работу.

Татьяна выдохнула.

– Ну, мою историю ты знаешь. Меня тоже все это смущает, – начала она понуро. – Меня больше пугает не то, что в Москве ничего не держит, а то, что меня сюда… кое-кто… очень манит…

Она выпрямилась на глубоком вдохе, а затем опять округлила спину и чуть склонилась к кровати.

– У него уже давно другая девушка. Я боюсь… не сдержаться и опять ему все испортить.

– Не парься, если Вадик не захочет, он тебе этого не позволит.

– Утешила, – сарказничала Татьяна.

Обе замолчали ненадолго. Она прокручивала последние два дня, пытаясь выцепить из воспоминаний что-нибудь важное для себя, хоть какой-нибудь намек, хотя бы малость обнадеживающий. Арина ровно дышала в трубку.

– А вдруг так должно быть? – сама не зная у кого, спрашивала Татьяна, но говорила в телефон. – Может, тебя с Иваном судьба не просто так связала? Тем более, кажется, он тебя до сих пор помнит.

– Даже слишком хорошо, – удрученно проговорила Арина. – Самое тупое начинать бизнес с тем, с кем у тебя в прошлом было что-то личное. И тем более болезненное. Мы ведь прогорим раньше, чем откроемся.

Она цыкнула так, словно обо что-то ударилась мизинцем.

– Я в этом не разбираюсь, – проговорила Татьяна. – Но попробовать-то можно. Тем более, если что, Вадим будет твоей поддержкой.

– Ага, с таким подходом к бизнесу, – Арина усмехнулась, – только на него в старости и уповать.

Татьяна посмеялась, а потом резко погрустнела. Ей уповать было не на кого. «Если что, уборщицей всегда смогу устроиться», – подбодрила она себя.

– В конце концов, я потеряю только Ладино блестящее будущее и свою беспечную старость, – отмахнулась Арина и с легкой ноткой истерики захихикала, а потом резко придала голосу суровый тон. – Ладно, добудь мне номер этого Ивана. Скажу ему, что мы согласны.

– Окей, – заулыбалась Татьяна.

Бархатный голос пропал. Послышались гудки. Она еще несколько минут не двигалась с места, пытаясь осмыслить принятое решение. Ни облегчения, ни радости, ни тревоги она не чувствовала, будто Арина предложила пройтись по магазинам, а не открыть бар с бывшими любовниками в городе, из которого когда-то обе сбежали.

Глава 7. Пора и честь знать

У них был месяц на переезд. Все это время Татьяна жила обычной жизнью, к которой привыкла за лето. Ходила на кастинги, танцевала в ночных клубах в разных частях города, выступала с Ладой и Юрой на доступных уличных площадках, помогала Адлии выполнять заказ на пошив детской формы, каждый вечер уговаривая соседку поехать с ней.

– Шить ты и там сможешь, – уверяла она под бесперебойный рокот швейной иглы. – А я тебе помогать буду. И уборщицами в баре мы так же сможем работать.

Татьяна с воодушевляющим сиянием в глазах посмотрела на согнувшуюся над кроватью Адлию, которая искала выпавшую из рук иголку. Одной рукой обхватила бок, другой шарила по узорчатому покрывалу.

– Ну, зачем я тебе там? Обузой быть?

Она издала резкое «Ой» и тут же заулыбалась, потому что нашла иглу. Положив вышивку перед собой на колени, Адлия уселась на диван в любимой скрюченной позе.

– Почему обузой? – искренне удивилась Татьяна. – Будем так же вместе работать и жить. Так всем сподручней. И тебе здесь одной тянуть жилье и все остальное будет тяжелее. И мне там. Это же взаимовыгодное сожительство.

Она нахмурилась и вцепилась взглядом в круглое лицо Адлии. Та улыбнулась, подняв черные глаза.

– Какие умные слова. Сразу слышно бизнесвумен.

– Я серьезно, Адлия!

Адлия вздохнула и посмотрела в окно, за которым город готовился к ночи, хотя улицы еще кишели людьми и транспортом.

– Ты же помнишь, что я нелегалка? – угнетенно сказала она. – В «Дэнсхолле» мне просто повезло работу найти. Спасибо Арине. Я ведь только на заказах здесь держусь. Хорошо, хоть клиенты постоянные есть. Но ты-то в курсе, что иногда с заказами совсем пусто. А там их, вообще, не будет.

– А как же бар? – настаивала Татьяна, не прерывая работы на швейной машинке. – У нас же будет кабаре! Костюмы постоянно будут нужны. Базу клиентов быстро наработаешь.

Адлия посмотрела на нее вдумчиво. Татьяна шила, не отвлекаясь и боясь смотреть в умные глаза, чтобы не напороться на веский аргумент. Но Адлия еще долго ничего не говорила и не вышивала. Просто сидела, погруженная в собственные мысли. Татьяна ее больше не трогала. До окончания дня они работали. Только перед самым сном, выключив просмотренную серию про турецкого султана, Адлия плюхнулась на диван и сказала:

– Ладно, не могу ж я Рыжку тебе доверить. Пропадет без меня.

Татьяна на радостях кинулась ее обнимать, не рассчитав силы, и уронила на подушку. Кот, спавший на покрывале, взвизгнул и пулей отлетел в сторону. Адлии пришлось его успокаивать.

***

В течение этого месяца Иван с Вадимом в Петербурге занимались регистрацией компании и поиском помещения для бара. Арина улаживала вопрос с переводом дочери в питерскую школу после начала учебного года, что занимало много ее времени и нервов, а также денег. Сама Лада все свободное время проводила с Юрой, чтобы успеть «надышаться перед смертью», как сама выражалась.

– Ну, вы же не расстаетесь? – спрашивала Татьяна, кидая аудиосообщение в чат, в ночь перед тем, как уехать в Петербург.

– Нет, конечно, но… – грусть за улыбкой едва скрывалась. – Все равно нелегко. Мне еще два года учиться. Потом, наверно, вернусь в Москву. Но эти два года надо как-то пережить.

– Ну, ты знаешь, что я тебе никакой дельный совет дать не смогу, – сама над собой подтрунивала Татьяна в аудиоответе. – Остается лишь надеяться, что любовь все стерпит.

«Ваша с Вадиком не вытерпела», – написала Лада и поставила подозревающий смайлик.

– У нас с ним толком ничего и не было, – зафиксировал микрофон удрученный голос.

Подруга на это отправила грустную желтую рожицу.

Татьяна поехала в родной город раньше Адлии на неделю, чтобы найти им жилье – просторную комнату в коммунальной квартире, желательно, поближе к центру. Денег у них было немного – хватило бы только на оплату первого месяца и залога. Адлия обещалась приехать потом вместе с Ариной и Ладой, которым жилье уже нашел Вадим. Татьяне просить о таком было некого, точнее, маму она просить не хотела, да и та бы ни за что не выбрала комнату в коммуналке.

Татьяна снова остановилась в маминой квартире погостить на время поиска. Она целыми днями мониторила сайты по аренде жилья и читала множество статей о том, как не попасться мошенникам. Комнату ходила смотреть вместе с мамой, потому что та настояла. Маме, как и ожидалось, ничего не нравилось: все казалось слишком ветхим, грязным и до неприличия простым. Она снова предлагала денег – на отдельную квартиру, но Татьяна решительно отказалась.

– Кстати, это мне тоже не нужно, – однажды вечером она положила на кухонный стол перед мамой банковскую карту – подарок на день рождения.

Мама с негодованием вздохнула и опустила тяжелый взгляд на плоский кусок пластика с блестящими выпуклыми цифрами.

– Ты даже не смотрела, сколько там? – она соскребла карту со стола тонкими пальцами.

– Нет.

Татьяна скрестила руки на груди и расставила ноги шире, чтобы чувствовать себя уверенней.

– Чего ты боишься? – мама, наконец, удостоила ее взглядом, обиженным и высокомерным одновременно. – Я не буду ничего тебе запрещать. Или запирать тебя. Хотела бы и могла бы, давно бы уже сделала.

Обычно высокий голос матери резко понизился и погрубел. Лицо казалось напряженным. Татьяна тоже напряглась. Брови нахмурились. Глаза сосредоточили фокус на худой фигуре.

– Просто ты и так всю жизнь мои прихоти исполняла, – ответила Татьяна слегка дрогнувшим голосом. – Пора и честь знать.

Мама усмехнулась и мотнула головой. Грудь сильно поднялась, втянув много воздуха, и медленно опустилась до нормы. Минуту она сидела с поджатыми губами, исследуя рисунки на обоях.

– Да, пожалуй, пора признать, что ты повзрослела, – улыбнулась безрадостно.

Татьяна смотрела напряженно, пытаясь осознать чувства, что клокотали в груди. Самыми мощными казались страх и благодарность.

Вадим был прав, мама дала ей не самую плохую жизнь, но в то же время отобрала важную ее составляющую – свободу, без которой все другие блага сильно теряли ценность, потому что невозможно было наслаждаться ими, как хочется. Да, теперь Татьяна не могла себе позволить приготовленный профессиональным шефом изысканный салат с морепродуктами, но зато научилась сама готовить простой и вкусный плов, от чего получала гораздо больше удовольствия.

Глубокая обида пробиралась сквозь забытые воспоминания, нарастая в животе и сдавливая внутренности. Нервы обволакивались болью, всеобъемлющей и острой. Хотелось охранять свою свободу до конца и больше не позволять собой манипулировать. Но затем просыпалась любовь. Та детская забытая любовь к матери, к такой, какой она была и какой стала. Она все равно была ее мамой. С ней было связано и много хороших воспоминаний. Татьяна ведь долгое время не чувствовала себя несчастной. Вадим опять оказался прав: мама ее многому

научила и по-своему ее любила. Татьяна ее не выбирала, но вряд ли смогла бы выбрать лучше. Даже сейчас.

– Спасибо, мам, за все, – сказала она мягко и аккуратно обняла маму, прижав голову к груди.

– Я люблю тебя, Куколка, – мама тихо всхлипнула и погладила ее по руке.

Они промолчали так, не двигаясь, несколько минут кряду. Мама сдерживала плач, который изредка вырывался в заглушаемых всхлипах. Татьяна стояла с закрытыми глазами. Плакать ей не хотелось. Она просто прислушивалась к тому, как оттаивает постепенно душа и растекается по венам теплотой.

Потом в кухню ворвался пришедший с работы Дмитрий. Он выглядел усталым, а взгляд казался голодным. Мама соскочила с места, чтобы поухаживать за ним. Дмитрий с благодарностью плюхнулся на диванчик и стал рассказывать про свой день и про неприятности, которые его расстроили, а мама его с пониманием слушала, в поддержку кивала и ругала всех, на кого тот жаловался. Татьяна наблюдала за ними и улыбалась.

На следующий день они нашли подходящую комнату в двушке, которую сдавала приятная дама, живущая во второй комнате. Дама работала флористом, потому вся квартира больше напоминала оранжерею или джунгли, нежели жилое помещение. Но пахло в ней приятно. Воздух казался свежим и словно опыленным.

Теперь Татьяна могла спать на нормальной кровати, одной из двух, что стояли по боковым стенам комнаты, как в гостиничных номерах. Здесь имелись и письменный стол, и полноценный шкаф для вещей, и даже прикроватные тумбочки. Хозяйка квартиры рассказала, что это бывшая комната ее сыновей, но оба уехали учиться за границу, поэтому она решила сдавать ее, чтобы им помогать деньгами. Услышав это, Татьяна словила мамин торжествующий взгляд, но не стала на него отвечать.

В тот же день она переехала. Все вещи поместились в один большой чемодан, рюкзак и маленькую поясную сумочку. Адлия с Рыжкой приехали на следующий день, почти ночью. Хозяйка их встретила испеченным вручную печеньем. Адлия была приятно удивлена.

– Меня впервые так где-либо встречают, – шепнула она Татьяне, когда хозяйка отправилась в комнату за фотографиями своих сыновей, которых жаждала показать.

За чаем они проболтали еще целых два часа, пока глаза не слиплись от усталости. Засыпая, Татьяна поймала себя на мысли, что чувствует воодушевление, которое давно не испытывала, с самого побега из дома. Тогда ей тоже казалось, что она начинает новую веху жизни.

Глава 8. Грязное помещение

В помещении будущего бара они вчетвером договорились встретиться в полдень. Татьяна волновалась, словно шла на кастинг в очередной гадюшник с очень придирчивым администратором. К суровости Арины она уже привыкла, как и та привыкла к ее глупости, но перед грозным Иваном все тело содрогалось и обмякало, будто он мог решить ее судьбу окончательно и бесповоротно. А еще сердце трепетало в предвкушении встречи с Вадимом, по которому она успела соскучиться за этот месяц сильнее, чем за все предыдущие вместе взятые.

Октябрь полноценно накрыл город осенней хандрой. Лили дожди почти беспрерывно. Сыпались листья бесконечно. Солнце сидело за тучами безвылазно. Погода стояла типично отвратительная, но терпимая.

От нового дома до бара Татьяна добиралась на метро, в котором было, как обычно, тесно, душно и шумно, зато дорога заняла чуть больше получаса. Свернув с шумного, насыщенного потоком автомобилей, проспекта на небольшую, но не менее шумную улицу, Татьяна остановилась у старинного розового здания с фигурным фасадом и грязными окнами.

Бар занимал первый этаж. В него вела современная пластиковая дверь коричневого цвета с пыльными стеклами, заляпанными остатками клея от некогда висящих на них объявлений, вывесок или рекламных плакатов. Ручки тоже были пластиковыми, гладкими и мокрыми.

Татьяна потянула за одну двумя пальцами, чтобы запачкаться как можно меньше. Только дверь открылась, как ее оглушили пылкие женские стоны, разносившиеся эхом по пустому залу из-за тонкой либо вовсе открытой двери дальнего помещения.

«Когда они успели?!» – поражалась она, сразу узнав бархатистость голоса Арины. У Татьяны не было сомнений, что она там с Иваном. До назначенного времени осталось всего десять минут.

«Отель не подыскать было?!» – злилась Татьяна, выходя на улицу. Она специально громко хлопнула дверью, чтобы напомнить любовникам о предстоящей встрече. Вадим подошел, едва она убрала руку от двери.

– Привет, – неприветливо произнес он, как будто заразился ее раздражением.

– Привет, – пробурчала Татьяна, не глядя на него, а потом, опомнившись, повернулась к нему всем корпусом и улыбнулась.

Вадим, в заляпанных краской джинсах и кожаной куртке, тряхнул головой, обрызгав Татьяну холодной моросью дождя, и поежился. Ей от влажности тоже стало холодно. Она скрестила руки на груди и посмотрела на небо, которое перестало плакать.

– Че не входишь? – разглядывал ее лицо Вадим.

– Там Арина с Иваном, кажется, страстно вспоминают молодость, – Татьяна поджала губы, чтобы не выругаться.

– Нашли время, – он поддержал негодование и встал рядом лицом к улице.

– И место, – добавила Татьяна, усмехнувшись.

Вадим сразу достал сигарету и закурил, отойдя подальше. Она посмотрела на него сбоку, ища слова, с которых можно было начать дружеский разговор, но не нашла, потому что не привыкла вести с ним такие разговоры. Теперь ей казалось, что они больше ссорились, чем общались по-человечески, и тем более не как друзья.

– Ну, как дела? – спросил Вадим, заставив Татьяну сокрушиться про себя, ведь можно было начать с банального. – Права получила?

Он уставился на нее без особого любопытства или ожидания ответа. Будто спрашивал только для придания беседе непринужденности.

– Зарегистрировалась на экзамен через две недели, – Татьяна опустила голову на окропленные брызгами луж капроновые колготки.

Ноги сразу озябли. Хотелось оттянуть колготки от кожи, но они сидели вплотную. Ветер их высушивал, оставляя серые горошинки на икрах и голенях. Ботинки тоже обляпала мокрая грязь.

Вадим только кивнул и сделал глубокую затяжку. Кончик сигареты разжегся оранжевым пламенем, через секунду превратившись в серый пепел, который частично осыпался на куртку, частично поднялся в воздух и закружился вместе с ветром, распадаясь на все более мелкие частицы. Татьяна внимательно смотрела на него, ожидая продолжения. Вадим взглянул в ответ и спросил:

– Готовишься? А то по Питеру ты, наверное, не каталась.

– Нет, – ответила она на все сразу и пожала плечами. – Денег нет на инструктора. Ни мама, ни Дмитрий мне свои машины не доверят, конечно. Да и у них обоих автомат, а мне механика нужна.

Вадим задумался. Сигарета тлела. Руки он сунул в карманы куртки. Татьяна спрятала свои в рукава пальто, нанизав их друг на друга плотно, наподобие муфты.

– Хочешь, на «Фольксвагене» моем покатаемся? – его пальцы снова обхватили сигарету.

Она широко раскрыла глаза и захлопала ресницами.

– Он еще жив?

– Я его воскресил, – улыбнулся Вадим не без гордости. – Для Сони. Она же летом сдавала тоже.

Татьяна приоткрыла рот и протянула неловкое «эээ». Он сдвинул брови, делая затяжку.

– Окей, спасибо, если тебе нетрудно, – выговорила она без улыбки, но с благодарностью.

– Ну, как всегда, должна будешь.

До ближайшего мусорного бака пришлось идти вдоль всего здания. Татьяна спокойно ждала, пока Вадим вернется к ней, уже без сигареты, наблюдая за уверенной походкой.

– Не проверяла? – подойдя к двери, он заглянул сквозь пыльное окно, в котором невозможно было что-то высмотреть.

Татьяна закачала головой и слегка толкнула дверь рукой, приоткрыв на пару сантиметров. Через несколько секунд раздались глухие стоны. Вадим притянул дверь обратно, цокнув губами.

– Только готовься рано утром вставать, пока машин мало и менты не такие внимательные, – взглянул он сверху на Татьяну. – Я смогу только с шести до восьми утра.

Она сдвинула сжатые губы в сторону, задумавшись.

– А не слишком рано?

– Ну, в десять я начинаю работать над творческими проектами. А до этого еще на фитнес успеть надо.

Выпучила глаза, Татьяна слегка склонила голову набок и улыбнулась.

– Чему удивляешься? – показалась самодовольная усмешка, по которой она соскучилась. – А ты думала, откуда я такой красивый?

Татьяна посмеялась. Настроение мгновенно поднялось на высшую планку, раздвинув в воображении серость неба и открыв солнце. Душа озарилась теплом его улыбки. Холод перестал отзываться в теле промозглостью.

– А вечером? – надежда не давала угомониться.

Привыкший к ночному режиму работы организм теперь очень не любил просыпаться в такую рань. Ему легче было лечь в это время, чем встать.

– А вечера я с Соней провожу, – Вадим отвернулся в сторону перекрестка, на котором сгрудилась кучка автомобилей перед красным сигналом светофора.

Татьяну что-то кольнуло в области сердца. «Татуировка, – утешала она себя. – Это должна быть татуировка. Смирись и терпи. Вы – друзья. Перестань портить ему жизнь. И себе тоже». Она закрыла глаза на несколько мучительных секунд, пока боролась с болью и ревностью.

– Хорошо, спасибо. А что взамен попросишь? Я ведь еще за ресторан должна.

– В этот раз мне действительно нужна твоя натура, – русая голова с усмешкой наклонилась, в глазах снова заиграло нахальство.

Татьяна встрепенулась. Сразу захотелось поправить непослушный локон волос, который, на самом деле, послушно висел за ухом. Она зачем-то еще раз провела по нему пальцами, вглядываясь в добродушное лицо Вадима. Рот слегка приоткрылся от легкого возбуждения. Внизу живота проснулась надежда.

– Обнаженная, – его ухмылка только распалила спящую в ней пылкость.

Татьяна свела руки внизу треугольником, крепко сжав правую кисть в левой, и едва заметно облизала губы. Сердце заколотилось. Мозг отключился за ненадобностью. Глаза жадно испепеляли его розовые губы. Она тихонько помотала головой в стороны, чтобы он уточнил.

– Мы в студии планируем организовать учебные встречи для рисования набросков голого тела. Два раза в неделю: мужское и женское. Парня нашли. А вот с девушками сложнее.

Он поджал уголки губ. Татьяна разочарованно выдохнула. Пылкая надежда так же легко погасла, как и возгорелась. В воображении она представлялась гаснущим окурком, который Вадим только что выбросил в мусор.

– Нужно позировать два часа. Не знаю, сколько людей будет ходить. Но, думаю, максимум двадцать.

– А надо быть совсем-совсем голой? – Татьяна слегка поморщилась.

Вадим прищурился коварно. Ухмылка растянулась на всю ширь. Он шмыгнул носом и через секунду вернул лицу нормальное выражение.

– Ну, стринги какие-нибудь можешь оставить. Но не больше. Попу должно быть видно.

Татьяна хмыкнула, пытаясь понять, действительно ли требования были такими или это было исключительно его желание. Она бы согласилась в любом случае, но было бы приятнее позировать в первую очередь для него.

– Кстати, тебе за это еще и платить будут, – закивал Вадим. – Немного, конечно, тысячу за раз, кажется.

Она тоже кивнула. Лишние деньги для нее никогда не были лишними на самом деле, впрочем, это никак не влияло на выбор, которого у нее и так не было.

– Этим я от всего сразу откуплюсь? – Татьяна подозревала, что не могла так запросто отделаться.

– Нет, конечно, только за «Фольксваген». За ресторан я что-нибудь потом придумаю.

Вадим усмехнулся и отправил взгляд в низкое небо, а потом снова посмотрел на дверь и приотворил ее. Они постояли с полминуты. Стоны прекратились. Он впустил Татьяну первой.

Просторный зал освещали тусклые софиты, которые свисали с бетонного потолка. По нему корявыми трубами, обтянутыми фольгированным утеплителем, протекали инженерные коммуникации. Повсюду торчало много крючков, гвоздей и алюминиевых закорючек. Стены сохранили первозданность, слегка обшарпанную временем. Кое-где кирпичная кладка рассыпалась, а кое-где была замазана ремонтной смесью грязно-серого цвета. От полов осталось только бетонное основание. Его накрыло толстым слоем пыли и завалило остатками строительного мусора.

Сквозь два больших окна пробивался естественный свет, которого хватало только на ближайшие метра четыре вдоль фасадной стены. Остальная часть зала уходила в темень. Из него вели две двери. На левой сохранился значок «WC». Из второй слышались голоса, мужской и женский.

Арина хохотала. Иван что-то рассказывал. Вадим с Татьяной переглянулись с ухмылками на лицах. «Она тупить не умеет, в отличие от меня, – завидовала Татьяна. – Как у них все быстро разрешилось».

– О, привет, – радостно воскликнула Арина, первой открыв белую дверь, запятнанную следами черных подошв. – Опаздываете.

Она посмотрела на часы. Татьяна с Вадимом переглянулись и одарили ее укоризненными взглядами.

– Мы просто слышали, как вы тут громко обсуждали насущные вопросы, – сказал Вадим с сарказмом. – Не хотели вам мешать.

Иван смущенно заулыбался. Они с Вадимом пожали друг другу руки. Арина закатила глаза. Татьяна вскинула брови и опустила взгляд на желтый брусок под ногами с торчащим из него ржавым гвоздем.

– Ну, как, Подсолнух, тебе наш будущий бар? – спросила Арина, вертя головой по сторонам.

– Пока это просто грязное помещение, – Татьяна ответила вполне серьезно.

Иван усмехнулся и, остановившись ровно в центре, сказал:

– Ну, мы с вами здесь сегодня и собрались для того, чтобы решить, каким оно будет, когда станет баром.

Арина шагала по периметру. Вадим с Татьяной остановились на полосе, которая разделяла освещенную окнами часть и остальное пространство.

– Рабочих я уже нашел. Они мне все три бара отстроили. Шикарные ребята! Завтра приступят к черновой отделке.

Иван показал толстый большой палец вверх, переводя взгляд с Арины на Вадима.

– Мне хочется, чтобы здесь было много свободного места, – сказала Арина, тенью проплывая мимо окон. – Надо сделать все минималистично.

– Но при этом сохранить суть концепции, – подхватил Иван. – Так-то сказочный мир, мне кажется, всегда, наоборот, испещрен всякой ерундой.

– Ну, и зачем нам ерунда? – возразила Арина. – Сделаем все только по существу. Бар – дуб у Лукоморья. Вадик нам слепит мозаику с изображениями всяких чудес. Места не займет, антураж создаст.

– Хочешь, чтоб я тут все стены облепил мозаикой? – Вадим звучал не столько скептически, сколько неловольно. – Вторую жизнь мне решила подарить? Или думаешь, я тут сутками торчать буду?

– А что? – удивилась Арина. – Вон Подсолнух тебе поможет. Успеете.

Татьяна медленно прохаживалась по пустому залу и пыталась вообразить будущий бар. Она плохо представляла детали, цвета и фактуры, но зато мыслила более масштабно. Посередине правой стены ей привиделся большой аквариум с русалкой, как в океанариуме. Она сразу озвучила идею. Все трое посмотрели на нее с сомнением.

– Это не рентабельно, – нахмурился Иван.

– И бессмысленно, – добавила Арина.

– Почему? – искренне недоумевала Татьяна. – Представляете, как красиво будет смотреться! Гости будут в восторге! Там настоящая русалка будет плавать!

– Настоящих русалок не существует, – усмехнулся Вадим. – Это же мифические твари.

Татьяна фыркнула в его сторону и горделиво отвернулась к Арине.

– Зато смотреться будет красиво!

– Красиво это будет смотреться, только если делать богато и качественно, – ответила директор твердым голосом. – А богато означает большие траты. Вот у тебя личного бассейна почему нет?

Татьяна застыла в ступоре, наморщив лоб.

– Наверно, потому что это не каждый может себе позволить, – сама ответила Арина. – У нас тоже бюджет ограничен.

Насупившись, Татьяна вздохнула. Директор объясняла доходчиво, но эти объяснения ее не устраивали. Она двинулась дальше по залу.

Боссы обсуждали дизайн-проект помещения, который Арина должна была сделать. Смеясь, она сама себя нахваливала за то, что в свое время прошла курсы по дизайну интерьеров.

– Ну, вы на дизайнере уже сэкономили! – Татьяна решила воспользоваться случаем. – Значит, можно потратиться на бассейн.

– Мы потому и сэкономили, Подсолнух, что у нас нет этих денег, – с нажимом проговорила Арина.

Взгляд ее стал холоднее обычного. Ровное лицо слегка подрагивало от быстро гасимых вспышек гнева. Татьяна заткнулась, отвернулась и решила заглянуть за дверь туалета, чтобы не испытывать Аринино терпение. Вадим наблюдал за ней с улыбкой.

За дверью открылся узкий коридор с двумя раковинами и еще тремя коричневыми дверьми, такими же узкими, как входная. Татьяна осмотрела каждую кабинку. В них не было ничего необычного. Только унитазы были черными, да стены – красными. Ей тут же пришла еще одна идея. Она поспешила обратно в зал.

– Смотрите, там три туалетных кабинки, – показала она голову из-за двери.

Арина уже направила на крик сдержанно недовольный взгляд. Иван хмурил брови. Вадим улыбался по-доброму. Только это подбадривало.

– Можно сделать каждый унитаз отдельным троном, – продолжила Татьяна после секундной паузы для определения обстановки.

Чутье подсказывало, что Арины хватит еще на полминуты. Надо было успеть высказать идею за это время.

– Например, в первой сделать комнату Кощея, унитаз на костях и все такое прочее. Во второй создать трон Морского Владыки. И всю кабинку в таком же стиле. А в третьей…

Татьяна задумалась, обхватив подбородок пальцами, и увела взгляд в темный угол. Все трое молча ждали, но не дождались, потому что она не смогла ничего придумать. Зато Арина воскликнула:

– Трон Снежной Королевы!

– Чтобы людям жопы морозило? – сарказничал Вадим.

Иван рассмеялся. Татьяна хихикнула. Арина бросила в сына оскорбленный взгляд и спросила язвительно:

– Ты не выспался? Что с настроением?

Он только замотал головой, уперев руки в бока. Татьяна посмотрела на него с сочувствием, которое он пропустил. В тени казалось, что лицо его исказилось то ли гневом, то ли тревогой, но рассмотреть она не успела, потому что Вадим быстро развернулся и направился к выходу, бросив:

– Пойду, покурю.

Татьяна проследила за ним, отчего-то испытывая жалость, могла только предполагать: «Наверно, из-за Арины и Ивана?». Она не знала, как бы чувствовала себя, если бы застукала свою маму во время секса с малознакомым человеком, но была уверена, что это было бы неприятное чувство. Даже если она знала, что и мама, и Арина – взрослые люди и имеют полное право поступать так, как им заблагорассудится. Только чувства не поддавались рациональным объяснениям.

– Идея зачетная, – похвалил Татьяну Иван, когда за Вадимом захлопнулась дверь.

Она все еще глядела туда задумчиво.

– Бар надо в центре сделать, – услышала Татьяна приглушенный голос Арины, которая подошла к Ивану близко и теперь говорила только с ним. – Чтобы кроны устремлялись в потолок.

– Из чего такое вообще делается?

– Придумаем. В Москве знаю одних умельцев. Думаю, здесь такие тоже есть.

– Надо продумать проводку, если бар будет в центре. С электриком следует посоветоваться. Через потолок, видимо, придется прокладывать.

Пока они обсуждали обстановку будущего бара, буквально расставляя взмахами рук мебель и оборудование по углам и стенам, Татьяна гуляла по комнате кругами, вслушиваясь в их дискуссию. Арина предлагала поставить сцену вдоль стены, за которой крылись служебные помещения, чтобы удобно было выходить из-за кулис. Иван слушал и записывал.

Много времени они потратили на спор о расположении и количестве столиков. Иван настаивал на максимальной заполненности зала столами разных размеров для больших и не очень компаний, желая освободить место для танцев только перед самой сценой. Арина уверяла, что зал должен быть четко поделен на зоны, и ресторанная должна занимать только четверть общей площади зала.

Татьяна понимала, что Арина привыкла мыслить в масштабах «Дэнсхолла», в котором четверть всего зала первого этажа занимала всю площадь этого помещения, но и с Иваном согласиться не могла. Однако ей право голоса не предоставили, поэтому она молчала.

А Вадим, у которого это право имелось, кажется, совсем не был заинтересован. Все это время он курил. Татьяна посмотрела на часы. За пятнадцать минут он вполне мог выкурить пачку. Решив, что здесь не нужна, потому что Арина с Иваном разгорячились в споре, она вышла на улицу.

Вадим стоял поодаль от входа, поближе к урне. Сигарета торчала в зубах. Татьяна боялась предположить, какая по счету. Ей вдруг остро стало жаль его легкие, аж захотелось прокашляться. Он напрягал брови и скулы, сжимал челюсти, заставляя сигарету подпрыгивать вверх и сбрасывать пепел. Носком кроссовка размазывал мелкую лужицу под собой. Одной рукой схватился за ребра, вторую держал перпендикулярно на подхвате у губ, чтобы окурок не выпал. Он не замечал Татьяну до тех самых пор, пока она не подала голос.

– Много выкурил?

Вадим обернулся ошеломленно, но, сделав затяжку, холодным тоном ответил:

– Третья только.

Татьяна, не стесняясь, разглядывала пристально его лицо, каждое мимическое подергивание мышц или прищур глаз, но эти микроэмоции мало о чем говорили.

– Ты из-за Арины так расстроился? – решила спросить напрямую. Надеялась его поддержать.

Пальто, которое пришлось расстегнуть внутри, Татьяна теперь стянула к центру груди и скрестила руки вместо пуговиц.

– Что? – Вадим глядел на окна здания через дорогу, хмурясь.

– Ну, из-за них с Иваном?

Он перевел усмехающийся взгляд на нее.

– С чего ты вообще взяла, что я расстроился?

В карих глазах затухал огонек иронии, а за ним сгущалась холодная тьма, которая, как теперь казалось Татьяне, была там всегда. Тьму окутывала печаль, неизведанная и плотная. Такого она в нем никогда раньше не замечала.

– Куришь. Долго. И часто.

Вадим хмыкнул и выбросил сигарету в урну.

– Эти там что-нибудь решили? – он прошел мимо к входу в бар.

Татьяна поплелась следом.

– Спорят о количестве столиков.

– Ну, видимо, для нас с тобой на этом встреча закончилась, – снова усмешка, теперь типичная, безэмоциональная. – Можно по домам расходиться. А они пусть в постели такие вопросы решают.

Татьяна улыбнулась и отвернулась к дороге.

– Ты же тоже можешь свое слово вставить.

– Зачем мне это?

Голос звучал лениво. Походка оставалась вальяжной. Вадим даже зевнул.

– Помоги внедрить идею про бассейн с русалкой.

Татьяна на мгновение остановилась, испугавшись собственной просьбы. Вадим посмеялся и развернулся.

– А тебе это зачем?

Приняв решительную позу, она изобразила на лице такую же важность.

– Я уверена, это прокатит. Станет нашей фишкой.

– Мне кажется, огромного дуба уже достаточно.

– А с русалкой будет совсем круто!

Перед глазами снова возникла фантазия: огромный аквариум с искусственными кораллами, песком и мелкими рыбешками, в котором размахивает роскошным серебрящимся хвостом красивая русалка с огненно-рыжими волосами. Татьяна пожалела, что нельзя сделать скриншот собственного воображения и отправить другу через мессенджер. Тогда, она была уверена, ее бы все поддержали.

– Мать права – это недешево, – отговаривал Вадим. – И места много будет занимать. Там помещение не такое уж и большое.

Татьяна надулась от обиды за то, что ее никто не хочет слушать. Скрещенные руки сжала сильнее, стиснув себя почти до боли.

– На аквариум два на два метра с лихвой найдется! – остановилась, не желая заходить внутрь помещения, где ее идеи обрубались на корню.

Вадим, увидев, как она пыхтит и дуется, посмеялся, но тоже остановился.

– Подумай, как оптимизировать идею. Русалке же не обязательно обитать в аквариуме. У Пушкина она на ветвях сидела.

– Ну, аквариум – это красиво, – тише произнесла Татьяна, почти сдаваясь.

Она обхватила себя левой рукой и опустила голову на правое плечо, задумавшись. Собственная вредность не позволяла отказаться от идеи полностью, но подумать над оптимизацией она была готова. Мозг сразу начал генерировать новые мысли.

Когда они вошли, Арина с Иваном уже кричали друг на друга. Теперь они спорили не из-за столов и свободного пространства, а выясняли отношения.

– Я все понял. Ты просто испугалась, что влюбилась в меня, да? С тобой ведь такое не случалось. Потому и сбежала, – Иван щурился, а у самого желваки по щекам натянулись от напряжения. Татьяна позавидовала мощности его челюстей – такими орехи щелкать можно было на раз два.

Арина едва сдержалась, чтобы не рассмеяться. Татьяна знала это выражение. Снисходительное и насмешливое одновременно. Как знала и то, что Иван очень наивен в своих догадках. Что Арина всю жизнь любит только одного человека и в платоническом смысле ему не изменяет. Ивана сразу стало жаль.

– Ваня, я устала объясняться. Думай, что нравится, – Арина опустила голову и подняла брови.

Татьяна посмотрела на Вадима, почему-то подумала, что он как-нибудь вступится. За мать. Или за отца. Но он явно не хотел в этих разборках участвовать. Смотрел вообще куда-то в сторону.

– Мне нравится, что ты боишься своих чувств. Ко мне, – Иван ухмыльнулся. – Видимо, они сильнее тебя.

– Неужели ты настолько сентиментальный, Ваня? – все-таки смешок из Арины вылетел. – Давай лучше делом заниматься. Мои чувства вообще не имеют значения.

– Для меня имеют. Это ты сама их на задний план всегда отпихивала, – Иван подошел к ней ближе и улыбнулся в глаза. – Потому что трудоголик, наверное. Расслабься, наконец, поживи для себя. Дети уже выросли.

Он коснулся ее плеча. Арина покосила туда взгляд.

– Брось. Она всю жизнь для себя живет. Думаешь, мы ей когда-то мешали? – Вадим все-таки вступился, но не так, как хотела Татьяна.

И Арина явно тоже. Насупилась и процедила:

– Сынок, вот сейчас обидно было.

– Правда глаза колет? – Вадим пожал плечами, а усмешку на лице сохранил. Звучал легко, не как обиженный.

– Да что с тобой сегодня? – бархатный голос Арины загрубел и в то же время истончился. В нем было и беспокойство, и упрек.

Иван переводил прищур с нее на Вадима, а Татьяну не замечал, как будто ее и не было.

– И ты со своими чувствами! Прилип тоже! – Арина повернулась к нему. – Мы здесь бизнес делаем. Давайте все личные разборки на потом оставим.

– На когда потом? Я почти десять лет ждал, – Иван тоже закипал. – Думаешь, я их просто так проглочу?

Арина закатила глаза и остановила взгляд на Татьяне.

– Ну, Подсолнух, а у тебя какие претензии?

Татьяна стушевалась и выпалила быстрее, чем сообразила:

– Никаких.

– Коммон, пользуйся моментом. Раз все тут решили устроить коллективный сеанс психотерапии, – Арина обвела взглядом Вадима и Ивана.

Вадим посмотрел на Татьяну с улыбкой, и она все-таки высказалась.

– Мне не нравится, что мои идеи отвергаются полностью.

– Ну хоть кто-то о деле думает! – Арина вскинула руку и упрекнула глазами Ивана. – Молодец, Подсолнух. Бассейна с Русалкой все равно не будет.

Татьяна поджала губы и сникла.

– Да признайся себе, что этот бар лишь повод вернуться ко мне и в Питер, – Иван скрестил руки и усмехнулся.

Татьяна увидела, как Вадим накрывает глаза ладонью и мотает головой. Ей захотелось повторить жест.

– Ваня, ты бизнесмен, блядь, или кто? Тебе реально нужно сейчас выяснить отношения? Которых не было!

– В смысле, не было?!

Татьяна с Вадимом переглянулись. Стало понятно, что дальше конструктивного диалога не будет.

– Кажется, мы действительно прогорим раньше, чем откроемся, – удрученно заметила она.

– Так что о бассейне и думать забудь, – Вадим безжалостно разрушил в ней последнюю надежду.

Он тяжко вздохнул, глядя на взбешенную мать и возмущенного Ивана, потом перевел взгляд на Татьяну и застыл, сунув руки в карманы куртки. Она увела взгляд в пустоту, прощаясь со своей классной идеей.

– Я что, зря сюда переехала? – спросила у судьбоносных небес, глядя в темноту углов просторного зала.

Вадим недовольно хмыкнул.

– Я тоже не понимаю, какого хера ваще тут делаю.

Они снова вышли на улицу, оставив любовников наедине, хотя те не замечали ни их присутствия, ни их отсутствия.

– Завтра у моего подъезда в шесть утра, – бросил Вадим напоследок и, не прощаясь, отправился к золотому «Вольво».

Татьяна поплелась направо, хотя метро находилось в другой стороне. Ноги несли ее по улочкам города, потому что надо было прийти в себя, освежиться и набраться новых идей. Холодный влажный воздух плохо этому способствовал, но все же лучше, чем выслушивание в пыльном зале удушающей ругани начальников. Останься она там, Татьяна не сомневалась, что попала бы под раздачу. Гораздо полезнее было прогуляться и подумать о том, что и как еще можно оборудовать в этом баре. Пока он еще был.

Арина позвонила вечером. Голос звучал умиротворенно. Бархат снова ласкал уши.

– Я тут засела за дизайн-проект. Мы вроде по основным пунктам договорились, – говорила директор.

Татьяна внимательно слушала, думая про себя: «Интересно, как?».

– Поищи референсы про Кощея, Морского Владыку и Снежную Королеву. Может, даже скетч нарисуешь?

– Хорошо.

– И про дуб у Лукоморья, – поспешно добавила Арина. – И еще составь список всех столярных мастерских и цехов Питера, с ценами, перечнем услуг и адресами.

Татьяна быстро записала все указания на бумажке и «угукнула».

– Референсы и скетчи мне нужны завтра. Столярка подождет неделю.

Она уже почувствовала, как директор хочет закончить разговор, но услышала вздох.

– Да и цены на пиломатериалы тоже изучи. Скинь мне подборку самых дешевых.

– Окей, босс, – ответила машинально и поторопилась спросить. – Все нормально?

– В плане?

– Ну, с Иваном? – Татьяна покраснела отчего-то, до сих пор чувствовала неловкость сегодняшнего утра.

– Да, конечно. Не в первый раз. Поругались, потрахались. Мутим бизнес дальше.

– Он тебя простил?

Татьяне завидно стало, что Иван Арине так легко десять лет спустил, а Вадим ей меньше года до сих пор…

– Не думаю. Но сказал, что любит.

– Вау. За десять лет не забыл.

– Ой, брось. Двух жен сменил за это время. Трех детей родил. Не горевал явно, – в пренебрежительном голосе Арины чувствовались нотки ревности.

– Оу, – Татьяна про себя поклонилась судьбе, что у них с Вадимом еще не столько всего упущено. Хотя с каждым днем упускалось все больше. – Но ты тоже не горевала.

– Я этого и не отрицаю. И претензий не предъявляю. Это он строит из себя обиженку. А у самого еще парочка любовниц в загашнике.

– Мда. Высокие у вас отношения.

Арина посмеялась громко.

– Ты уверена, что все получится? – Татьяну мучил этот вопрос уже месяц.

– Не бойся, Подсолнух. Единственный мужик, который может меня сломать, это Лева. Но он этого делать не будет. Так что прорвемся. С Иваном я разберусь.

– Ладно.

В Арине Татьяна не сомневалась. Ей бы тоже хотелось так реагировать на мужиков. Или конкретно на Вадима. Он был ее «Левой». Хотя других, кроме Павлика, она не знала, поэтому и сравнить было не с чем.

– Ну, все, пока, – Арина завершила звонок.

Приказы были получены. Откладывать было некогда, поэтому еще два часа перед сном Татьяна провела в интернете, ища информацию. Заснула ближе к двум с мыслью, что не стоило и ложиться, потому что вставать предстояло уже через полтора часа. Но сознание ее не слушалось.

Глава 9. Прототип

Будильник прозвенел как гром среди ясного неба. Татьяне казалось, что она даже глаза не до конца закрыла, а уже надо было их открывать. Адлия пробормотала что-то в полусне и отвернулась к стене. Рыжка безмятежно валялся в ногах, растянувшись почти на всю ширину кровати. Татьяна подняла тяжелую голову с подушки. Хотелось тут же ее опустить, закутаться теплым одеялком, прижать Рыжку к груди и сладко проспать еще как минимум шесть часов, но в памяти всплыло улыбчивое лицо Вадима и сердце всколыхнулось.

Окрыленная любовью, Татьяна быстро собралась, решив выпить кофе по дороге, чтобы заодно угостить и Вадима, и отправилась на метро к его дому.

Утро стояло морозное. Зеленая трава и серый асфальт припушились тонким слоем инея. Солнце находилось в зачатке на дальнем горизонте, где-то за панельными многоэтажками.

Татьяна несла в руках два горячих картонных стаканчика с ароматным кофе и боролась с диким желанием сделать первый глоток. Она боялась выпить весь кофе до встречи с Вадимом. Ей хотелось разделить с ним утренний ритуал, поболтать ни о чем за чашечкой, насладиться его присутствием и собственным ощущением комфорта рядом с ним.

– Доброе утро! – засияла она, протягивая стаканчик с американо выходившему из подъезда Вадиму.

Он выглядел сонным и растрепанным более чем обычно. Куртку не застегнул. Из-под нее торчало мятое серое поло, вывернутое наизнанку, о чем говорили неровные швы с обоих боков. Ширинка джинсов была расстегнута. Только металлическая пуговица не давала им спасть с худого таза. Волосы встали дыбом, словно его только что пытали током.

Сделав глоток горячего ароматного напитка, Вадим широко улыбнулся и блаженно выдохнул.

– О, спасибо, – поморгал, придя в себя. – Это ты хорошо подгадала.

Татьяна восторжествовала в душе, но на лице выдавила лишь слабую улыбку и опустила взгляд на стаканчик с капучино, чтобы счастье не сыпалось из глаз прямо на него и не выдавало ее.

Вадим отправился за дом, где с торца здания ждал ржавый, некогда зеленый, хэтчбек с пыльными окнами и грязными ручками. Татьяне пришлось воспользоваться салфетками после открывания двери. А в салоне было чисто. Немного пыльно, но теперь она к такому относилась снисходительно. Подумала, что и сама бы не стала натирать салон машины каждый день, если бы у нее такая была. Пока Вадим разогревал двигатель, они допивали кофе. Парень откинулся на подголовник и прикрыл глаза.

– Опять не выспался? – спросила Татьяна с улыбкой и сделала маленький глоток.

Бодрящая жидкость, казалось, сразу из пищевода чудесным образом попадала в мозг, потому что взгляд с каждым глотком прояснялся и мысли переставали путаться.

– С Соней я только в гробу отосплюсь, похоже, – пожаловался Вадим, хотя сразу после улыбнулся. Или усмехнулся. Татьяна не поняла, довольно или недовольно. Но захотела выдрать этой Соне волосы, прикрываясь благовидным предлогом, что Вадиму необходимо высыпаться. Хотя сама бы тоже хотела быть причиной его недосыпа. «Мог бы и не рассказывать», – с обидой подумала Татьяна.

– Блин, я по привычке за руль сел, – засмеялся Вадим и сразу вышел из машины. – Давай меняться.

– Я сразу отсюда поеду? Но далеко ведь до экзаменационных маршрутов! – испугалась Татьяна.

Она в целом плохо себе представляла, как будет ехать, и совсем об этом не думала. Только вспомнила, что, вообще-то, пришла сюда учиться, а не любоваться Вадимом.

– И что теперь? Все равно полезно по городу покататься.

С неохотой, не вылезая из машины, Татьяна перелезла на водительское сиденье. Он только ухмылялся, наблюдая через лобовое стекло снаружи, а потом сел на ее прежнее место, удобно развалившись в кресле. Она вцепилась в руль обеими руками, словно это помогало лучше контролировать автомобиль. По городу без инструктора она еще не ездила. Рядом сидел Вадим, но у него не было педали тормоза, что ее беспокоило. «Ладно, дороги пусты, машин почти нет, я уже все знаю и все умею», – успокаивала она себя мысленно. На это ушла целая минута, пока Вадим не приказал выдвигаться.

Татьяна ехала очень медленно, на первой передаче, боясь всего и вся вокруг. Заставленный автомобилями двор казался очень тесным, а проезжая часть – недостаточно широкой. Постоянно чудилось, что вот-вот на дорогу выпрыгнет выпирающий зад или перед дорогостоящего автомобиля, который она не сможет не задеть, и потом будет всю жизнь батрачить на недоброго дядю, отрабатывая долги. Вадим тихо посмеивался, мотая головой. Он сидел спокойно, наслаждаясь видами из окна и спокойствием улицы.

Очень осторожно, по несколько раз посмотрев в обе стороны, Татьяна выехала из двора и, перейдя на вторую скорость, поехала по самой правой полосе.

– Да никого нет, че ты плетешься? – смеялся Вадим. – Поднажми немного.

Татьяна с опаской перешла на третью скорость, которая показалась безумной, аж руль затрясся под руками, но Вадим подгонял еще и еще. Они достигли максимально разрешенной скорости в населенном пункте. Он хотел еще, но Татьяна строго осекла его, сказав, что правилами дорожного движения это запрещается. Вадим закатил глаза.

Только на перекрестке она опомнилась, что не включила навигатор.

– Я твой навигатор, – махнул он рукой. – Езжай прямо. И перестройся. На следующем направо.

Татьяна резко дернулась после зеленого сигнала светофора, выжав педаль газа, и начала перестраиваться направо, чуть не врезавшись в едущий позади автомобиль, который тоже набрал скорость.

– Смотри, куда прешь! – вскричал Вадим, выруливая за нее в обратную сторону.

Испугавшись, она вся сжалась. Пальцы от нажима уже стали частью руля. Машина, просигналив недовольно, быстро уехала вперед.

– Давай сейчас, – Вадим взглянул в правое зеркало.

Татьяна дрожащими руками медленно завертела руль. Машина так же медленно подалась следом. Пристегиваясь, он на выдохе проговорил:

– Я, конечно, когда-то мечтал умереть с тобой в один день, но не при таких обстоятельствах.

Она нервно посмеялась и посмотрела на него. Гнев в карих глазах испарился. Это привело ее в чувства.

Первые полчаса ехали молча. Татьяна предельно сосредоточилась на дороге. Автомобили встречались чаще, чем она ожидала. Проносились мимо с шумом, попутно и навстречу, пугая ее стремительностью движения. Пешеходы тоже часто попадались. Татьяна не любила тихие улочки без светофоров, где переходы выделяли только знаки и лежачие полицейские, потому что на таких требовалось быть особенно внимательной и постоянно озираться, хотя ей все время хотелось глядеть на педали.

Управление в «Фольксвагене» казалось ей новым. Мозгу требовалось время, чтобы привыкнуть. Такие старые машины она еще не водила. К тому же рычаг передачи частенько заедал и не переключался в нужные моменты. Вадим объяснял каждый раз, как именно нужно давить, чтобы все работало, потому что у него это получалось легко, но Татьяна не могла повторить и действовала обычно наобум.

Они ездили по экзаменационным маршрутам туда и обратно, изучая возможные подвохи и непонятные ситуации. Вадим обращал ее внимание на дорожные знаки, которые она бы без указки и не заметила, пояснял, в чем может заключаться их коварство, на каких перекрестках, как правильно себя вести, как разворачиваться посередине дороги и много чего еще. Татьяна про себя отметила, что Вадим умел доходчиво объяснять, даже лучше, чем ее инструктор. Он говорил обо всем спокойно и простым языком, чтобы понял даже самый несообразительный, к каким причисляла себя Татьяна.

Под конец занятия она поуспокоилась, даже несмотря на уплотнение трафика. Ноги привыкли к педалям, стали их чувствовать лучше, руки уже не цеплялись за руль, как за спасательный круг, взгляд не отвлекался от дороги на рычаг трансмиссии.

– О! – Вадим вытащил из бардачка фарфоровую чашку с утонченным цветочным рисунком и рифленой изысканной ручкой.

Татьяна невольно посмотрела туда и узнала знакомое оформление – похожую сахарницу они обсуждали на сборе керамики в Москве. Вадим сказал тогда, что такой сервиз был у его бабушки, который, по рассказу отца, он разбил, чтобы сделать ей сюрприз.

– Ничего себе находка. Я и забыл. Как раз искал.

– Восстанавливаешь бабушкин сервиз? – улыбнулась Татьяна. – Хочешь вернуть краденое?

Вадим посмеялся коротко.

– Типа того. Я обещал отцу сделать портрет бабушки из этого сервиза и отнести на ее могилу вместо памятника.

– Оо.

Это было трогательно. И вызывало уважение.

– Ищу сейчас недостающие детали.

– Много осталось?

– Треть примерно. Чайных пар еще три штуки, одно блюдо, молочник, – перечислил он, удивив Татьяну точностью чисел. – Ну, теперь, на одну чашку меньше.

Он довольно осмотрел чашу со всех сторон. На ней не было даже трещинок. Она казалась совершенно новой, будто ее только что привезли из магазина домашней утвари, а не нашли в бардачке антиквариат столетней давности. Татьяна поразилась возрасту этого изделия и тому, сколько разных событий, оно пережило. Для нее то, что происходило год назад, казалось далеким прошлым, а уж столетняя история и вовсе была покрыта мраком за семью печатями. Теперь она начала понимать бабушку, которая так расстроилась, когда внук беспощадно разбил и переработал в мозаику с цветочками столь ценный сервиз. Ей захотелось помочь Вадиму его собрать. Татьяна пока не знала, как, но была уверена, что выяснит все в интернете после занятия.

Они ехали просто прямо. Вадим перестал давать задания по маневрам. Вложив чашу в руки, смотрел в боковое окно на пробуждающийся город. Татьяна глядела на широкий проспект, что уходил за небольшим подъемом в горизонт.

Повернувшись к ней лицом, Вадим внезапно спросил:

– Почему ты ни с кем не встречаешься?

Татьяна опешила. Глаза расширились от волнения. Ладони мгновенно вспотели. Она крепче сжала руль, напрягая все тело. Горизонт за лобовым стеклом поплыл. Проспект растекался плавными волнами в стороны.

– Я же только что переехала, – облизнула засохшие губы.

– Ты кого-то бросила в Москве? – Вадим усмехнулся.

– Никого я не бросала! – с чувством воскликнула Татьяна, будто кто-то требовал доказывать свою непричастность, а потом пристыженно добавила. – Я и там ни с кем не встречалась.

– Хочу тебя познакомить с одним своим другом, – он отвернулся к окну.

Татьяна сморщилась то ли от злости, то ли от обиды.

– Что?! Какого хрена? Не надо меня ни с кем знакомить. Обойдусь.

Ей тоже захотелось отвернуться к боковому окну, чтобы даже краем глаза не видеть его наглой рожи, смеющейся над ней и ее чувствами, но вождение требовало внимания, поэтому голова смотрела прямо.

– У тебя выбора нет. Ты же мне должна за ресторан.

На его лице снова засияла ухмылка. Татьяна стиснула зубы и процедила, не шевелясь:

– Зачем тебе это?

– Другу хочу помочь. И тебе тоже.

Он снова отвернулся к мелькающим за стеклом зданиям и заборам.

– Уж в этом мне твоя помощь не нужна!

Вадим хмыкнул.

– Ну, значит, только ему. Ты ему просто уже нравишься.

– А мои чувства тебя не волнуют? Я что, с ним встречаться должна за один дурацкий ужин в ресторане? Ты совсем спятил?

Подняв брови, он отпрянул назад.

– Нет, конечно. Одно свидание и все. Можешь уйти хоть сразу. Главное, приди.

Еще несколько минут Татьяна гневно пыхтела, выпуская пар. Вадим на нее глядел большими круглыми глазами. То есть они всегда такими были, но сейчас увеличены.

– Чего ты так возмущаешься-то? Я на твои чувства вовсе не претендую.

Последняя фраза для Татьяны прозвучала обиднее, чем все предыдущие вместе взятые.

– И что значит, уже нравлюсь? – спросила она недовольно.

– Ты, наверное, видела у матери картину с балериной, – он посмотрел вопросительно, но быстро отвернулся, словно боялся реакции. – Я ведь *тебя*там изобразил. Один чувак влюбился в тебя на этой картине. Все доставал меня, есть ли реальный прототип. Я ему однажды проговорился, что есть.

Вадим вздохнул глубоко. Татьяна украдкой поглядывала на него сбоку. В груди закрадывалось волнение. Слабая нежность обволакивала сердце. Она и сама давно об этом догадалась, но напрямую от него еще не слышала.

– Я подумал, а почему бы и не познакомить вас. Он неплохой человек. Из богатой семьи, кстати. Пять миллионов предлагал мне за «Балерину».

Татьяна фыркнула.

– Ухоженный, молодой. Ему двадцать пять всего, а у него уже своя юридическая контора. Твоей матери понравится, в общем.

Вадим ядовито усмехнулся, не поворачиваясь к ней.

Опять сердце разрывалось. И глаза увлажнились. Татьяна сильнее стиснула челюсти, чтобы не дать себе разреветься, как маленькой девочке, ведь она обещала, что больше не будет рыдать по всяким пустякам. «Это пустяк, это уже ничего не значащее прошлое, расслабься», – уверяла себя в уме.

Увидев свободное парковочное место в дорожном кармашке, Татьяна завернула туда, потому что не могла в таком состоянии вести машину. Тем более, на дорогах уже образовывались небольшие пробки.

– Я здесь выйду, – сказала она дрожащим голосом, хотя даже не понимала, где находится и в какую сторону света следует идти.

Вокруг стояли современные многоквартирные дома, все друга на друга похожие, заполонившие целый квартал. Люди на остановке неподалеку, ежась и хмурясь, ожидали автобус. Автомобили выстраивались в плотные неровные ряды перед перекрестком.

– Давай, до метро хотя бы подвезу, – предложил Вадим.

– Не надо. Сама дойду.

Татьяна открыла дверь, но он задержал ее за руку, посмотрев в глаза. В них больше не было сарказма или иронии, только бездушная серьезность.

– Не думай, я это не специально, – и взгляд не отводил. – Я просто ему пьяный в карты проиграл.

Негодование подпирало ком боли в горле. Рот она крепко сжала, чтобы не покрыть Вадима нецензурной бранью, от которой распирало грудь.

– Что ж ты картину не поставил вместо?

– Ее тоже ставил, но отыграл, а тебя… нет.

Он опустил виновато голову. Татьяна закрыла глаза в жалкой попытке успокоиться, но в груди все возмущалось и дребезжало. Она хотела его захлестать розгами, чтобы он хотя бы на десятую долю почувствовал ее боль, но могла лишь мучительно вздыхать и гневно молчать.

– Прости, – тихо выговорил Вадим, подняв жалостливые глаза. – Мне это решение тоже нелегко далось.

– Однако далось! – она дернула руку.

Вадим не отпустил, крепко сжав ее запястье. Татьяна развернулась всем корпусом, пытаясь второй рукой расцепить сильные пальцы, но это не помогало. Он выглядел убежденно.

– Тань, пожалуйста, подумай рационально. Хотя бы попробуй. Ты ему ничего не должна. Но вдруг он тебе, правда, понравится.

– Да отстань ты от меня! – она высунула голову из машины.

Школьник, проходивший мимо, с опаской посмотрел на них, но быстро отвернулся, встретив гневный Татьянин взгляд, и ускорил шаг. Пока она пыталась свободной рукой отцепить левое запястье, Вадим схватил ее за правое и втянул в автомобиль полностью. Она вырывалась, но силы были слишком неравны.

– Ты издеваешься?! – завопила, бешено качая головой в стороны.

Из глаз прыснули тонкие струи и покатились вниз по щекам.

Объединив запястья в одной руке, свободной Вадим взял ее за щеку и вытер пальцем слезу. Татьяна перестала дрыгаться и вертеться, только зажмурилась, сдерживая натиск эмоций. Слезы удалось остановить, но в груди щемило. Она тяжело дышала. Он молча ждал, пока она успокоится окончательно, зачесывая ее распущенные волосы за ухо. Разглаживал их, сжимая пальцами, опускался до самых кончиков и повторял процедуру заново, словно находил в этом успокоение.

Когда бесконечность страдания закончилась, Вадим потрепал Татьяну по голове, окунув пальцы в гладкость ее волос, и медленно прочесал рукой как гребнем. Затем взял одну прядку, распушил кончик хвостиком и вытер им ее щеки с обеих сторон. Татьяна задышала медленнее, держа глаза закрытыми. Гнев постепенно отступал. Легкое щекотание заставило поморщиться. Зачесался нос. Она потянулась руками к лицу, подняв и его руку, но он ей не позволил, оттянув запястья вниз. Зато прикоснулся к кончику носа щекотливым пушком волос. Татьяна сморщилась сильнее, зашмыгав, и отпрянула назад. Хвостик настойчиво двигался за ней.

– Ну, перестань, – жалобно простонала Татьяна и громко чихнула.

Открыв глаза, она увидела его довольное лицо с улыбкой во всю ширь. Вадим по-прежнему сцеплял ее запястья крепким обхватом длинных пальцев, костяшками другой руки поглаживал ее щеку, плечом упирался в самый край спинки кресла. Взгляд снова исполнился добродушия. На такого невозможно было злиться. Татьяна выдохнула остатки ярости.

– Честно, я сам этого очень не хочу, – Вадим заглянул ей в глаза. – Но хотя бы просто приди на встречу. Я буквально вас представлю друг другу, и можешь разворачиваться. Мой долг будет выплачен.

– Это будет двойное свидание? – безрадостно спросила она. – То есть ты там с Соней будешь?

– Ну, да, – он пожал плечами. – Вдруг вы заворкуетесь, не сидеть же мне как идиоту рядом с вами. Добром это не кончится.

Татьяна хмыкнула и снова зажмурилась на секунду. Большим пальцем он нежно скользил по шраму на ее левом запястье, который она оставила себе сама в одну из их прошлых ссор. Вадим держал ее руки в своих ладонях свободно – она легко могла бы их убрать, но не делала этого, чтобы хотя бы урывками чувствовать тепло его тела.

– Не знала, что ты еще и азартный, – сказала Татьяна одновременно с улыбкой и с обидой.

Он закивал, не поднимая глаз, и чуть крепче сжал ее запястье, но тут же отпустил и отсел, скрестив руки на груди. Лицо отвернул в сторону двери.

– Я и сам не понял, как так получилось, – произнес многозначительно.

Долго она смотрела в русый затылок, размышляя, стоит ли согласиться, но болезненная червоточина в душе не давала легко принять решение. Ее не пугал незнакомец, влюбившийся через картину, хоть это и было странно, ведь она была там изображена не портретно. Татьяна боялась Сони и своих чувств, которые обязательно испытает при виде их вместе. Страх, что она накинется на новую девушку Вадима, устроит скандал, опозорится и снова снищет его раздражение, сковывал тело. Она устала быть посмешищем и третьим лишним. Устала его ревновать. Устала им не обладать. Они были знакомы почти полтора года, но количество дней, проведенных вместе, из этих пятисот Татьяна могла пересчитать на пальцах. Несмотря ни на что все пятьсот дней он беспрерывно занимал ее мысли.

– Я подумаю, – она вылезла из машины.

– Возможно, это как раз то, что тебе нужно, – Вадим взглянул с надеждой, улыбаясь.

Татьяна не стала отвечать. Она сама не знала, что ей нужно. И отправилась искать метро в каменных многоэтажных джунглях.

День только начался, а Татьяна чувствовала себя на исходе сил. Ей предстояло много работать. В первую очередь стоило выполнить поручения Арины. Потом требовалось заняться с Адлией созданием аккаунта на сайтах, где люди размещают объявления об услугах мастеров, чтобы искать заказы на пошив одежды. Наконец, она хотела поискать информацию о сервизе для Вадима.

На завтрак Адлия приготовила любимые Татьянины блинчики с яблоком и корицей, которые получились объедением, поэтому она, забывшись, наелась за двоих. Ведь бодрствовала уже несколько часов, а пила только кофе. В желудке образовалась черная дыра, тянущая всю пищу сразу в небытие, поэтому насыщение приходило долго.

– Видимо, перенервничала за рулем, – заметила Адлия, сдерживая улыбку.

Она пила персиковый сок вместо кофе, решив отказаться от него навсегда по совету какого-то гуру медицины, рассылающего суперполезные рекомендации в мессенджерах.

Татьяна остановила челюсти, которыми безжалостно измалывала мягкое тесто, и виновато посмотрела на нее, поняв, что слопала половину приготовленного.

– Видимо, – ответила уныло, подозревая, что суть крылась не в вождении.

Отстраненный взгляд Татьяна направила под стол на две пластиковые корзины: большую – с картофелем, и маленькую – с луком, из-за чего над столом слегка пахло деревенским погребом. Но Татьяне аппетит ничего не портило.

– Ты бы пошла на двойное свидание со своим бывшим мужем, его новой женой и незнакомым тебе мужиком, который влюбился в тебя через картину, где ты на себя едва похожа?

Адлия уставилась недоуменно, стянув уголки губ вниз.

– Какая интересная ситуация, – посмеялась она. – В такой ради женского любопытства уже можно оказаться.

– То есть пошла бы?

– Не знаю, – Адлия пожала плечами, делая глоток сока. – А что тебя больше всего смущает? Что это двойное свидание? Или что оно с бывшим парнем? Или потому что там будет его девушка? Или незнакомец с картиной?

– Да все и сразу! – горячо воскликнула Татьяна, сбросив с вилки кусочек блина обратно в тарелку.

– Ну, тогда иди, – хмыкнула Адлия.

Татьяна оторопела, забегав глазами по комнате. Они сидели в тесной и уютной кухне. Этот уют занимал немало места на полках шкафов и на стенах, потому что множество фигурок, шкатулочек и красивой посуды требовало не предусмотренных гарнитуром мест хранения.

Адлия для Татьяны была эталоном мудрости, поэтому она невольно начала склоняться к согласию. Однако перед тем как согласиться окончательно, решила спросить у второй мудрой женщины в своей жизни.

Весь день Татьяна посвятила сбору картинок в интернете про Кощея, Морского Владыку и Снежную Королеву, аналогов у которых оказалось множество. После всего набросала цветными карандашами идеи их тронов. Кресло Кощея представлялось обязательно костяным, ведь сам Кощей был таким и воплощал в ее детском сознании саму смерть. Она нарисовала полностью весь трон из человеческих косточек, в основном берцовых, просто потому что они удовлетворяли критериям простоты, презентабельности и ассоциативности. Подробные мелкие детали и узоры рисовать не стала, ведь плохо умела это делать, оставив только общую форму. Не сомневалась, что Арина передаст на доработку ее скетчи Вадиму, который уже нарисует все, как надо. Так же Татьяна поступила с двумя другими тронами, изобразив морской в форме большой жемчужины, облепленной кораллами, а кресло Снежной королевы составила из кубиков льда.

Сдавая работу по референсам и скетчам туалетных тронов, она задала Арине в мессенджере тот же вопрос, что и Адлии утром.

– Вадик меня порой удивляет, – написала та, прислав смеющийся со слезами на глазах смайлик. – Я советую тебе сходить, но чисто для того, чтобы потом над тобой поржать.

Татьяна насупилась и отбросила телефон подальше на кровать, однако через минуту прозвучал сигнал о новом сообщении. Любопытство потянуло руки за гаджетом.

– Лада тоже хочет послушать потом, как все пройдет, – издевалась Арина.

Пробормотав в экран матом, Татьяна заблокировала его нажатием на боковую клавишу. Следом за Ариной пришла смска от ее дочери:

«Танюха, обязательно иди! Вдруг судьба!».

После текста шел коварно ухмыляющийся эмодзи. После этих издевок Татьяна решила, что откажется. Но тут снова раздался перезвон колокольчиков – бесящий ее звук уведомления. Она уже хотела проворчать, но увидела на экране любимое имя.

Вадим приглашал завтра на занятие в студию по рисованию обнаженной натуры, указал адрес и время, попросил явиться на полчаса раньше, чтобы справиться со всеми формальностями и подготовиться до прихода студентов. Она тяжко вздохнула и, лишь бы отвлечься, решила создать аккаунт для Адлии на всех сайтах, которые найдет.

На регистрацию на пятнадцати порталах ушел весь вечер. На сервиз не осталось ни минутки. Они даже сериал не успели посмотреть. Но Татьяна, довольная собой, что процесс пошел, заснула безмятежно, предварительно устроив для Рыжки из покрывала кроватку у себя в ногах, как привыкла делать на подоконнике в Москве.

Глава 10. Минутная слабость

Наряжаться для студии Татьяна не стала – все равно предстояло раздеться. Она надеялась, что красивее, чем голой, перед Вадимом предстать не может, потому напялила вчерашние джинсы, хлопковую рубашку и поношенные ботинки без каблуков с глубокими трещинами на изгибе носка.

Студия находилась в соседнем районе, но добираться пришлось на метро. Улицы уже погрузились в поздние сумерки. Подгоняемая ветром, Татьяна быстро добежала до двухэтажного металлического здания с огромными окнами, сквозь которые, особенно в темноте, были видны помещения студии. В них занимались и взрослые, и дети. «Надеюсь, наброски с натуры будут проходить не в этих залах», – с ужасом подумала Татьяна, набирая номер Вадима в телефоне перед входными дверями.

Он встретил ее через пару минут и провел сквозь открытые залы вглубь здания в узкий коридор с множеством кабинетов. Они шли вдоль насыщенно-зеленых стен по ярко-синим полам мимо разноцветных дверей, отражающих все многообразие спектра.

Сначала Вадим привел ее в небольшой офис, забитый канцелярскими папками и коробками из-под бумаги, в которых хранилось разное. Приятная женщина провела с ней ознакомительную беседу, рассказала про условия сотрудничества и попросила подписать договор оказания услуг. Татьяну формальности мало волновали, потому что Вадиму она доверяла. Единственное, что было интересно, это размер оплаты. Как он и говорил, ей обещали платить по тысяче рублей за каждое занятие.

Встретив на выходе из офиса, Вадим провел Татьяну по коридору в небольшой кабинет метров на двадцать, большую часть которого занимал круглый стол. За таким обычно ведутся деловые переговоры в серьезных компаниях, но здесь он служил опорой для художников-мозаичистов и был заполнен материалами, инструментами и недоделанными мозаиками. Вокруг по стенам на открытых полках хранились художественные инструменты, артбуки, бумага и готовые картинки с изображением красивых абстракций или простеньких натюрмортов. В углу, чуть закрывая окно и друг друга, стояли большие полотна разных форматов. Татьяна сразу узнала в первой из них почерк Вадима.

Картина брызгала яркими красками, мгновенно перетягивая все внимание на себя. Ничего конкретного она не содержала, только сложные узоры, затейливые, закругляющиеся спиралями и переплетающиеся между собой тонкими белыми нитями. Узоры соединяли сферы разных калибров, распределенных по полотну. В каждом были заметны такие же круги поменьше, сплошь покрытые изогнутыми линиями. И внутри них имелись тоже спиралевидные скопления поменьше. Дальше все смешивалось в пеструю кашу. Глаз не мог выделить отдельные силуэты. В цветовой гамме преобладали красный и синий. Часто между ними вкраплялся белый, который когда-то был самостоятельным рисунком на осколках мозаики, а теперь соединял цветные узоры между собой, сплетая симметричную паутину. Татьяне цветовая гамма показалась знакомой.

– Да, это те блюда, что ты мне подарила на свой день рождения, – заметив застывший взгляд, пояснил Вадим.

Татьяна улыбнулась. Получилось однозначно красивее, чем было в оригинале.

– Туда вещи можешь положить, – он указал на белый пуфик, стоявший в углу у входа.

Татьяна расстегнула пальто. Он пока копался в каких-то ящиках в противоположном углу, у окна. Она краем глаза следила за ним, думая, стоит ли его просить выйти или это не имеет смысла. Больше склонялась к последнему, потому что, во-первых, он ее уже не раз видел полностью голой, во-вторых, ей все равно предстояло выходить такой в зал. Но в глубине души

сидел и третий аргумент, который она насильно отгоняла от себя, – хотелось перед ним раздеться.

– Красиво, хоть и бессмысленно, – Татьяна вглядывалась в витиеватое движение орнаментов на картине.

– Почему бессмысленно? – спокойно возразил Вадим. – Это кельтские узоры. Передай спасибо Адлии. Она мне рассказала.

Он улыбнулся по-доброму.

– Спираль, вообще, – один из древнейших орнаментов, применяемых в искусстве человечеством. Значений у него множество: и жизнь, и смерть, и цикличность, вплоть до космической энергии, что хранится в каждом из нас. Золотое сечение ведь тоже спираль, а его закону в природе многое подчиняется.

Татьяна медленно кивнула. Она помнила из курса по композиции теорию о золотом сечении. Только теперь заметила, что и картина Вадима базировалась на этом принципе, смещая фокус вместе с самым крупным сгустком узоров не в геометрический центр, а чуть наверх и вправо.

– Извини, я просто так и не научилась разбираться в искусстве, – она поджала губы.

– Мне кажется, в искусстве не надо уметь разбираться, – он усмехнулся. – Если оно интуитивно не понятно или не приносит эстетического удовлетворения, то оно и не искусство вовсе. Но я в нем тоже не разбираюсь. Так что могу ошибаться.

Татьяна засмеялась, остановившись на третьей сверху пуговице рубашки, которую расстегивала. Вадим перебирал коробки.

– Я это на заказ сделал для одного богатого чувака, – сказал он, когда она затихла.

– Ты и на заказ работаешь? – удивилась Татьяна, расстегнув четвертую пуговицу.

Из-под рубашки выступила грудь и часть живота. После пятой оголились тонкие ребра. После шестой рубашку можно было снимать.

– Ну, да, если платят неплохо или идея мне нравится, – Вадим разглядывал содержимое коробок, словно искал иголку в стоге сена невидимым металлодетектором.

– Сколько эта стоит?

За голосом раздался характерный звук расстегивания ширинки, на который Вадим невольно обернулся и остановил взгляд на ее фигуре, не сдержав улыбки.

– Двести пятьдесят тысяч, – он снова отвернулся к коробкам.

Татьяна завистливо промычала, подняв брови. Выдавать изумление не стала. Голос звучал так, будто это была обычная цена за обычную работу, хотя он звучал так всегда.

Она стянула джинсы и отбросила на пуфик, оставшись босиком в нижнем белье. Осталось снять только лифчик. Татьяна резко разволновалась. Казалось, от ударов сердца лиф сам отскакивал от груди. Дрожащие руки плохо поддавались управлению возбужденным мозгом, из-за чего застежка на спине никак не открывалась.

Пришлось просить Вадима помочь. О других способах снятия бюстгальтера без чужих рук Татьяна от волнения забыла или не хотела вспоминать.

Он с легкостью согласился и подошел сзади. Приятный запах свежести ментола и хвои снова вскружил голову. Близость его тела накаляла нервы до предела. Возбуждение выражалось мурашками на коже и частым, прерывистым дыханием.

Чтобы не выдать себя, Татьяна прикрыла рот ладонью, но сердечный ритм, как ей мерещилось, разносился мощными басами по комнате, сотрясая множество мозаичных панно о поверхности полок и стола. Прикосновение его холодных пальцев вызвало в теле короткую дрожь, отчего возбуждение только выросло, причем мгновенно и сильно. Татьяна сжала губы в тоненькую полоску и закрыла глаза. Его волнения она не ощущала, потому что собственное было неистовым.

Почувствовав свободу в груди, Татьяна медленно развернулась к Вадиму лицом. Он отступил на шаг. В глазах тлели огоньки нахальства, но лицо оставалось ровным. Стянув лямки с плеч, она сжала поролоновые чаши, обмотанные кружевом, и опустила руки. Глаза осторожно подняла и мгновенно залилась краской. Татьяна стеснялась не нагого тела и не предвкушения, что сейчас на нее будут глазеть двадцать внимательных лиц. Ее смущал только его взгляд. Больше своим равнодушием, чем вниманием.

Вадим опустил глаза на голую грудь и пригляделся, слегка приподняв левую тремя пальцами. От этого касания ее сердце готово было выскочить прямиком ему в руку. Татьяна закусила губу и повела плечами.

– Когда сделала? – Вадим разглядывал черную надпись на ребрах из трех букв его псевдонима.

На лице проявилась усмешка. Он отнял пальцы от груди, сунув их в подмышки. Татьяна отвернулась.

– Чуть больше месяца назад, – призналась, будто ее обвиняли в тяжком преступлении, и закраснелась сильнее.

Вадим протянул неразборчивое «Мм». Татьяна пыталась понять, что это значило, посмотрев ему в глаза, но они ничего не объясняли. В них читалась только легкая ирония, добивающая ее своей холодностью. Чем дольше она всматривалась, тем насыщеннее становилось отчаяние. Татьяна страшилась этого чувства, ведь контролировала себя с его наступлением все хуже. Когда отчаяние подступило к горлу, она кинулась к Вадиму на грудь, оттолкнув на стол. Он уселся на чью-то работу, но не успел среагировать, потому что Татьяна захватила его губы.

Они были влажными, холодными и неотзывчивыми. Татьяна их целовала, а они не шевелились. Так продолжалось всего несколько секунд. Вадим ее оттолкнул и отвернулся, схватившись за голову. Она задержала дыхание, ожидая небесной кары или хотя бы несчастного случая. А он молчал и медленно шагал в сторону окна, стягивая пальцами щетинистые щеки. Душа ее раскалывалась надвое, обливаясь кровью из раненого сердца.

– Мы же вроде обо всем поговорили, – после тяжкого вздоха сказал Вадим, обернувшись к Татьяне, чтобы пронзить раздраженным взглядом. – У меня с Соней серьезные отношения. Их нельзя просто свайпнуть влево, как будто их не было, как и запросто вернуть те, что закончились.

Он медленно закачал головой в стороны. Татьяна закрыла глаза, чтобы опять не расплакаться. «Не реви, дура, это же было ожидаемо», – ругала себя.

– В конце концов, ты сама выбрала, – произнес Вадим с отголоском обиды. – Дважды ты выбрала не меня. Сейчас что изменилось?

– Я не выбирала, – она едва сдерживала рыдания. – Ты просто не дал мне времени подумать.

– То есть ты думала об этом только те несколько секунд на свадьбе, когда я спросил? – глаза его сузились, уголки губ подрагивали. – Я еще две недели был в Москве. Как минимум. Но ты, очевидно, сразу вычеркнула меня из своей новой жизни.

– Да, конечно! Сразу вычеркнула! А это просто бессмысленный набор букв, что я решила на сердце высечь. Случайное совпадение!

Татьяна ткнула себя прямой ладонью в ребра и от силы собственного удара чуть скрючилась, но быстро выпрямила корпус. Все равно это была мелкая боль по сравнению с тем, что творилось внутри.

– Неважно, – Вадим сделал подавленный вздох и встал у окна, спиной к ней. Скрещенные руки держал в подмышках. Ноги расставил на ширине плеч. Голову чуть откинул назад, словно желал узреть небо из окна, но Татьяне в нем виделся только стеклянный фасад многоэтажного здания.

– Тебе все-таки надо кого-то найти, – сказал он, не оборачиваясь.

Татьяна громко шмыгнула носом и стиснула зубы.

– Чтобы больше не возникало таких неловких ситуаций. Тут все мои коллеги знают Соню. Представляешь, что было бы, если бы кто-нибудь вошел?

Обиду затмило чувство вины. Она закрыла ладонью глаза и с минуту прислушивалась к дыханию. Сердце постепенно утихало. Кровь остывала. Турбулентность сознания прекратилась.

– Да, прости, – сказала Татьяна тихо и зажмурилась на мгновение, просто перезагрузиться. – Это была минутная слабость.

Вадим обернулся. Пристальный суровый взгляд заставлял ее чувствовать жар стыда. Все лицо горело. «Дура! Дура!! Дура!!!», – твердила она в уме.

– Ты подумала насчет знакомства с тем юристом-романтиком? – спросил Вадим по-деловому.

Татьяна ртом вдохнула прохладный воздух и отвернула лицо в сторону, потому что невыносимо было на него смотреть после такого разгромного отвержения.

– Пожалуй, соглашусь. Все равно долг надо отдавать, – она с неохотой выговаривала каждое слово.

Все нутро противилось этому решению, но оскорбленная душа стремилась в пучину отчаяния.

– Отлично, – легко ответил Вадим, будто до этого они обсуждали какой-нибудь фильм, а не свои болезненные отношения. – Давай, тогда прямо сегодня и встретимся. Сразу после занятий.

Татьяна не стала удивляться такому скорому развитию событий. Ей было все равно. Она даже плюнула на собственный вид, ведь не готовилась к свиданию. Кому-то понравиться ей теперь не хотелось даже пытаться.

– Я ему написал. Посмотрим, что… – начал говорить Вадим, но тут же получил ответ и засиял довольной улыбкой. – Ну вот и все. Идем в бар, значит.

Он одарил ее прищуром, который показался коварным. Или колким. Или... Татьяна замотала головой и отвернулась к пуфику, чтобы бросить туда лифчик. Затем Вадим указал на время, и они перешли по коридору в соседнее помещение, раза в два больше предыдущего.

Студенты собрались на складных стульях вокруг небольшого постамента из белого пластика, квадратной формы, всего пятнадцать сантиметров высотой, отдающего слабым глянцем. На нем стоял деревянный стул. Татьяна догадалась, что подиум предназначался ей, и оглядела группу молодых и не очень людей обоих полов, что сидели с картонными планшетами на коленях и простыми карандашами в руках. Все смотрели на нее с любопытством. Татьяна надеялась, что такое внимание было вызвано лишь профессиональным художественным интересом и желанием изучить человеческую анатомию, а не банальной наготой ее тела. Впрочем, неловко она себя не ощущала. Привыкла к такому вниманию еще в «Дэнсхолле».

– Смотри, все занятие будет длиться два часа, – полушепотом сказал Вадим, когда они остановились у постамента перед студентами. – Позы надо менять каждые пятнадцать минут. Я буду засекать время и озвучивать. Позы придумывай сама, но, желательно, поинтересней и сложнее.

Он улыбнулся, подмигнул и отошел за студентов, присев на одну из парт с гипсовой головой, которая чуть не упала от толчка его тела, но Вадим удержал ее рукой. Татьяна поздоровалась со всеми, оглядев по очереди готовые к работе лица. Она насчитала двадцать три головы и тут же подумала, что занимается ерундой, потому что количество не имело значения, как и все в этой жизни после только что пережитого.

Ей опять стало досадно и стыдно, но она сжала кулаки и поднялась на постамент. Поймав одобрительный кивок Вадима, Татьяна закинула правую ногу на спинку стула, удивив осталь-

ных растяжкой, а корпус наклонила назад дугой, распустив руки, как крылья. Длинные волосы забыла заплести, поэтому они блестящим водопадом свисали вниз, касаясь пола. Вадим подал сигнал к началу, и в унисон зашуршали карандаши по бумаге.

За два часа такой вынужденной медитации, когда телу запрещалось двигаться, Татьяна почти достигла совершенной безмятежности. Ни на студентов, ни на Вадима не смотрела, стараясь выбирать такие позы, чтобы возможность встретиться с кем-нибудь взглядами сводилась к нулю. Вадим, как преподаватель, ходил по кругу между рядами и обсуждал с учениками их наброски, одновременно хваля и делая замечания. Но иногда он просто сидел на столе и сам тоже что-то рисовал.

Когда время Татьяны закончилось, Вадим попросил подождать его в кабинете полчаса. Она решила, что легко займет себя его работами, и без возмущения отправилась в соседнюю комнату. Он остался разбирать со студентами наброски.

Ждать пришлось дольше, но Татьяна и сама не заметила, как прошел час. Одевшись, она разглядывала маленькие мозаики на столе и полках, в которых чувствовалась детская рука. Тессеры и камни выкладывали чьи-то маленькие и пока неловкие пальчики, но смотрелось это мило, хоть и не всегда впопад. Кто-то изображал схематично лошадок, кто-то склеивал кошачьи мордочки, кто-то увлекался цветами. Одна мозаика на столе выделялась яркостью и точностью форм, изображая круглое оранжевое солнце с острыми, треугольными лучами, симметрично устремленными в углы картинки.

От мелких работ Татьяна осторожно перешла к большим у окна, которые боялась трогать. Ей казалось, что мозаика может легко рассыпаться от одного неаккуратного действия. Поэтому, едва касаясь ребра, она попыталась сдвинуть первую картину, но мозаика оказалась тяжелой. Силе требовалась опора. Ладони следовало сжать, но тогда пришлось бы касаться самой мозаики. Посомневавшись немного, Татьяна отважилась переставить картину в сторону. Мозаика не облупилась. Она с облегчением выдохнула.

Со второй картины на нее смотрела белая фарфоровая женщина с золотой короной, инкрустированной аквамарином или чем-то похожим, и футуристичной прической из торчащих солнышком острыми прядями черных волос. Лицо выглядело безмятежным. Тонкие черты казались чересчур правильными, зато одеяния, красочные, жидкие, будто расплавленные, распространяли хаос по всему изображению, из-за чего ткани выглядели легкими, летящими, распущенными, как дым. Фон был отделан мозаикой голубого цвета, каким небо в природе не бывает, но каким обычно вспоминается ясный день.

Татьяна предположила, что эта картина тоже создавалась на заказ. Глубинами сердца она чувствовала, что сам бы Вадим такое не изобразил, по крайней мере, не так. Она нежно провела пальцами по одновременно гладкой и шершавой керамике, обводя фигурные скручивания одежд бездушной женщины. Вадим зашел как раз в этот момент. Татьяна тут же отпрянула и резко обернулась, воскликнув:

– Я ничего не трогала!

Вадим посмеялся. Отставленная в сторону картина с кельтскими узорами выдавала ее с потрохами.

– Ничего страшного, – он бросил на стол планшет с карандашными рисунками. – Извини, задержали.

Первым делом схватился за телефон и напечатал что-то на экране, а потом поднял со стула кожаную куртку и оделся. Татьяна поспешила к пуфику за пальто, шарфом и шляпой.

– Эта картина тоже на заказ? – спросила она про «королеву».

Вадим быстро глянул в ту сторону и покачал головой.

– Это для конкурса. Соня заставляет участвовать. Я все думаю, стоит ли отправлять.

– Почему сомневаешься?

– Мне не нравится эта работа.

Татьяна пригляделась издалека к картине, которая из другого угла комнаты казалась чересчур совершенной. Ей тоже что-то в этом изображении не нравилось, но Татьяна решила, что должна его подбодрить.

– По-моему, очень красиво, – а весь лексикон растерялся.

Ей хотелось бы дать более точное описание, показать умение анализировать его работы, проникаться в них и понимать, но не выходило. Она думала, что понимала, ведь его картины вызывали множество эмоций и заставляли внутреннего эстета верещать от удовольствия при одном только взгляде. А выразить это не могла.

– Не знаю. Здесь мало меня и много Сони, – усмехнулся Вадим.

– Вы вместе это делали? – не удивилась Татьяна.

– Ну, как. Все делал я, но Соня подала идею и в процессе просила добавить одно, другое, пятое, десятое.

– Ты, как истинный художник, не терпишь вмешательства в свое творчество?

Татьяна затянула потуже шарф на шее и уставилась на него.

– Я, как любой человек, не терплю вмешательства чужого в свою душу.

Теперь Татьяна недоумевала и стянула вниз уголки губ. Что именно он хотел этим сказать, осталось загадкой, потому лезть на рожон и уточнять она побоялась, особенно после такого заявления. Татьяна лишь кивнула многозначительно.

Выйдя на улицу, Вадим повел ее к своему автомобилю. Татьяна остановилась, сунув руки в карманы пальто.

– Нам, наверное, лучше раздельно поехать, а то Соня… не поймет.

– Не парься, – отмахнулся он. – Это будут мои проблемы.

– Я не хочу быть твоей проблемой, – заявила Татьяна и твердо поставила подошвы ботинок на бетонное покрытие.

– Проблемой будет она, если будет ревновать, – Вадим разблокировал двери внедорожника.

Он ждал, когда Татьяна сядет в салон, положив локоть на крышу машины, а второй рукой придерживал открытую дверь. Она стояла на своем.

– Чтобы ты понимал, я не желаю тебе зла, – начала уверенно, но быстро стушевалась и опустила растерянный взгляд, – и не хочу портить твои отношения, если ты в них… счастлив.

Вадим хмыкнул и, тоже опустив взгляд, заметил иронично:

– Какое благородство. Садись, ничего ты не испортишь.

Татьяна мялась еще половину минуты, но потом разочарованно осознала, что ничего она испортить уже не может и зря так много о себе мнит.

По дороге Вадим рассказывал о своем друге. Татьяна слушала и поражалась, какими странными порой бывают люди. Оказалось, этот юрист-романтик учился с Вадимом в художественной школе, но по настоянию отца, успешного бизнесмена, выбрал профессию юриста, стал адвокатом и открыл юридическую консультацию. Однако парень интерес к рисованию не утратил и, услышав о выставке Вадима, специально приехал на нее в Москву вместе с девушкой, на которой почти женился. Увидев картину с «балериной», он с первого взгляда влюбился и даже расстался с невестой, не будучи уверенным, что Татьяна на самом деле существует. Фанатически настроенный, он атаковал Вадима сообщениями с просьбой продать ему эту картину и познакомить с прототипом.

– Только не думай, он вроде по жизни адекватный чувак, – смеялся Вадим в левое зеркало, наблюдая за соседней полосой, на которую хотел перестроиться. – Ну вот настолько романтичен!

– Он, наверное, дико разочаруется, увидев меня воочию, – тоже смеялась Татьяна. – Ты на картине меня просто слишком красивой изобразил.

– Вряд ли, – Вадим повернул к ней лицо и застыл на секунду, словно хотел что-то еще добавить, но отвернулся к дороге и двинул автомобиль влево.

– Вообще, это пока больше похоже на розыгрыш.

Она прищурилась с подозрением, почесывая подбородок. Он только улыбался.

– Я сам был в шоке.

– Блин, а если я ему откажу, вдруг он будет меня преследовать? – испугалась Татьяна и ахнула. – Во что ты меня впутываешь?

Она дернула головой. Вадим тоже встревожился и замял плечами.

– Блин, я уже не хочу ехать. Вдруг он маньяк какой-нибудь?

– Да не бойся, не маньяк он. Я же его с детства знаю.

– Это еще ничего не доказывает. Если он меня похитит и заточит в сексуальное рабство, это будет твоя вина! – страх нагнетал в ней бурю. – Тебе с этим жить!

– Тань, не бойся. Я ему не позволю ничего с тобой сделать.

– Ага, как же, – она насупилась, скрестив руки на груди. – Ты будешь только рад от меня избавиться.

Вадим вздохнул и посмотрел Татьяне в глаза. Она не поняла, что это был за взгляд. Сочла, что он с ней согласился, просто не стал озвучивать. Паника смешалась с разочарованием и утихла.

«Ладно, всего одна встреча. Никаких контактов! Он не сможет тебя найти», – повторяла Татьяна в уме до самой остановки.

Они припарковались возле шумного бара. Послышалась зажигательная рок-музыка, когда оттуда вышла пьяная пара. Вадим заглушил мотор. Сознание Татьяны включилось вместе с прекращением легкой вибрации. Она открыла глаза и посмотрела на Вадима с испугом. Он улыбнулся ласково и крепко сжал ее руку холодными пальцами.

– Ты можешь уйти в любой момент, – говорил доходчиво, глядя прямо в глаза. – Я ведь буду там с тобой. Ничего не случится.

– А если он меня очарует и я захочу с ним встретиться наедине. Мы начнем встречаться, потом жить вместе. Наконец, он меня запрет в квартире и никогда больше не выпустит. Будет насиловать и бить. И никто об этом даже не узнает! – выпалила Татьяна на одном дыхании и в конце, ахнув, с силой прижала ладонь ко рту.

Вадим невесело посмеялся, будто начал понимать ее страхи. Но снова посмотрел уверенно в глаза и, поглаживая ее волосы, произнес:

– Я знаю, кому тебя доверяю.

У Татьяны душа схлопнулась. Без боли, но неприятно.

– И вообще, надеюсь, теперь ты понимаешь, что всегда можешь обратиться ко мне за помощью, – он улыбался по-доброму.

Сам не сомневался, и ее убедил. Татьяна только сейчас поняла, что всегда могла на это рассчитывать, но почему-то не рассчитывала.

– Соню бывший тоже бил. Ничего, как-то разрулили, – Вадим подергал кончики ее волос.

Обнадеживающий взгляд любимых карих глаз помог устранить панику. Ласковые движения пальцев по волосам действовали седативно. Хотелось зафиксироваться в этом моменте навечно, но раздавшийся звонок заставил его убрать руку.

– Да, Сонь, мы как раз приехали.

Упоминание имени соперницы окончательно приземлило Татьяну на землю. Она вспомнила, для чего они здесь. На место страха пришло гнетущее чувство безысходности и окончательного поражения.

Местом встречи оказался английский паб с классическим интерьером и полностью деревянной отделкой. Соня ждала их внутри за одним из небольших столиков. Наступил вечер

пятницы, поэтому бар быстро наполнялся шумными компаниями. Официанты разносили разносортное пиво литрами на круглых подносах. Телевизоры вещали спортивные трансляции.

Увидев Соню, Татьяна на секунду замерла. Девушка выглядела красивее, чем раньше. Искусственно завитые кудряшки шли к ее круглому лицу. Блеск насыщенно-голубых глаз подчеркивался золотым пирсингом на бровях, носу и губах. Счастливая улыбка при виде Вадима озарила всю по-кошачьи изящную фигуру. Прижимая парня обеими руками за талию, она бросила на Татьяну хвастливый взгляд, чтобы она вдоволь насладилась тотальным фиаско.

Татьяна перевела взгляд на пустую жесткую скамью, на которой предстояло сидеть. Поцеловав Соню в щеку, Вадим высвободился из ее объятий и сел через стол напротив, а Татьяне указал сесть рядом с Соней. Обе того не хотели, но послушались. Соня прижалась к окну. Татьяна отсела на противоположный край. Вадим с усмешкой наблюдал за ними, свободно заняв большую часть скамьи. Сухощавый юноша с жидкой русой поросльюю над губой принес им три ламинированных меню в форме книжки на спирали. Все трое от неловкости сразу за них схватились.

– Что ж тебе в Москве не живется? – кичливо спросила Соня.

– Неужели Вадим не рассказывал? – манерно, совсем как мама, изобразила удивление Татьяна.

Ей хотелось показать сарказм и не ударить в грязь лицом, но от волнения вышло фальшивее, чем она рассчитывала.

– Рассказал, но мне все равно непонятно, – как пантера плавно Соня провела рукой по гладкой поверхности меню с холодными закусками. – Я не понимаю, зачем ты Арине, как и зачем тебе работать здесь. Выходит, и танцовщица из тебя никудышная, раз там работу не найти.

Татьяна посмотрела на Вадима, обвиняя его в своих страданиях. Он спрятался за картинками горячих блюд. Она выругалась про себя и, повернувшись к Соне, решила тоже надавить на больное место. Стесняться больше было нечего.

– А какое тебе дело? Боязно, что я твоего парня уведу назад? – у Татьяны получилось скопировать стервозный тон соперницы и снова бросить в Вадима недовольный взгляд.

Он высунулся из-за раскрытого меню, хлопая короткими ресницами. Соня перевела возмущенные глаза с Татьяны на него и злобно прищурилась. Вадим поджал губы, но выдержал натиск молчаливого гнева.

– Было бы куда уводить, – нервно усмехнулась Соня. – Он мне рассказывал, как у вас почти ничего и не было. Пара свиданок, да и то неудачных. К такому не возвращаются.

Вадим опустил взгляд и снова спрятался за ламинированную защиту.

– Ну, значит, тебе не о чем переживать, – Татьяна выдохнула остатки ярости.

Она испытывала жуткий голод, усугубляемый волнением, поэтому аппетит возбуждало все, даже лангуст под сладким соусом. Но заказала Татьяна жареный картофель с жирными сосисками и лимонад, успокоив себя тем, что до открытия бара еще далеко и танцевать ей в ближайшее время не придется. Это значило, что фигуру можно было и подпортить.

Сразу после официанта, принявшего у них заказ, к столу подошел парень атлетического телосложения, с широкими плечами и узким тазом. Волосы орехового цвета слабо завивались, а щекастое лицо было гладко выбрито. Татьяна прочитала в желтых глазах радость и добро. Широкая улыбка заканчивалась умилительными ямочками на щеках.

«Именно так обманчиво мило маньяки и выглядят», – насторожила себя Татьяна, хотя внутренний эстет наслаждался фигурой в целом и лицом в частности. Парень же смотрел на нее зачарованно, во все глаза, растягивая улыбку на максимум. Ровные зубы слепили белизной и ненатуральностью. Широкие плечи выпрямились. Живот чуть ушел назад. Он вытащил из-за спины пышный букет с цветами разных сортов и оттенков. Татьяна в этот момент укрепилась в своей нелюбви к растениям.

– Это вам, Татьяна, – сказал парень с придыханием. – Вы еще прекраснее в жизни, чем на картине.

– Спасибо, – она смутилась, убеждая себя, что только озабоченный психопат будет тратиться на такой букет ради девушки, которую видит в первый раз.

Она держала руки под столом на коленях, сжимая их пальцами, чтобы не запаниковать опять. Вадим глазами показывал, что нужно принять презент, многозначительно кивая в сторону друга.

– Да, спасибо за цветы, – с неохотой Татьяна приняла букет и небрежно бросила его на скамью между ней и Соней.

Парень расстроенным взглядом проводил цветы под стол.

– Таня, это Антон, – представил его Вадим.

Антон слегка поклонился и сел на скамью напротив, не отводя от Татьяны глаз. Она, искусственно вызывая в себе отвращение, даже не соизволила сказать вежливое «Приятно познакомиться», просто кивнула в ответ. Антон немного смутился и забегал глазами вокруг, остановившись на меню, что официант оставил специально для него на краю стола. Он тоже заметно волновался: дрожали губы, краснели щеки, потели ладони, которые он периодически обтирал о классические серые брюки. Татьяна разглядывала его, не оставляя попыток определить, насколько он сумасшедший, но вел он себя, действительно, адекватно. Когда они встречались глазами, опускал свои робко. Румянец густел. Грудь от волнения вздымалась.

– А кто что ест и пьет? – спросил он, чтобы ослабить неловкое напряжение за столом.

Вадим с Соней переглянулись и озвучили свои заказы. Он пил чай, Соня – вишневый сок. Вместе они выбрали одинаковые салаты с курицей.

– А вы? – посмотрел Антон на Татьяну.

– Картошку жареную, – застыдилась она, поняв, что выглядит обжорой среди скромников за столом. – И лимонад.

– Хороший выбор, – улыбнулся Антон и снова перевел взгляд на меню.

Татьяна стянула губы в сторону, чувствуя еще большую неловкость. Несколько минут, пока Антон делал заказ, они сидели молча. Вадим с Соней постоянно переглядывались между собой, с усмешками наблюдая за Антоном и Татьяной, отчего ей становилось не по себе. Она опять чувствовала себя посмешищем, но почему-то продолжала сидеть. Ее удерживал голод и уже сделанный заказ. Татьяна не могла себе позволить выкинуть деньги на ветер. Следовало хотя бы доесть блюдо, а потом можно было бежать на все четыре стороны.

Хотя в глубине сознания она испытывала любопытство, что за человек перед ней сидел. И смотреть на его лицо было не неприятно. Оно вызывало доверие, хоть Татьяна и твердила себе ежесекундно, что как раз такие доверительные лица должны вызывать подозрение. А затем в голову врезалась успокоительная мысль: «Да ну, Вадим же знает его с детства. И он симпатичный. И, кажется, скромный», которую она тут же рассеяла.

Когда официант ушел с последним меню, Антон посмотрел Татьяне в лицо и спросил:

– Вы думаете, я дебил, да?

Она встала в ступор, округлив глаза. Вадим выдавил смешок, но остановил себя, прикрыв рот рукой. Соня с любопытством уставилась на Антона, скручивая из салфетки трубочку.

– Я не знаю, я в дебилах не разбираюсь. Кажется, – Татьяна быстро взглянула на Вадима и обратно на странного поклонника.

Антон улыбнулся, не опуская глаз.

– Значит, мне повезло.

Она невольно поддалась его эмоции – губы стали растягиваться вширь.

– Вы как предпочитаете: сначала о себе рассказать или обо мне послушать? Если вам, вообще, это интересно.

– Сначала ты, – сказала Татьяна. – И ко мне тоже можно на «ты».

Парень выразил радость широкой улыбкой.

– На самом деле, мне нечего рассказывать, – усмехнулся он. – У меня одна из самых скучных профессий мира, по крайней мере, для тех, кто не юрист.

Татьяна перестала сдерживать улыбку и прислушалась внимательнее.

– Из интересного в моей жизни – только кот, которого я котенком спас от стаи бродячих собак на помойке. Теперь живем вместе. Уже четыре года.

– И у меня есть кот. Тоже брошенный. Правда, не я его нашла, – мягким голосом, наполненным почти сюсюкающей нежности, проговорила Татьяна. – Но мы его с Вадимом спасли из подвала сгоревшего ночного клуба.

Она посмотрела на Вадима с благодарностью. Он улыбнулся. Соня занервничала и задвигала попой по скамье, придвинувшись к столу. Антон следил за Татьяниным взглядом.

– Я вижу у нас уже много общего, – посмеялся он.

Дальше они обсуждали животных и как с ними порой бывает нелегко, но больше, как с ними бывает весело. Постепенно неловкость исчезла. Татьяна с Антоном говорили наперебой, каждый про своего кота. Вадим с Соней сначала молча переглядывались и улыбались, а потом стали тихо перешептываться о чем-то своем. После лимонада Татьяна позволила себе бокал вина, потому что коктейли в пабе не подавали, и язык совсем развязался.

Они болтали о разном. В основном Антон рассказывал о «скучной» работе юриста, о которой говорил с захватывающим энтузиазмом, делясь подробностями интересных дел из практики. Без канцеляризма, только живые истории реальных людей с их более чем реальными проблемами. Оказалось, юриспруденция – больше про жизнь со всей ее грязью, чернотой и несовершенствами, чем про идиллию права и морали. Уже через полчаса разговора Татьяна и думать забыла, что Антон может оказаться психопатом. Ямочки на щеках все больше ее завораживали. Любопытство раздувалось сильнее.

Вадим с Соней в их разговор не вмешивались, но Татьяна сама иногда поглядывала в его сторону, почти неосознанно. Она хотела видеть его реакцию, его эмоции и, может быть, прочитать мысли, но он, как обычно, был закрыт и сдержан. Улыбался Соне, слушал ее внимательно, в сторону Татьяны не смотрел, только если чувствовал ее взгляд, рефлекторно отвечал на него, но быстро возвращался к своей девушке.

Они сидели за одним столом, но невидимая стена разделяла две пары на два разных мира. И только в этот момент Татьяна осознала, что теперь так будет всю оставшуюся жизнь. Они будут сидеть рядом, идти рядом, стоять рядом, но в разных вселенных. Вадим теперь навсегда останется ей чужим. Никем, как заметила мама. Считать его другом она не могла. Все тело в любую минуту от одной только маленькой искорки вспыхивало и было готово отдаться ему целиком и полностью, безусловно и беспрекословно. Но ему это не было нужно.

Татьяна решила выпить еще бокал белого сухого, попросив самого крепкого.

При оплате счета снова наступила неловкая ситуация. Антон предложил великодушно заплатить за Татьяну, но она резко отказалась, даже слишком, о чем пожалела. Парень опешил, посидел так с минуту, но потом закивал и сказал:

– Извини, если обидел. Просто так принято. Обычно.

Он виновато посмотрел на нее.

– Я знаю. Ты извини, – смягчилась Татьяна, опустив взгляд на папку с чеком. – Я просто хочу сама за себя платить. Только недавно начала. И мне… нравится.

Она вложила в папку купюру, оставив сдачу на чаевые, и передала Вадиму, который уже протягивал руку, усмехаясь.

Они вместе вышли из паба. На улице моросил дождь. Ночь накрыла город туманным мраком. Огни светофоров и фонарей размазывались в воздухе на многоконечные звезды. Было прохладно. Татьяна поставила воротник пальто, потому что только шарф не спасал, и натянула

шляпу потуже на голову, закрыв уши широкими полями. Она выходила первой, но уже через пару секунд перед ней возник Антон с широкой белозубой улыбкой.

– Спасибо, что согласилась со мной хотя бы познакомиться, – сказал он.

Татьяна улыбнулась в ответ.

– Может, ты еще Вада уговоришь мне картину продать?

Антон подмигнул, склонив голову набок. Татьяна посмеялась, прикрывая смехом тоску на дне души. Она взглянула на Вадима, который обнимал Соню чуть в стороне. Та с закрытыми глазами уткнулась лицом в его грудь сквозь раскрытую молнию куртки.

– Я тут ничего не решаю. Это его картина.

– Жаль.

Антон прискорбно опустил голову, но тут же воодушевленно ее поднял.

– Можно попросить твой номер?

Татьяна посмотрела ему в глаза, слегка нахмурив брови в нерешительности.

– Я обещаю не докучать тебе смсками… – залепетал он, – …каждый день. Хотя бы через.

Это вызвало улыбку. Она снова взглянула на Вадима, который в этот самый момент целовал Соню в макушку головы. Жгучая вспышка ревности опалила сердце. Татьяна на пару секунд закрыла глаза.

– Вад мне никогда не даст твои контакты без разрешения, – удрученно произнес Антон.

– Ну, скажи, что я разрешила, – улыбнулась она на секунду и, ни с кем не прощаясь, быстро зашагала прочь от бара в сторону метро.

Антон проводил ее до самого поворота ошеломленным взглядом. Она не оборачивалась, но чувствовала его на себе и двигалась быстрее. Только за углом смогла замедлить темп и пойти прогулочным шагом, чтобы успеть перевести дух до спуска в душное метро.

Глава 11. Больное

Выходные Татьяна потратила на поиск лучшей столярной мастерской и анализ рынка услуг по деревообработке. Это было утомительное своей скучностью занятие, поэтому вечерами они с Адлией выбирались погулять в центр. Татьяна показывала город, в котором Адлия никогда до этого не была.

Татьяна не умела так интересно рассказывать, как Вадим, потому что, убедилась, не любила Петербург так сильно, как он, и не могла оценить по достоинству его красоту. Она просто тыкала указательным пальцем в исторические достопримечательности, называла их и вспоминала факты из уроков краеведения в академии. Но Адлия все равно ходила с восторженным удивлением.

Накануне понедельника, почти в полночь, Татьяна отправила результат двухдневной работы Арине. Та в ответ приказала быть в баре на следующий день к десяти утра.

Там вовсю шли ремонтные работы. Несколько мужчин в пыльных робах, сколотых касках и с тяжелыми инструментами в руках разом обернулись на хлопок двери. Как солдаты, они синхронно кивнули Татьяне. Она ответила им тем же, обходя зал по стенкам, потому что строители выравнивали пол в правой половине. Дверь в служебные помещения была закрыта, пол перед ней – застелен досками. На цыпочках Татьяна прошлась по ним и вошла внутрь.

Здесь она еще не была. Узкий коридор вел в пять комнат, одна из которых не имела двери вовсе, только пустой арочный проем. В ней валялся строительный мусор и заброшенный хлам. Вторая вела в узкий туалет с унитазом и малюсенькой раковиной. Следующие две были заперты. В последней ее ждали Арина с Вадимом.

Комната выглядела приличнее всех остальных. Здесь даже остался стол и появилось несколько новых табуреток. На импровизированной вешалке на стене сбоку висела кучей верхняя одежда. На столе стояли термосы, бутылки воды и ланч-боксы с пакетами. Татьяна догадалась, что все это принадлежало рабочим.

Арина с Вадимом стояли у широкого окна и глядели в белый планшет, который он держал в руках. Поздоровавшись, Татьяна подошла к ним, встав посередине, и тоже уставилась в глянцевый экран. На нем высвечивался план зала сверху с квадратиками, кружочками и прямоугольниками вместо основных объектов и мебели.

– Может, сюда все-таки впихнуть? – указал Вадим пальцем в правый угол от входа, который делил зал на две неравные части.

– Бассейн? – воскликнула радостно Татьяна, посмотрев на Арину.

Та закатила глаза.

– Угомонись уже, Подсолнух. Гардероб нам нужнее.

Татьяна перевела огорченный взгляд на Вадима. Он подбадривающе улыбнулся и спросил:

– Ты не подумала над оптимизацией своей идеи?

Поджав губы, Татьяна закачала головой. Ей хотелось обвинить его в том, что она тратит на него все мысли, поэтому не успела подумать о важном, но заткнула себя прежде, чем что-то ответила.

– Пусть лучше подумает, как нам оформить гардероб, – проворчала Арина, скрестив руки на груди.

– Шкаф из Нарнии? – сразу предложила Татьяна. – Или избушка на курьих ножках. Или Теремок.

– Мне не перечисления нужны, а скетчи и референсы, – сурово произнесла директор, выхватив планшет.

– Кто-то сегодня тоже не выспался, – усмехнулся Вадим.

– А Иван, кстати, где? – спросила Татьяна, оглядевшись вокруг, словно тот мог прятаться в неосвещенном углу комнаты.

– Дела делает, – ответила Арина спокойно, заблокировав экран устройства и прижав его к груди. – У него помимо нас еще целых три бара. Оно и к лучшему. А то заколебал тут командовать.

Вадим с Татьяной обменялись ухмылками.

– Подсолнух, тебе еще одно задание: найти тех, кто сможет нам трубы и металл погнуть за невысокую плату, но более-менее качественно.

– Окей, – медленно протянула Татьяна, параллельно соображая, как правильно вбить в поисковике название такой услуги.

Она записала все в заметки телефона.

– Пойдем со мной, – сказал Вадим, вырвав у матери планшет обратно и схватив Татьяну за руку. – В туалет.

Она испугалась такого настойчивого приглашения и уставилась на него недоуменно. На мгновение мелькнула надежда. И желание.

– Троны рисовать, – пояснил Вадим, усмехнувшись.

Они зашли в красный коридор с тремя кабинками. Из-за плохого освещения он попросил Татьяну оставить дверь открытой. Арина вышла за ними следом и подошла к рабочим.

Татьяна прислонилась к стене и скрестила руки на груди, наблюдая за тем, как Вадим стилусом водит по планшету, глядя перед собой на первую кабинку. Он открыл ее скетч с Кощеевым троном и переводил внимательный взгляд с картинки на унитаз и обратно.

– Антон, кстати, просил твой номер, сказал, ты ему разрешила, – произнес спустя минуту, не отвлекаясь от рисования.

Татьяна зачарованно глядела, как после легких движений кисти на экране появляются плавные линии, постепенно вырисовывающие стройный силуэт королевского сиденья. Он рисовал очень быстро, и все линии получались с первого раза, в то время как она даже кривой скетч перерисовывала раз пятнадцать, не меньше.

– Ты ему дал?

– Ну, пока нет, решил у тебя спросить сначала.

Татьяна вздохнула. Не знала, на что надеялась, когда говорила это Антону. Смутно догадывалась, что хотела так свалить принятие решения на Вадима или хотела верить, что он откажет сразу, не станет даже спрашивать.

– Зачем ты все вечно усложняешь? – недоумевал он. – Нельзя было самой ему свой номер дать, если уж разрешила?

Вадим посмотрел на нее, подняв одну бровь, но, увидев ее растерянность, продолжил рисовать. Очертания трона заполнили экран.

– Не знаю, – раздраженно протянула Татьяна, прокрутив головой, будто разминала шею.

– Он же тебе понравился.

Отлетев от стенок туалетной кабинки, его смешок разлетелся по коридору и вылетел в просторный зал.

– С чего ты взял?

– Я видел, как ты на него смотрела.

Его усмешка кололась коварством. Татьяна отвернулась и выдавила саркастично:

– Хорошо ли ты разбираешься в женских взглядах.

Вадим посмеялся и без толики смущения спросил с четкой расстановкой слов:

– Че ты выпендриваешься?

Татьяна со вздохом перевела на него тоскливый взгляд, убрав руки за спину. Стилус на планшете выводил под сиденьем унитаза контуры человеческих костей, сваленных в кучу, как груда мусора.

– Я, может, по тебе хочу страдать, – она опустила голову.

Вадим тоже вздохнул, но не оборачивался.

– По мне или не по мне, страдать всяко плохо. Уж лучше не со мной, но не страдать. Я, по крайней мере, выбрал это.

Татьяне нечего было ответить. Присев на корточки, он облокотился на собственное колено. Несколько минут они молчали.

За шустрыми движениями стилуса на белом фоне мгновенно появлялись черные линии. За эти несколько минут трон оброс кучей деталей, которые продумала Татьяна, когда рисовала скетч. Вадим теперь придавал им красивую форму, объем и фактурность.

– А это что за непонятная херня? – указал он на сгусток нитевидных линий в центре спинки кресла.

Татьяна подсела к нему, тоже на корточках, и пригляделась. Сама забыла, что хотела там изобразить, но сейчас придумала заново, точнее, вспомнила их разговор в мастерской.

– Это спираль, символ смерти.

Вадим довольно хмыкнул.

– Лева, дорогой, привет, – послышался голос Арины, который, на Татьянин взгляд, стал совсем шелковым и нежным. Таким голос директора она еще не слышала.

Арина медленно прохаживалась по залу, уходя прочь от туалетов в сторону входа. Голос становился тише. Она спрашивала совета у бывшего мужа, как у архитектора. Увидев ее счастливую улыбку, Татьяна умильнулась и залюбовалась, хотя в голове возник когнитивный диссонанс. Она никак не могла уложить все это вместе: Арину, ее влюбленность в отца Вадима и нимфоманию.

– Я поражаюсь, как Арина так может, – Татьяна задумчиво следила за ее плавными кружениями по грязному залу.

Вадим смотрел на унитаз и кабинку.

– Что именно? Моя мать много чего может, чему я поражаюсь.

Татьяна перевела улыбчивый взгляд на него и объяснила:

– Ну вот так любить твоего отца всю жизнь и при этом большую ее часть не быть с ним, зато быть с множеством других мужчин.

– Не ко мне вопрос, – с легким раздражением ответил он. – Я, наверное, этого никогда не пойму.

Изнутри укололо чувство вины.

– Извини, если задела больную тему, – поспешила она поправиться.

– Ничего. Больные темы тоже нужно задевать иногда, чтобы меньше болело.

Посчитав, что карт-бланш получен, Татьяна задала вопрос, который ее давно волновал.

– Из-за чего конкретно они развелись?

Вадим долго вдыхал и еще дольше выдыхал ответ. Устав сидеть на корточках, Татьяна плюхнулась попой на грязный пол, не жалея джинсы. Он, наоборот, встал и потянулся, разведя руки в стороны.

– А ты как думаешь? – со смешком посмотрел на нее сверху. – Ты бы хотела жить с человеком, который систематически тебе изменяет?

Татьяна опустила смущенный взгляд, осознав, что задала глупый вопрос, но при этом режущий душу на куски. Лицо Вадима приняло болезненное выражение из смеси обиды, отвращения и не выплеснутого гнева.

– Она один раз любовника в дом привела, когда батя был в командировке неделю, – тихо сказал он. – Я тогда мелкий был, ничего не понял, только спустя годы. Батя узнал сразу. В тот раз они и разбили то первое блюдо, которое я склеил.

После потягивания Вадим сел рядом на пол, скрестив под собой ноги, и продолжил рисовать Кощеево кресло, которое почти было готово.

– Зато платонически она хранит твоему отцу невероятную верность, – Татьяна пыталась поймать его взгляд.

Вадим усмехнулся, не поднимая головы, и процедил:

– Да уж, нимфоманка-однолюб – редкое сочетание.

Ей захотелось его стиснуть в объятиях, чтобы передать поддержку, потому что утешать словами она не умела. Но теперь даже этого не могла.

– Ну, знаешь, – сказал он вдруг после нескольких минут гнетущего молчания, – стоит отдать ей должное, она обо всем сразу рассказала. Батя типа знал, на что шел. Но, конечно, представление от реальности всегда отличается. Вначале ты всегда думаешь, что со всем можно справиться, что любовь все победит. А обиды все равно копятся.

Он бессильно сложил руки на коленях. Планшет остался лежать на ногах.

– Они так ругались, что я думал, поубивают друг друга. Знаешь, такая типа... не ненависть, а лютая любовь, – Вадим закрыл глаза. – Батя ее чуть… не задушил тогда. Его только мой плач остановил. Я по-настоящему пересрался.

Он помотал головой и провел ладонью по лицу, снимая усталость. Татьяна положила руку ему на плечо и сжала его крепко слабыми пальцами. Она тоже ощущала боль, словно они говорили о ее родителях, хотя ее эта проблема никогда не касалась. Но это была его боль, которую она бы с удовольствием разделила, если бы могла.

– Зато большинство известных мне матов я из их ссор выучил, – посмеялся он в ладонь.

Татьяна слабо улыбнулась, а у самой слезились глаза. Она погладила его плечо, но Вадим остановил ее, положив свою руку сверху.

– Спасибо, – проговорил полушепотом.

– За что?

– За то, что задеваешь больное. Я этого никому еще не рассказывал.

Ее губы сами расплылись в улыбке. Слезинки вытекли из глаз по щекам, не выдержав напряжения. Вадим смахнул их второй рукой и потрепал Татьяне волосы, а затем собрал их вместе в ладонь, разглаживающим движением перекинул через плечо и, распушив кончики цветком, пощекотал ее нос. Она чихнула несколько раз громко.

– Перестань надо мной издеваться! Моими же волосами! – проворчала после, прикрывая нос обеими руками, чтобы больше не чихать.

Вадим весело хохотнул и взялся за планшет. Татьяна сделала такой же пучок и пихнула в его лицо. Отмахиваясь рукой, он отпрянул, но эффект был достигнут. Вадим тоже чихнул несколько раз, замазав рисунок кривыми длинными росчерками. Стилус отлетел в сторону. Ему пришлось локтем упереться в пол, чтобы не упасть. Татьяна залилась задорным смехом, упиваясь отмщением.

В проеме двери возникло озабоченное лицо Арины.

– Не сидите на полу. Холодно же! Зачихались совсем, – по-матерински заботливо ругалась она.

Вадим с Татьяной обменялись смешливыми взглядами и только пуще прежнего засмеялись. Оставшись в недоумении, Арина закатила глаза и ушла куда-то за дверь.

На полную обрисовку тронов у Вадима ушло всего пару часов. Татьяна, не отрываясь, следила за ним, как завороженная. Легкость, с которой он создавал рисунки, превосходила ее понимание мира. «Так выглядит талант», – утвердилась она в мысли. Иногда он спрашивал, если что-то было непонятно в набросках, обсуждал, если хотел что-нибудь изменить или добавить. Татьяна не возражала. Сидела, как юный ученик перед мастером, и посвящалась в мир искусства, наблюдая за процессом творения.

Закончив, Вадим отнес работу матери.

– Шикарно! Спасибо! – восхищалась Арина, бегая глазами по картинке. – Вот это уже похоже на сказку.

– Ладно, я поеду, а то уже опаздываю, – он направился к выходу.

– А ты куда? – крикнула Татьяна, едва сдерживаясь, чтобы не побежать за ним.

За эти два часа, проведенные вместе, она к нему прикипела, и теперь расставаться было больнее, чем тогда, у останков «Дэнсхолла».

Вадим обернулся, застегивая молнию куртки, и посмотрел на Татьяну задумчиво.

– Слушай, лишние руки нам не помешают. Хочешь, поехали со мной?

– Так, дети, стойте, – вклинилась Арина, показав стоп-знак рукой. – Ты мне здесь нужна.

Татьяна уже было сдвинулась с места, потому недовольно спросила:

– Для чего? Скетч гардероба и информацию по металлу я тебе завтра скину.

Обойдя выставленную руку, она медленно и осторожно зашагала к выходу. Вадим ждал ее, улыбаясь. Арина несколько долгих секунд сверлила Татьяну суровым взглядом, слегка сузив глаза, но махнула рукой.

– Ладно, иди. Без тебя обойдусь, – пробурчала устало, а потом придала голосу резкости. – Но чтобы завтра к семи вечера все было сделано! И вариантов гардероба придумай несколько!

– Окей, босс! – Татьяна, счастливая, побежала к Вадиму.

– Однако мать тебя любит, – усмехнулся он, когда они вышли на улицу.

Она только улыбнулась на это, в душе надеясь, что так и есть.

По пути Татьяна тщетно пыталась узнать, куда и зачем они едут, но Вадим стойко увиливал от ответа, то отшучиваясь, то отказываясь пояснять напрямую. Ехали они недолго и остановились у площади с бронзовым памятником, возле которого их ждала небольшая компания молодых парней и девушек до десяти человек.

– Марафон на день ЗОЖ? – предприняла последнюю попытку угадать Татьяна, поглядывая на спортивную сумку, что Вадим вытащил из багажника и теперь нес в правой руке.

Он закачал головой, ничего не говоря. Они направились в сторону толпы. Увидев Вадима, ребята сразу затихли. Кто-то поприветствовал его издалека. Вадим помахал им рукой, но поздоровался, только когда поставил ношу на мраморный постамент. Толпа окружила его, оставив Татьяну чуть позади. Все заглянули внутрь сумки.

– Разбирайте. Мешки в боковом кармане, – громко сказал Вадим, чтобы все услышали.

Множество рук закопошилось. Он спокойно ждал в стороне. Татьяна подошла к нему и молча задала глазами вопрос.

– Щас увидишь.

Вскоре ребята натянули белые безразмерные футболки и хозяйственные резиновые перчатки. На футболках Татьяна прочитала: «Поддержи арт-эко-проект «From Waste to Art»*. Подробности по QR-коду».

– Ну, что, сбор здесь же через два часа, – глянув в телефон, сказал Вадим ребятам, которые уже ждали его распоряжений. – Собираем только стекло. В любом виде.

Компания быстро рассыпалась на несколько мелких групп, разошедшихся в разные стороны по улице.

Вадим обернулся назад. Через дорогу от них располагался большой зеленый парк, огражденный от улицы густой живой изгородью, с наступлением осени облетевшей и исхудавшей, но все еще могучей. Над тротуаром свисали голые кроны лиственных деревьев. Под ними торчали коротким забором колючие кустарники. Главный вход выделялся двумя небольшими рядами желтых колонн.

– А нам достался парк, – он оглядел длинную сплошную изгородь из деревьев и вытащил из сумки набор для себя и Татьяны.

– Надевай поверх пальто.

Она повертела футболку, ища лицевую сторону, и попыталась натянуть сначала поверх шляпы, но широкие поля не давали узкому горлу протиснуться сквозь. Пришлось снять голов-

ной убор, отчего волосы растрепались и разлетелись по лицу, спине и плечам. Вадим улыбнулся и помог их собрать.

– Хочешь, косу заплету? – с увлеченным сиянием в глазах предложил он, вставая позади и держа волосы в обеих руках.

Татьяна не смогла скрыть удивления.

– Я в детстве Ладе постоянно косички заплетал. Она, правда, из-за этого самой неаккуратной девочкой в детском садике была, но зато причесанная ходила.

Татьяна посмеялась. Не дождавшись разрешения, он уже разделил волосы на три толстых пряди и начал плести из них расслабленную косу.

– Тебя так и манят мои волосы, – улыбнулась она.

– Заметно, да? – в тоне Вадима слышалось легкое смущение. Пальцы аккуратно перекладывали пряди. – Ты просто раньше всегда с пучком ходила, а теперь распускаешь. Я вот и поддаюсь искушению. Они ведь такие мягкие, и гладкие, и длинные. Красивые, в общем.

Татьяна зарумянилась и захихикала кокетливо.

– Не то что у Сони, – проговорила она спесиво, осознав единственное весомое преимущество над соперницей.

– У Сони много других достоинств, – обрубил ее гордость Вадим.

Плечи сокрушенно опустились. Татьяна заткнулась, поняв, что сморозила глупость. Сама себя хлестала мысленно по щекам за то, что давала над собой власть чувствам зависти и ревности.

Закончив с косой, Вадим закрутил ее резинкой, которую Татьяна ему молча подала, и отнес пустую сумку обратно в машину. Она ждала его у пешеходного перехода. Вадим тоже надел футболку и перчатки. В руках нес сложенные плетеные мешки для строительного мусора. Сохраняя тишину, они вошли в парк. Только подойдя к первому мусорному баку, Вадим объяснил, что нужно делать.

– В общем, наша с тобой задача сейчас обойти за два часа все мусорки этого парка и собрать всю стеклотару в эти мешки. Если где-то валяется на земле, разумеется, подбираем.

Татьяна кивнула и наклонилась над бетонным, облитым чем-то непонятным и оплеванным, баком, но после мытья туалетов в ночном клубе копание в мусоре не казалось таким страшным.

Урна забилась с горкой. Сверху было навалено много ненужного: стаканчики из-под кофе, пластиковые бутылки, скомканные чеки, рваная бумага и фольгированные упаковки от разных закусок и не только. Она начала аккуратно выкладывать их рядом, чтобы добраться до внутренностей. Стеклянных бутылок оказалось мало: всего две из всей кучи. Кинув их в выделенный мешок, Татьяна принялась складывать весь мусор обратно в бак. Получилось компактнее, чем было. Горка исчезла.

Вадим возился с мусором по другую сторону скамьи. Пожилая пара, которая наслаждалась отдыхом здесь, с интересом за ними наблюдала, как и прохожие.

– А для чего это? – спросила Татьяна, когда они отправились к следующей скамье с мусорными баками по бокам.

– Я участвую в одном экологическом проекте, – Вадим нагнулся над урной. – Разные художники собрались и решили создать из мусора, который просто валяется на улицах города, различные инсталляции, картины, скульптуры в поддержку концепции «Zero Waste». Ну, и заодно привлечь внимание людей в целом к экологической обстановке.

Он пошарил рукой по дну бака и достал оттуда стеклянную стопку, в каких продаются маленькие дозы крепких алкогольных напитков, а затем закинул остальное обратно. Татьяна еще возилась со своим мусором.

– Проект поддерживают некоторые организации, которые заботятся об экологии. Мой проект, например, спонсирует крупная сеть гостиниц. Они как раз один отель сейчас строят, а

я буду должен в центральном лобби поставить инсталляцию из собранного стекла. Они оплачивают его переработку, цепь, на которую она будет подвешена, и саму установку.

– А что это будет за инсталляция? – Татьяна тащила потяжелевший мешок к следующей скамье.

Вадимостановился, снял перчатки и достал телефон.

– Смотри, это концепт, – он передал ей вытянутое устройство.

На экране она увидела нарисованную на компьютере картину с изображением стеклянного блюда, толстого и плоского, обвитого тяжелой серебристой цепью, уходящей в невидимый потолок. На блюде расплывчато, в подражание акварельной технике, изображалась физическая карта мира, как будто внедренная в саму толщь стекла. Под ним в полу имелось круглое углубление, созданное из стеклянной мозаики, как у фонтанов. С цепи по блюду в этот фонтан стекала тонкими струйками вода. Смотрелось изысканно. Бурлящие движения струй придавали всей картине живости и динамики. Татьяне даже показалось, что она слышит легкое журчание ручейка. Сам концепт уже можно было назвать шедевром. Он казался простым и гениальным.

– Вау! – восхитилась она.

– Я назвал это «Плач Земли», – горделиво произнес Вадим, с улыбкой в глазах следя за выражениями ее лица.

– И как ты это будешь делать?

– Из бутылок сплавлю два листа, на каждый из всякого мусора фьюзингом нанесу карту мира, по полушарию, обожгу и склею плотно. Вроде несложно, – Вадим пожал плечами. – Должно получиться.

Татьяна хмыкнула. Она долго всматривалась в рисунок, снова не находя подходящих слов для передачи собственных эмоций, вызванных инсталляцией. В первую очередь рождалось восхищение, искреннее, радостное и вдохновляющее, после которого хотелось творить что-нибудь самой, обязательно такое же классное. Ему на смену приходила благодарность за полученное удовольствие, потому что по телу растекалось приятное чувство эстетического насыщения. Затем наступали благоговение и гордость от того, что сам автор делился с ней идеей. А после всего просыпалась любовь.

Она вспомнила, что перед ней вовсе не талантливый и популярный художник, а обычный парень, в глаза и улыбку которого она когда-то влюбилась неосознанно с первого взгляда. С каждым разом она узнавала его лучше, а он становился все более интересным. Теперь казался почти родным, хоть между ними ничего толком и не было и уже не могло быть. Мысли опять привели душу к отчаянию.

Татьяна поджала губы и вернула телефон. Вадим перенял его молча и сунул в передний карман джинсов. Они двинулись дальше.

На обход всех мусорных баков, которых было разбросано по парку великое множество, двух часов не хватило. По оценке Татьяны, они одолели только половину, но пришла пора возвращаться к памятнику. Вадим набил мешок почти полностью, Татьяна свой – только наполовину. Но все равно мусора оказалось больше, чем она ожидала найти, хотя они собирали только стекло. Все остальное оставалось в урнах. «Очень полезный проект, – подумала про себя Татьяна, когда они притащили мешки к памятнику. – Почему я раньше об этом не задумывалась?».

Ребята тоже подходили с набитыми мешками. Парни помогли Вадиму перетаскать все в багажник и в салон автомобиля. Он поблагодарил всех, пожав каждому руку, даже девушкам, и довольный находками сел за руль.

– А это кто были? – села Татьяна на пассажирское кресло.

– Волонтеры, как и ты. Поехали на мойку. Надо смыть основную грязь.

Быстро перекусили в попутном кафе, они отправились к ближайшей мойке самообслуживания, где имелись мыльные моющие средства, хлещущая под сильным напором вода и много места.

В четыре руки они вытаскивали из мешков стеклотару, расставляли ее на мокрый бетон вместо автомобиля и пуляли по бутылкам водой и специальным средством. Это было весело, потому что брызги летели во все стороны, пена бушевала, можно было попрактиковаться в безудержной и беспрецельной стрельбе. Бутылки падали и катались по всей мойке, забредая в соседние секции. Приходилось бегать за ними, мешая другим водителям, но в целом трудностей никаких не возникло. Только времени на это ушло немало, ведь нужно было долго все вытаскивать и расставлять. А затем собирать и обратно расфасовывать по мешкам.

Задние сиденья сразу намокли – вода легко просачивалась сквозь нити мешков. На полу быстро образовались лужи. Багажник и вовсе затопило. Так они и поехали к Вадиму домой.

Снова пришлось разгружать мешки. Татьяна держала двери. Вадим заносил их из машины в лифт, затем – из лифта в квартиру. Они всю прихожую заставили мусором, с которого малыми дозами стекала вода.

– Ты их еще мыть будешь? Каждую? – спросила она и оглядела горы бутылок, пытаясь прикинуть, сколько там может быть штук.

– Ну, да. Надо еще этикетки поотклеивать. Тут работы дохрена, – он вытер пот со лба тыльной стороной ладони.

Татьяна посмотрела на часы. Уже наступил вечер. День пролетел как будто мимо. И случился не с ней. Был слишком хорош.

– Ты иди, я дальше сам. Спасибо, – быстро проговорил Вадим, расстегивая куртку.

Он прерывисто дышал после таскания тяжестей.

– Нет, я помогу. Я не устала, – улыбнулась Татьяна.

– Тебе же мать задание дала. Иди, лучше его делай.

– Завтра сделаю, – настояла она, не желая с ним расставаться.

– Ну, как хочешь.

Вадим любезно подал ей тапочки: темно-розовые, пушистые, с блестящим искусственным мехом. В них было мягко. Ноги мгновенно расслабились и устали.

Не откладывая, они отнесли первый мешок в ванную и стали промывать бутылки по одной жидким мылом. Вадим притащил два ершика специально для вытянутой посуды с узким горлом. Татьяна делала это над раковиной, Вадим – в самой ванной под душем.

Сразу после мытья приходилось отскребать этикетки, которые лепили на дурацкий, плохо отходящий, клей. Оба устали, поэтому почти не разговаривали, лишь изредка, исключительно по работе. Этот процесс затянулся, но время пролетало быстро. Часто повторяющиеся действия погружали сознание в легкий транс. Очень скоро Татьяна стала все делать на автомате и при этом ни о чем особенном не думала. Сознание словно очистилось, как и те бутылки, что она промывала. Вадим, казалось, пребывал в таком же состоянии. Мешков всего было десять. Они справились с шестью.

– Думаю, на сегодня точно хватит, – выдавил обессиленную улыбку Вадим и откинул голову на борт ванны.

Он сидел на мокром полу с согнутой в колене правой ногой. Руку вытянул поверх. Левые конечности просто валялись рядом. Татьяна оперлась на раковину, скрестив мокрые по локоть руки на груди, чем сразу намочила футболку, но не отреагировала из-за нехватки сил.

– Да, пожалуй, – вздохнула она.

Как гром среди ясного неба хлопнула входная дверь. Оба вздрогнули. Вадим на миг замер, а потом выдохнул и, медленно моргнув, предупредил:

– Соня.

Лениво поднявшись, он вышел в прихожую. Татьяна заволновалась, словно была любовницей и пряталась в платяном шкафу, ожидая скандального обличения. Из-за неплотно прикрытой двери ванной послышалось женское мурчание. Затем оба резко замолчали. Татьяна догадалась, что так заткнуть обоих мог только поцелуй. Она сжала левое запястье, водя по шраму большим пальцем, тем самым себя успокаивая.

– Ты мне весь день не отвечал, даже не писал, я переживала, решила сама зайти, – мурлыкала Соня, но в голосе слышалась толика укоризны.

– Да я сегодня весь день в запаре, – неохотно оправдывался Вадим. – Над этим экопроектом.

– Ааа, вижу.

Татьяна боялась пошевелиться, не зная, стоит ли ей выходить сейчас или подождать, когда Вадим сам ее представит. Но он не торопился этого делать. Их голоса отдалились в сторону кухни. Соня ругала его за то, что у него опять пустой холодильник. Вадим переводил все в шутку.

Татьяна выглянула из ванной, решив, что ей выпал хороший шанс уйти незамеченной. «Наверное, он на это и рассчитывает», – подумала она и аккуратно раскрыла дверь, чтобы не было звука. Но как только она повернулась лицом к вешалке, в проеме кухни появилась грозная фигура Сони, которая тут же расставила ноги на ширине плеч и уперла одну руку в бок. Глаза наполнились остервенением.

– Эта сучка что здесь делает?! – завопила она, а потом посмотрела вниз и возмущенно добавила. – Да еще в моих тапочках!

Вадим тут же возник за ней, схватившись рукой за верхний наличник кухонного проема.

– Помогала мне, – ответил он со вздохом. – Мыть бутылки.

– Ты охренел, Симакин?!

Соня резко развернулась к нему лицом и толкнула с силой в грудь. Вадим пошатнулся, но задержался рукой за стену. Татьяна вытаращила глаза от страшного предвкушения, что произойдет дальше.

– По-твоему, это нормально?! – прорычала Соня, еще раз толкнув его в грудь, только теперь обеими руками. – Думаешь, я в этот бред поверю?

Вадим нелепо плюхнулся на стул, ударившись затылком о стену, и схватился за ушибленное место. Татьяна сморщилась.

– А почему нет? – сделав шаг вперед, встряла она в их ссору.

Соня дерзко дернула головой в ее сторону и коварно прищурилась, будто выискивала на теле соперницы самое мякотное место, в которое можно было вцепиться когтями.

– Я, действительно, ему помогала, – Татьяна чувствовалась в себе много решимости на адреналине. – Мы только мыли бутылки. Не знаю, что ты там себе надумала.

– Сговорились, любовнички! – с презрением процедила Соня. – Удобную шлюху ты себе нашел.

Она снова повернулась к Вадиму, скрестив руки на груди. Он в бессилии мотал головой, прикрывая глаза ладонью, как козырьком, и поглаживая пальцами правую бровь.

– Таня – не шлюха. Давай, ты не будешь вслепую ревновать и беситься.

– Вслепую?! – саркастично изумилась Соня. – Да тут же все очевидно! А ты еще так нагло делаешь вид, что ничего не произошло. Бедняжка, устал! От чего? Трахал ее до изнеможения?!

Она вознесла над ним руку и, за пару секунд набравшись гневных сил, влепила хлесткую пощечину. Татьяна ахнула. Вадим стоически стерпел, только зажмурился и втянул медленно воздух.

– Да ты сама охренела! – возмутилась Татьяна. – За что ты его бьешь? Ничего же не было!

– Смотри-ка! Девица благородной оказалась, – по-злодейски ухмыльнулась Соня, обернувшись на соперницу. – Заступается за возлюбленного.

Вадим выругался, поднялся со стула и, глядя на Татьяну, сказал:

– Тань, иди домой. Нечего тебе это выслушивать.

Она застыла, взглянув на него с опаской. Вся решимость куда-то улетучилась. Но и не хотелось оставлять его наедине с бешеной ревнивицей, хоть она и не могла ему помочь, напротив, только усугубляла ситуацию.

– Какие вы оба благородные! – Соня хлопнула себя по накаченному бедру. – Одна я тут – неадекватная стерва!

Она снова развернулась к Вадиму и толкнула с криками:

– Куда собрался, кобелина!

– Тань, уйди, пожалуйста, – процедил Вадим.

Татьяна вздрогнула, поняв, что они сейчас оба обозлены и могут легко покалечить и ее в порыве страсти. Она быстро накинула пальто на плечо, параллельно влезая ступнями в ботинки. Затем набросила шарф на шею, а шляпу решила взять в руки. Осталось только найти сумочку. Краем глаза увидела, как Вадим спас себя от еще одной пощечины, задержав Сонину руку в воздухе. Глаза его наполнились яростью. Татьяна крутилась вокруг себя, пока не нашла сумочку под обувницей. Она быстро схватила ее и, не оборачиваясь, выбежала из квартиры прочь, испытывая возмутительную несправедливость и вину за то, что решила остаться.

Глава 12. Гвоздь программы

Следующие несколько дней для Татьяны тянулись мучительно долго и тоскливо. Остатки настроения добивала гнусная погода. Лили дожди то шквально, то легкой моросью. Ветер разгонял прохожих по домам, офисам и теплым заведениям с вкусной едой и уютной атмосферой.

Татьяна погрузилась в работу, выполняя задания, что ей каждый день порциями выдавала Арина. То были в основном технические поручения: найти информацию, проанализировать цены и условия, созвониться с представителями компаний, сделать заказы или поискать в магазинах нужное для отделки. Арина почти закончила с дизайн-проектом интерьера. Черновые работы в баре шли полным ходом, по ее словам. Татьяна туда не ездила, всю работу делала дистанционно.

От Вадима не было никаких вестей. Сначала она надеялась увидеть его на занятии по рисованию набросков с натуры, но в этот раз в студии ее встретила улыбчивая Люда, которая сказала, что Вадим ввиду занятости отказался от курирования этих занятий. Татьяна даже испугалась, что Соня могла его покалечить, но судила по хладнокровному спокойствию матери – с ним явно все было в порядке. Потом догадалась, что он отказался от этой обязанности из-за нее.

Зато написывал Антон, на чьи сообщения Татьяна отвечала с легкостью, хоть и без особого воодушевления. Помимо приглашений на свидание, от которых она отказывалась, он писал простые вещи, рассказывал о своих буднях. Татьяна ему описывала свои. Они обменивались фотографиями котов, мемами и шутками. Переписка позволяла немного абстрагироваться как от работы, когда было необходимо отдохнуть, так и от мыслей о Вадиме, когда они заходили в тупик.

За прошедшие дни Татьяна почувствовала, как любовь к нему не то что просыпается вновь, а растет полным ходом, становится больше и острее. Ей казалось, никогда раньше она его так не любила, хотя всегда считала, что сильнее просто не способна любить. Любовь заполняла каждую ее клеточку. Хотелось аж лопнуть от собственной наполненности. И поделиться огромным чувством, но было не с кем. Теперь любовь не была взаимна и никому больше не была нужна. Ее требовалось спрятать, зажать в тиски на глубине души и больше не вскрывать, как зловонную рану.

Близился водительский экзамен. Это был отличный предлог, чтобы встретиться с Вадимом. Татьяна написала ему несколько сообщений с просьбой позаниматься хотя бы раз, но он не отвечал. Она писала по сообщению в день. Бесцветные галочки в чате мессенджера показывали, что он их даже не просматривал. Тогда она решила позвонить. Вадим не поднял трубку, но перезвонил сам через минуту.

– Да, Тань.

– Ты не отвечаешь на мои сообщения. Мне не стоило звонить? – виновато спросила она.

Послышался вздох.

– Извини, заработался. Я их видел и честно хотел ответить сегодня. Пригласить тебя завтра утром.

– Да? Отлично. Во сколько?

– Давай в семь. Суббота все-таки.

– Ага, – Татьяна довольно кивнула. – Договорились. Спасибо.

– Давай, – бросил он и завершил звонок.

Один этот короткий разговор приподнял ее дух. Татьяна стиснула спящего Рыжку в крепких объятиях, от чего тот сразу проснулся и, опешив, завертелся. Она зацеловала мохнатую мордочку. Кот уворачивался и слабенько отталкивал назойливые губы лапкой, но это не спасало от натиска ласки и нежности.

– Что тебя так осчастливило? – спросила Адлия с улыбчивым любопытством.

Она сидела на кровати и вязала свитер, который начала еще месяц назад. Он был почти готов теперь. Остался только левый рукав.

– Вадим, – улыбнулась Татьяна, но через секунду погрустнела и спросила. – Глупо, да? Он ведь меня больше не любит.

Адлия пожала круглыми плечами, усмехнувшись.

– Тебе, кажется, это не мешает его любить и быть счастливой.

– Нет. Но… – Татьяна опустила взгляд, – … не может же так всю жизнь продолжаться.

– У всех по-разному, – вздохнула Адлия, приостановив движения спицами. – Я вот про себя думаю, что у меня в жизни была только одна любовь, которую я сама разрушила. Расплачиваюсь до сих пор. Тебе бы я такого не пожелала.

Она взглянула на Татьяну сочувственно. Густые брови нахмурились. Взгляд стал казаться суровым, а за суровостью крылась горесть. Недолго они молчали, потом Адлия подняла улыбчивые глаза и сказала ласковым тоном:

– Ты еще совсем молодая и очень красивая. Вадим, конечно, отличный парень, но точно не стоит из-за него рушить свою жизнь. Он, видимо, и сам это понимает, раз уже пытался тебя с кем-то свести. Почему бы и не попробовать?

Татьяна уткнулась лицом в пушистый мягкий живот Рыжки, таким странным образом закончив неприятный для себя разговор. Разум твердил ей, что Адлия права, но неугомонное сердце отказывалось верить.

***

К семи утра Татьяна, как прилежный ученик, ждала Вадима у подъезда с двумя стаканчиками кофе. Соскучившееся сердце трепетало перед встречей. Она топала ножкой по асфальту в ожидании, кутаясь в шарф. Злилась на шляпу, которая совсем не защищала от холода уши.

Вадим вышел только в двадцать минут восьмого, зевая и потягиваясь. Она недовольно поджала губы, протягивая ему кофе замерзшими пальцами, готовясь предъявить претензию за такое сильное опоздание и оставление на холоде, но когда он обеими руками обхватил вместе со стаканчиком ее пальцы, мгновенно растаяла.

– Прости, что заставил мерзнуть, – сказал сонным голосом, потерев легонько ее ладонь. – Че перчатки не носишь? Холодрыга же.

– Сам-то, – хмыкнула она.

В ответ Вадим достал из карманов куртки две черные хлопковые перчатки:

– Держи, – и сразу направился к машине, выпивая по дороге кофе.

Татьяна с удовольствием их надела, хоть они и не подходили по размеру, из-за чего доставляли больше неудобств, чем пользы, но руки в них быстро согрелись.

В этот раз она вела машину увереннее, потому что чувствовала себя спокойнее. Субботнее утро способствовало расслабленному движению. Улицы стояли полупустые, словно замерзшие. Чувствовалось приближение неизбежной зимы.

После получасового молчания в дороге Татьяна решила спросить о том, что ее волновало с момента их прошлой встречи.

– Вы помирились?

Стараясь глядеть на дорогу, она все же косилась в его сторону, желала уловить эмоции.

– Да, конечно, – равнодушно ответил Вадим.

Лица она не видела. Он смотрел в окно, облокотившись на дверь. После ответа снова зевнул и потряс опустошенный стаканчик. Ничего в нем не шелохнулось. Вадим отправил его в специальное отверстие на выступе между сиденьями.

– Неужели поверила?

Он усмехнулся.

– А куда ей деваться?

Татьяна хмыкнула скептически и нахмурилась.

– А ты ей так легко простил избиение? – не могла угомониться.

Вадим фыркнул.

– Какое избиение? Так, пощечина.

– Ага, уверена, она бы дико возмущалась, если бы ты ей так влепил, – сама возмутилась Татьяна.

– Ну, знаешь, – он вздохнул, – она от бывшего и не такое терпела.

– Сама дура! Видимо, заслужила!

Вадим посмотрел на нее задумчиво с приподнятой бровью, разочарованно мотнул головой и снова отвернулся к окну.

– По-твоему, всех дур бить надо?

Салон заполнило угрюмое молчание. Гнев отпустил, и Татьяна только тогда осознала, что ляпнула лишнее. Стало стыдно, потому что она не знала, о чем говорила.

– Извини. Я это сдуру ляпнула. Мне просто за тебя обидно.

– Тань, мне твоя жалость не нужна, – раздражился Вадим. – И вообще, с каких пор ты гуру отношений, чтоб в чужие лезть?

Молчание стало угрюмее прежнего.

Они доехали до экзаменационных маршрутов. Татьяна, все еще обижаясь на его грубость, вела машину просто прямо по проспекту. Потом Вадим указал ехать налево, и на следующем перекрестке она свернула на двухполосную улицу без светофоров с множеством лежачих полицейских. Пришлось замедлить ход и внимательно следить за сцеплением, но перед первым же препятствием она переволновалась и заглохла, только передние колеса пересекли небольшой барьер. Вадим цокнул. Татьяна принялась судорожно заводить машину, параллельно глядя в зеркало заднего вида. Ни один автомобиль за ними не ехал – можно было не нервничать, но она не могла взять себя в руки. Ключ зажигания никак не поддавался.

Вадим перенес аккуратно ее руку на рычаг коробки передач, и вместе они перевели его в нейтральное положение.

– Теперь выжми сцепление, – спокойным тоном командовал он и поднес ее руку обратно к ключу. – Заводи.

Ключ повернулся легко. Двигатель заработал. Можно было включать первую скорость и ехать. Пустая дорога находилась полностью в их распоряжении. Татьяна повела плечами и поелозила на сиденье, ища удобную позу. Атмосфера разрядилась, но его слова крутились в голове и на каждом круге ранили.

– Почему ты Антону отказываешь в свидании? – спросил Вадим. – Он теперь меня заставляет организовать вечеринку и пригласить вас туда обоих, лишь бы встретиться с тобой.

Татьяна выпустила измученный вдох.

– Извини. Я тебе только проблемы создаю, – звучала жалобно, сокрушалась от собственной неспособности решиться даже на простое свидание, потому что для нее это значило утратить надежду на Вадима. Хотя эта надежда постепенно угасала сама с каждым разом, когда он доказывал, что все окончательно кончено.

– Я в любом случае устраиваю вечер настольных игр сегодня. В семь. Придешь?

Татьяна кивнула. Сама не поняла, почему, машинально или как.

Занятие она откатала спокойно. Больше тему отношений они не поднимали, поэтому волноваться было не из-за чего. Она благодарила Вадима за то, что он не зацикливался на больном и дальше вел себя, как обычно: шутил, смеялся, рассказывал дурацкие истории. Начинал с того, как они с Антоном в художке учились. Потом перешел на свое маленькое детство.

Татьяна вспомнила, что хотела ему помочь с бабушкиным сервизом, и решительно настроилась, придя домой, заняться этим делом. Ей хотелось хоть как-то загладить вину. Она ведь во многом была перед ним виновата. Простил или нет, но Вадим ей об этом хотя бы не

напоминал и больше не упрекал. «Наверно, его и, правда, это уже не волнует», – одновременно с легкостью и с тяжестью подумала Татьяна.

Еще за завтраком она начала искать информацию о сервизе в интернете. В результате весь день убила на то, чтобы найти, как он называется, когда и какой фабрикой выпускался. Узнав, вспомнила, что Вадим это рассказывал, а она забыла, и взбесилась сама на себя, но время уже потратила. Найдя сайт, где размещали объявления о продаже антикварной посуды, целых сервизов и их частей, Татьяна подписалась на уведомления, чтобы отслеживать, вдруг кто-то будет продавать тот самый.

Успокоившись на этом, она побежала в душ собираться на вечеринку. Пусть это не было свиданием, но ей захотелось прийти нарядной. Татьяна и сама не решила, для кого больше: для Вадима или для Антона, но утешила себя мыслью, что для последнего, поскольку на Вадима теперь ничего не действовало.

Натянув желтую юбку-карандаш, которая жирно подчеркивала сексуальность бедер и ягодиц, и черную водолазку с толстым горлом-воротником, она накрасила губы алой помадой и заплела волосы в пышный пучок. Строгость образа разбавила несколькими вывалившимися по бокам прядями. Так одевалась Арина, если шла на свидание с мужчиной, от которого ничего не хотела получить. Зато, как правило, потом получала от него все, что хотела.

В квартире играла танцевальная музыка, которую Татьяна слышала из подъезда. Дверь ей открыла Соня в тонкой белой майке и широких черных джинсах. Тапочки она обула другие, тоже розовые и пушистые, но с бантиком на носках.

– Заходи, – недружелюбно проговорила Соня и кинула под ноги свои бывшие тапочки.

Татьяна в них теперь не хотела залезать, но пол в квартире Вадима, как всегда, был грязнее грязного. «Удивительно, ему даже перед друзьями не стыдно», – досадовала она. Пока раздевалась, слышала дружный смех и знакомые голоса из спальни-гостиной. Среди них распознала хихиканье Алисы, хохот Дэна и заливистый смех Вадима. Остальных пока не узнала. Соня быстро исчезла за дверью кухни. Музыка сменилась с электронной на рок-н-ролльную.

– Опять, – устало протянуло сразу несколько человек.

Снова разразился гогот. Татьяна поправила пучок перед зеркалом и показалась в проеме комнаты. Все, кроме музыки, сразу притихли и уставились на нее. Вадим находился в центре с куском пиццы в руке и замер в позе танцующего с широко расставленными ногами. Дэн с Алисой стояли в обнимку рядом с бумажными стаканчиками в руках. Женя, сидя на Андрее в кресле, отрывала куски от пиццы на журнальном столике. Антон стоял в стороне робко, спрятав руки за спину.

– Всем привет, – помахала Татьяна рукой, чувствуя, как две третьих из присутствующих не рады ее появлению: Дэн с Алисой сверлили презренными взглядами, Женя с Андреем не по-доброму щурились.

Сзади ее толкнула Соня, буквально впихнув в зал, и, гордо пройдя к Вадиму, сразу его обняла – пометила собственность.

– Руки не распускай, – выжал он сквозь зубы, негромко, но все слышали, потому что музыка ровно в это мгновение стихла.

– Я ее только слегка подвинула. Че стоять-то на проходе? – Соня отпрянула от него, сама невинность, а потом, глянув на Татьяну, закатила глаза. – Простите, ваша нежность.

Вадим вздохнул и извинился перед Татьяной глазами.

– Все нормально, – она постаралась улыбнуться. Не желала с ходу портить вечер.

– Проходи, угощайся пиццей, – уже ласково проговорила Соня, указывая на письменный стол в углу и на журнальный столик у окна, на которых лежали плоские коробки. – Алкашка на кухне. Сама там себе что-нибудь сообрази.

– Да, спасибо, – кивнула Татьяна и сразу отправилась туда, решив, что сначала нужно сообразить с алкоголем, чтобы потом спокойно соображать в компании.

Разворачиваясь, она поймала влюбленную улыбку Антона и его внимательный взгляд. Он последовал за ней.

– Давай, я за тобой поухаживаю, раз тут хозяева такие негостеприимные, – сказал Антон, беря в руки бутылку вина.

Татьяна сжала губы в правую сторону и осмотрела кухонный гарнитур, который был заставлен разными видами алкогольной продукции, но первой ее глаз приметил текилу. Посчитав, что церемониться незачем, она остановила Антона жестом и добыла из недр шкафа со стеклянными дверцами хрустальную стопку, покрытую толстенным слоем пыли. Отмыв ее, влила туда прозрачную жидкость и опрокинула в рот. Закуску нашла быстро – на столе в плетеной вазе для фруктов лежала клубника. Она сунула в рот сразу горстку. Антон смотрел с изумлением, все еще держа в руке вино.

– А ты времени зря не теряешь, – усмехнулся он, со стуком поставив бутылку на столешницу. – Угостишь?

И тоже достал из шкафа стопку. Татьяна, улыбаясь, налила ему и еще раз себе по шоту. Чокнувшись, выпили.

– Тоже чувствуешь себя здесь лишним? – спросила она.

– Или гвоздем программы, – посмеялся Антон. – Я ведь попросил все это устроить ради тебя.

Они встретились взглядами. Татьяна почувствовала, как жар смущения охватывает лицо. Он миловидно улыбался. Его так и хотелось схватить за глубокие ямочки на щеках, но она еще не напилась до той стадии, когда могла себе это позволить, не раздумывая.

– Я понял, что свидания мне не дождаться, но я еще не сдался, – сказал он без толики грусти, держа улыбку шире.

Татьяна опустила голову.

– Пойдем в комнату.

Музыка снова сменилась на что-то попсовое, но веселое. Вадим кружил Соню за руку по всему залу. Дэн с Алисой смеялись над ними, обнимаясь. Женя с Андреем ругались из-за пиццы. Увидев Татьяну и Антона за ней, Вадим остановился и подошел к ноутбуку на столе, чтобы убавить музыку.

– Ну че, в настолки поиграем? – предложил громко, хотя музыка стихла до беззвучия.

Вадим снова наклонился над ноутбуком и чуть прибавил громкости. В комнате воцарился приятный музыкальный фон. Татьяна подошла к письменному столу за пиццей и оторвала себе кусочек от «Гавайской». Вадим посмотрел на нее с коварной улыбкой.

– Какую бы такую игру придумать, чтобы вы с Антоном сворковались?

Почесывая подбородок, он задумался. К нему сбоку почти сразу пристроилась Соня и одарила Татьяну злобным прищуром. Чтобы выйти из зоны поражения, Татьяна отошла на несколько шагов в сторону. Соня чмокнула Вадима в плечо. Он завис в своих мыслях, не обращая ни на кого внимания.

– Давайте в «Мафию», – выкрикнул Андрей, выкарабкиваясь из низкого кресла.

Женя со стаканчиком оперлась плечом о платяной шкаф, встав рядом с Дэном и Алисой. Андрей подошел к ней сзади. Татьяна посмотрела на них озадаченно. Это была ее нелюбимая игра.

– Нас не слишком мало? – спросила Алиса, пересчитывая глазами всех присутствующих.

В Татьяне проснулась надежда.

– Самое то, – возразил Андрей.

Больше возражений не поступило. Вадим все еще стоял неподвижно. Надежда в Татьяне быстро гасла.

– Вад, че тупишь? – посмеялся Дэн. – Мы уже давно решили, играем в «Мафию».

Только когда Соня похлопала его по щеке, он пришел в себя.

– В «Мафию»? Ну давайте, – согласился без особого энтузиазма.

Последняя надежда Татьяны улетела за горизонт событий.

Они расселись в странный, бесформенный круг возле дивана, который стал главным вместилищем гостей – на нем поместились сразу две пары: Андрей с Женей и Дэн с Алисой. Вадим притащил кресло, чтобы посадить туда Соню, но она усадила туда его, а сама села ему на колени. Татьяна и Антон принесли себе стулья из кухни.

– Нас восемь, значит, будет две мафии, путана, доктор и комиссар, – деловито озвучил Андрей, выбирая из колоды карт названных персонажей. – И трое мирных.

– Я буду ведущим! – поднял руку Вадим.

– Нееет! – разочарованно протянули все, кроме Татьяны и Антона.

– Пусть карта выберет ведущего, – предложила Соня, обхватив его голову.

– Да зачем, если есть желающий? – он высвободил лицо из объятий. – Вдруг выпадет на кого-то, кто не хочет. Все, я буду ведущим.

Вадим поднялся, усадив Соню на свое место, и выхватил у Андрея карты. Перетасовав, раздал каждому по одной рубашкой вверх. Татьяне досталась карточка с надписью «Путана». Она плохо помнила, что делает этот персонаж в игре, хоть название и говорило само за себя. Единственное, что она знала из правил игры, так это то, что себя никак нельзя выдавать, поэтому поднялась со стула, подошла к Вадиму вплотную и потянула за плечо вниз. Соня, щурясь, следила за ней. Все остальные тоже внимательно наблюдали.

– Я не помню, что делает мой персонаж, – шепнула Татьяна Вадиму на ухо.

Раскрыв ее карточку, он ухмыльнулся.

– Невинное мое дитя, как объяснить, не разрушая твоего целомудрия?

Вадим фальшиво задумался, приложив указательный палец ко рту.

– Мое целомудрие ты разрушил полтора года назад, – процедила она шепотом, легонько ткнув его кулаком в бок. – Можешь просто правила объяснить?

Увернуться от удара у него не получилось. Вадим посмеялся тихо и прильнул к ее уху, взяв Татьяну за щеку с другой стороны. Большой палец скользнул по губам и лег в уголок рта. Она встрепенулась. Чуть его не облизала. И замерла.

– Твоя задача каждую ночь выбирать любого игрока и ублажать его так, чтобы он днем молчал и не участвовал в общем обсуждении, – шептал он торопливо. – А еще, если его убьет в эту же ночь мафия, то он не умрет. Но если мафия убьет тебя, то умрете вы оба.

Убрав руку, Вадим посмотрел ей в глаза, искал понимание.

– Угу, спасибо, – Татьяна сглотнула и вернулась на место.

Соня сверлила ее глазами-щупальцами, которые вытаскивали нутро наружу, но Татьяна умело отворачивалась.

Когда все были готовы, игра началась.

Из Вадима получился прекрасный ведущий. Он задавал веселый и одновременно интригующий тон игре, вставлял шутки и придавал голосу то зловещую таинственность, то забавную трусость, то веселую безмятежность. А еще грамотно направлял обсуждения и не поддавался на провокации Сони, которая то и дело пыталась выяснить, кто есть кто в игре, чем бесила Татьяну. Тех, кто слишком зацикливался на споре друг с другом, он играючи останавливал, а тех, кто отстранялся от всех и отмалчивался, как Татьяна, постоянно вовлекал в обсуждение, задавая коварные вопросы и делая меткие замечания.

Татьяна продержалась три ночи, что стало ее личным рекордом в истории игры в «Мафию», а вместе с ней погиб и Антон, оказавшийся комиссаром. Не обошлось без шуток про чертиков в тихом омуте полицейского и коварство Татьяны, его соблазнившей. Антон смутился. Она поддержала его доброй улыбкой.

Умерев в игре, фактически ее закончив для себя, Татьяна с куском пиццы вышла на кухню, чтобы выпить. Текилы пока не хотелось. Она взяла ту бутылку вина, что изначально

предлагал Антон. Он не заставил себя долго ждать и появился в проеме кухни, как только Татьяна наполнила бумажный стаканчик красным сухим.

– Веселая игра была, – отметил он, взяв ту же бутылку.

– Я не люблю «Мафию», – пожала плечами Татьяна и отвернулась к окну.

Наступила неловкая пауза, которую она заедала пиццей.

– Ты такая недоступная сегодня, – усмехнулся Антон спустя минуту.

– В смысле?

Насупившись, Татьяна сделала большой глоток.

– Трудно тебя разговорить. Я тебя докучаю?

Он посмотрел в глаза. Татьяна слегка свои сузила.

– Или у тебя кто-то есть?

– Кто-то был, – ответила она с неохотой.

– Я готов ждать, – серьезно заявил Антон и выпрямил плечи, вызвав в Татьяне улыбку.

Она усмехнулась и снова отправилась в зал.

Вскоре игра закончилась победой мафиози, которым оказался Дэн. Он торжественно выпил за себя темный коктейль из кока-колы и принял знаменитую позу Фредди Меркьюри. Алиса аплодировала мужу. Соня радовалась, потому что тоже была мафиози.

– Теперь нужно сыграть во что-то алкогольное, чтобы догнаться, – предложила Женя, опрокинув в рот последнюю каплю вина из стаканчика.

– Может, «Я никогда не…»? – предложила Соня.

Алиса, Дэн и Андрей с энтузиазмом подхватили. Вадим выразил на лице скепсис, но вслух не возражал. Антон с Татьяной переглянулись непроизвольно и оба пожали плечами.

Вадим быстро приготовил два простеньких коктейля в кувшинах, смешав в одном водку с апельсиновым соком, а во втором – текилу с яблочным. Потом Соня принесла с кухни еще один кувшин с чем-то красным: то ли вином, то ли вишневым соком, то ли еще одним коктейлем. Вадим сбросил с дивана покрывало прямо на пол и предложил садиться на него. Все расположились кругом по парам в обнимку. Татьяна с Антоном сели просто рядом. Каждый выбирал себе напиток по вкусу. Татьяна взяла с текилой. Вадим тоже. Соне и Алисе он налил красный. Остальные взяли водку с апельсином.

– Все помнят правила? – спросила Женя и, не дожидаясь ответов, пояснила. – В общем, задача упить всех остальных, а самому остаться как можно трезвее. Каждый по очереди говорит то, что он никогда не делал. Те, кто это делал, должны выпить.

Все закивали. Начать решили с Татьяны. Фраза пришла ей в голову сразу.

– Я никогда не играла в «Я никогда не…», – сказала она с улыбкой.

Все посмеялись, выпили по первому шоту и стали передавать друг другу по очереди кувшины. Следом за ней по часовой стрелке сидел Антон. Все уставились на него в ожидании. Немного подумав, парень сказал:

– Я никогда не… нарушал правила дорожного движения.

– Да ну?! – в унисон удивились Вадим с Дэном и уже подняли стопки.

– У меня до сих пор прав нет, – посмеялся Антон. – Я за рулем машины-то никогда не сидел. Ну а что? Меня всегда возят.

– Мажор, – подметил Дэн.

Ребята посмеялись и абсолютно все, кроме Татьяны, выпили. Вадим возмутился, посмотрев на нее с вопросом.

– А ты че не пьешь?

– У меня же тоже нет прав, – недоумевала она.

– Именно. Ты нарушила ПДД, когда села за руль моего «Фольксвагена» без прав, – коварно ухмыльнулся он, подмахивая рукой снизу в призыве выпить.

Она закатила глаза и опустошила первую стопку. После чистой текилы вкус показался приторно-сладким. Соня взглянула на нее с недоброй ухмылкой. Следующую фразу нетерпеливо задала Женя, будто придумала ее заранее, сообщив, что она никогда не писала в писсуар. Выпили все парни, а заодно и Алиса с Соней.

– Как? – смеялась Женя над ними.

– Мы решили просто попробовать, – ответила Алиса. – Там мужской туалет пустой был.

Дэн ударил себя по лбу рукой, протянув:

– Чего еще я о своей жене не знаю?

Алиса расхохоталась громко, а потом обняла его и чмокнула в щеку. Следующий за Женей Андрей, оказалось, никогда не писал в реку. Дэн и Вадим, покраснев, выпили залпом. Андрей коварно похихикал – был свидетелем их страшного преступления.

– Да как тебя, вообще, в экопроект пригласили?!

Соня толкнула Вадима в плечо. Смеясь, он упал локтем на пол.

– Нам тогда по семнадцать было всего! – оправдался за себя и за Дэна, посмотрев на друга стыдливо.

Тот виновато опустил глаза и приложил руку ко лбу. Алиса ласково погладила его по щеке.

– Скучные вы. Надо разнообразить, – сказала Соня, когда настал ее черед, и, задумчиво глядя в потолок, произнесла. – Я вот никогда не… занималась сексом... ммм… в лифте.

Вадим посмотрел на Татьяну. Она облизала губы, вдруг занервничав. Выпили только они двое, молча, стараясь больше не смотреть друг на друга, словно стыдились этого. Соня приоткрыла рот, переводя догадливый взгляд по кругу. Дэн с Алисой одновременно вскинули брови изаулыбались. Андрей недоуменно глядел на Вадима.

– Вы это вместе, что ли, делали? – задала всеобщий вопрос Женя.

Антон уставился на Татьяну круглыми глазами и открытым ртом. Она отвела взгляд в сторону, сжимая губы.

– Вы встречались? – Антон нахмурился и повернул лицо к Вадиму.

Тот почесал нос, глядя на покрывало под собой.

– Ты не знал? – теперь удивилась Татьяна.

Антон закачал головой, а затем, приложив указательный палец к губам, протянул:

– Конечно, стоило догадаться... Как еще он мог написать такую прекрасную картину, если бы не любил…

Татьянино сердце сжалось. Сонины глаза вспыхнули. На скулах Вадима заходили желваки.

Воздух в комнате становился все заряженнее. Казалось, тучи сгущались прямо под потолком. Вот-вот польет ливень и загремит гром, а потом и молнии начнут пулять в каждого.

Женя виновато скользнула левым уголком губ вниз. Татьяна бы с охотой выпила еще шот, если бы не правила.

– Теперь понятно, почему он не хочет мне ее продавать ни за какие деньги, – пробормотал Антон, почесывая подбородок.

Соня резко посмотрела на Вадима, сжав губы. А он сверлил Антона сердитым взглядом, но через несколько секунд, не реагируя на свою девушку, холодно сказал:

– Мой черед, – и после драматичной паузы объявил. – Я никогда не занимался сексом с человеком одного с собой пола.

Никто не выпил, зато все переглядывались и удивлялись.

– Однако, какие приличные люди здесь собрались, – отшутился Вадим.

Остальные выдавили по смешку.

– Я никогда не занимался сексом с человеком в первый день знакомства, – озвучил Дэн, обняв Алису за талию.

Соня выдула свою порцию, не мешкая. Вадим за ней.

Татьяна вспомнила кинки-вечеринку и Ромчика, но решила уточнить:

– А под сексом что именно понимается?

Вадим взглянул на нее с легким нахальством и одновременно укоризной.

– Все действия сексуального характера. Оральный точно входит.

Его усмешка разрезала Татьяне совесть пополам. Одна часть еще стыдилась себя и чувствовала вину перед ним, другая отказала, пока душа радовалась, что отомстила за все заранее.

Татьяна выпила. Антон с легким изумлением взглянул на нее, хотя сам тоже выпил. Женя с Андреем их поддержали.

Настала очередь Алисы. Перед тем как сказать, она почему-то посмотрела на Татьяну. Взгляд у нее был загадочный, но однозначно не добрый.

– Я никогда не занималась сексом при посторонних и на камеру, – произнесла с ехидной.

Выпить пришлось одной Татьяне. Сдержав гневный вздох, она опрокинула шот и громко поставила его перед собой. Все остальные, кроме Вадима, Дэна и Алисы, вытаращили глаза. Сначала в них отражалось искреннее изумление, которое быстро сменилось презрением, насмешкой и даже отвращением. Больше всего ей было стыдно перед Антоном, чей разочарованный взгляд она поймала первым. В груди загорелась жажда мести. Татьяна посмотрела на Алису исподлобья. Та в ответ ухмылялась, довольная собой. Соня злорадствовала.

– Это всего лишь шибари-перфоманс был на кинки-вечеринке, – объяснил Вадим Антону. – Ее туда моя мать затащила силой. И заставила участвовать в этом.

Антон лишь многозначительно промычал, опустив глаза в шот перед собой. Обняв себя за колени, Татьяна положила на них подбородок и уставилась на собственные ступни в капроновых колготках. Заметила на кончике большого пальца небольшую растяжку. Расстроилась.

– Тань, твоя очередь, – разрушил ее неловкость Вадим.

Татьяна взглянула на него тоскливо. Перебирала в голове, чего она с ним не делала и никогда уже не сделает. Перевела завистливый взгляд на Соню. Напоролась на презрение и нечто неопределенное.

– Я никогда не… каталась на воздушном шаре. С любимым человеком.

Вадим сдвинул брови и быстро глянул на Соню, а потом опять на Татьяну, которая сразу опустила взгляд, потому что не хотела чувствовать на себе жгучее внимание соперницы и еще более острую ее усмешку. Сбоку глядел Антон. С сочувствием или жалостью.

Соня выпила залпом и ждала того же от Вадима, который колебался. Вертел в руке стопку и жидкость в ней. Морщил лоб, ни на кого не смотря. Но невольно ответил на Татьянин вопросительный взгляд. Все ждали, когда он выпьет, и Вадим послушно глотнул, раз, два, докончил только с третьего. Татьяна обхватила себя руками и замерла. Глаза застыли на любимом лице. Но он кивнул на Антона, указывая на его ход.

Смутившись, Антон повел плечами и задумался. Лишь через полминуты странного напряжения улыбнулся и озвучил, насколько смог непринужденно, а сам краснел:

– Я никогда не... занимался сексом на пляже.

Вадим закатил глаза, но выпил. Дэн с Андреем захихикали, как мелкие хулиганы.

– Тань, ты тоже пей, – Андрей кивнул на полную стопку перед ней. – Мы-то помним, что тогда на мальчишнике Дэна произошло. Твои сладострастные стоны по всему заливу разлетались.

Он два раза быстро поднял брови, скривив рот в усмешке. Взгляды всех опять приковались к Татьяне. Она облизала губы и опустошила шот. Увидев, как Вадим смущенно отворачивается, Соня гневно хмыкнула и резко поднялась на ноги.

– Я хочу без очереди! – воскликнула. – У меня есть отличная фраза. Раз уж сегодня вся речь только о ней. Я никогда не... переставал любить Татьяну!

Ткнув в нее пальцем, Соня сразу повернулась к Вадиму. В голубых глазах ее горели красным пламенем огоньки ревности и злости. Он расширил ноздри и, не отводя взгляда, едва сдержал гримасу ярости. Все сидели в недоумении. Татьяна размышляла над правильностью постановки фразы, хоть суть была понятна и так.

– Ну же, пей! – подмахивала с фальшивой улыбкой Соня. – Здесь все знают, что ты должен выпить.

Вадим не двигался. Не выдержав натиска, Татьяна ответила за него:

– А я знаю, что не должен, – старалась держать голос холодным.

Соня устремила в нее остервенелый взгляд. Татьяна сглотнула боль и тоже поднялась на ноги.

– Хочешь честно? Я пыталась приставать к нему голая. Он себя даже поцеловать не дал. Так что глупый был вопрос, как и твоя ревность.

Алиса ахнула. Антон разинул рот. Шок Дэна и Андрея выдавали опущенные губы и широко раскрытые глаза. Женя вытянула рот трубочкой.

Вадим опустил голову и сложил руи треугольником, положив локти на колени. Ступни свел вместе. Спину округлил. Выражения лица Сони менялись быстро, резко перетекая из одного состояния в другое. Она хмурилась, морщилась, стискивала зубы и кусала губы. Глаза выражали весь спектр эмоций, которые Татьяна хорошо понимала. Она много раз испытывала то же самое.

– Да нет, – процедил Вадим, мотая головой. – Она хочет, чтобы я выпил.

Глядя Соне в лицо, он поднял стопку и со словами: «Твое здоровье!» медленно перелил жидкость в рот, вытерев после губы рукавом свитера. Соня прорычала в бешенстве и толкнула его за плечи, уронив на пол.

– Что и требовалось доказать!

– Мне надоело постоянно что-то доказывать! – Вадим вскочил. – И оправдываться. У всех у нас есть прошлое. Твое прошлое тебя тоже до сих пор достает. Я же терплю. Потому что знаю, что ты мое настоящее, с которым я хочу строить будущее. Потому что я тебе доверяю. Если ты выбрала меня, то я не сомневаюсь в этом.

– В том-то и дело, что я не твой выбор, – в Сониных глазах показались слезы. – А всего лишь запасной вариант. Если бы она согласилась тогда здесь остаться, ты бы в мою сторону даже не взглянул.

Она снова ткнула рукой в Татьяну, заставив ее сжаться и застыть на месте.

– Какая разница, Сонь? – спокойнее спросил Вадим. – Я ведь был честен с тобой с самого начала. Сейчас все это не имеет значения. Мы же все решили. Мы с тобой договорились.

– Договорились! – утвердительно закачала головой Соня. – «Балерину» продать мы тоже договорились. Однако ты ее до сих пор держишь у Аделаиды, матери этой сучки. Ты говорил ее никто покупать не захотел, а тут выясняется, что ты человеку ее ни за какие деньги не продаешь!

Теперь она указала на Антона. Тот сидел с хмурым недоумевающим видом, сцепив пальцы в замок. Вадим проследил за ее рукой, но быстро вернул взгляд Соне. Глаза оледенели. Лицо приняло каменное выражение. «Совсем как у матери», – подумала Татьяна.

– Тебя только это смущает? Картина? – спросил он чересчур ровно.

Соня ничего не ответила, дышала тяжело.

– Окей, – Вадим повернулся к другу. – Антоха, сегодня твой день. Я дарю тебе «Балерину». Можешь хоть сейчас ехать забирать.

Татьяна ахнула и сразу прикрыла рот. Сердце рассыпалось, как карточный домик. Она и сама не понимала, почему. Она бы не пользовалась этой картиной, не в качестве декора точно. «Балерина» имела для нее другую ценность, словно оставалась последним связующим звеном между ней и Вадимом, последним напоминанием о той любви, которая так и не сбылась.

Антон опешил, закопошился, поднялся, отряхнулся и посмотрел недоверчиво.

– Серьезно?

– Я сейчас на шута похож? – Вадим нервно взмахнул рукой.

Антон быстро замотал головой в стороны. Все остальные, пребывая в шоке, не двигались и молчали.

– Позвони Аделаиде, – потребовала Соня. – Скажи, кому ты ее отдаешь.

Вадим взглянул на нее недовольно, но взял в руки телефон и набрал кого-то из контактов. В комнате воцарилась тишина. Длинные гудки разносились по всем углам и стенам, накаляя атмосферу. Мама долго не брала трубку. Татьяна надеялась, что она не ответит никогда. За один такой длинный гудок сердце успевало отбить быстрый ритм несколько раз.

– Алло? – наконец, послышался мамин голос.

Татьяна закрыла глаза, прислушиваясь к фоновому шуму.

– Ада, привет. Я «Балерину» другу своему подарил. Антону Токареву.

– Как? – испугалась та. – Ты уверен?

– Да. Он сегодня ее сможет забрать? Ты дома?

Мама несколько отчаянных секунд медлила с ответом, но сдалась.

– Буду через час. Пусть приезжает.

– Окей, спасибо. Я ему скину твой адрес тогда. А тебе его телефон.

Закончив разговор, Вадим еще минуту печатал сообщения. Все молча за ним следили. Татьяна смотрела жалостно. Казалось, сердце оборвалось и выпало из груди, словно инородное тело, отвергнутое организмом.

– Довольна? – спросил Вадим у Сони. – Мы можем закрыть эту тему?

Запиликал телефон Антона. Он прочитал сообщение и счастливо улыбнулся.

– Спасибо, Вад, получил!

Соня выдохнула и высокомерно опустила глаза в пол, сказав короткое: «Да».

– Благодарю за чудесную вечеринку, – процедила Татьяна, поймав взгляд Вадима. – Была рада опять вас всех развлечь! Захочется кого-то унизить, обращайтесь!

Она сделала красивый реверанс и выбежала в прихожую. Схватила вещи и вырвалась из квартиры. Даже дверь за собой не закрыла.

Глава 13. Прошлое

Воскресенье Татьяна хотела провести в одиночестве. Большую часть дня гуляла по городу, разглядывая лица прохожих, радуясь, что никого в них не узнает, и наслаждалась прохладой, которая знаменовала скорый приход зимы. Морально она пыталась подготовиться к экзамену. Пара простых поручений от Арины и необходимость повторить правила дорожного движения к вечеру завели ее домой.

Лежа с Рыжкой на животе, Татьяна читала правила, когда получила сообщение от Вадима, о котором запретила себе думать. Он писал: «Так уж и быть, уговорила. Проведу с тобой одно занятие перед экзаменом. Завтра в шесть у моего подъезда». Татьяна показала язык его наглости и не стала ничего отвечать.

Однако сознание само включилось в половину пятого утра, и без будильника. Пришлось решить, что дополнительное занятие перед экзаменом не будет лишним. В этот раз опоздала она, минут на пятнадцать, потому что менеджер долго возился с кофемашиной. Кофе она купила только себе. Вадим переминался с ноги на ногу на тротуаре, сунув руки в карманы куртки. Ни шапки, ни шарфа на нем не было. Он шмыгал носом, который от ветра покраснел, как и щеки с ушами.

– А где мой кофе? – спросил с претензией, завистливо глядя на стаканчик.

– Обойдешься, – Татьяна не улыбалась ни ртом, ни глазами.

Вадим посмотрел внимательно и легко выхватил стаканчик из слабых рук.

– Эй! – вскрикнула она обиженно, совсем по-детски, но не предпринимала попыток вернуть отобранное.

Отшагнув, он сперва довольно улыбался, держал напиток высоко над собой, ждал, когда Татьяна за ним потянется, но быстро догадался, что игра не удалась.

– Какая ты суровая сегодня, – буркнул, опустив виноватые глаза, и глотнул кофе, однако вернул его Татьяне.

Она сверлила глазами на нем жирную дыру в районе кадыка. Взяв стаканчик, опрокинула его и демонстративно выпила за несколько глотков все до последней капли. Мусор выбросила в урну рядом и, наконец, ответила:

– Не выспалась.

Вадим усмехнулся и двинулся к машине. Татьяна смерила его кровожадным прищуром, но зашагала следом. Она села на водительское сиденье. В груди клокотали раздражение и обида. Нервничая, сама не понимая, по какому поводу, Татьяна дрожащими руками проводила стандартные манипуляции с управлением в автомобиле. Завела мотор, пристегнулась и медленно отпустила педаль сцепления, чтобы стартовать, но машина не двигалась с места. Татьяна выругалась и поддала газу. Подумав, что мешает препятствие перед колесами, вытянула шею посмотреть, что под ними творится.

Вадим левой рукой быстро коснулся ее волос. Татьяна не поняла, что это был за жест, и не придала значения. Она решила открыть окно и высунуть голову, надеясь, что так увидит больше. Вадим еще несколько раз коснулся ее головы. Она хмуро на него посмотрела, наморщив лоб, но, не получив ответа, отвернулась к педалям.

Татьяна пробовала стартовать снова, давя на газ. Машина дергалась несколько раз, но не двигалась с места. Она дала больше газу и еще медленнее начала отпускать сцепление, прильнув к рулю, будто это помогало контролировать ситуацию лучше. Чуть развернувшись корпусом, Вадим откинул затылок в угол между сиденьем и дверью и посмотрел с усмешкой. Татьяна выжала педаль газа в пол, и машина, к удивлению, поехала. Она счастливо заулыбалась и помотала головой. Затылком почувствовала, как тяжелый пучок спадает вниз, ничем не закрепленный, и догадалась, чем занимался Вадим все это время – воровал ее шпильки.

Машина ехала очень туго, словно двигалась в воде. Беспокойные глаза обегали салон, но не находили причины. Когда Татьяна снова высунулась из окна, Вадим ловко стянул с ее волос резинку и нацепил себе на запястье. Она бросила в него гневный взгляд и, увидев у обочины свободное место, остановилась там.

– Хватит дурачиться! Лучше бы помог! – ладонями стукнула по рулю.

Вадим расхохотался.

– Что смешного? В субботу не насмеялся надо мной?

Татьяна уже пыхтела от злости, раздувая ноздри. Под ее взглядом он успокоился и сел ровно, но продолжал молчать. Усмешка тоже не ушла с его лица до конца, спрятавшись в легком прищуре и уголках губ.

– Ох, надеюсь, мне больше никогда не понадобится твоя помощь, – проворчала Татьяна, отвернувшись к окну. – И этот чертов «Фольксваген»!

Она с чувством пнула боковую подножку для левой ноги.

– Жаль, я его тебе как раз подарить собирался, если ты сдашь сегодня экзамен, – с фальшивым сожалением произнес Вадим.

– Что? – встрепенулась Татьяна и развернула к нему удивленное лицо. – Ты серьезно?

– Ну, да.

Он заглянул в глаза открыто, добродушно, с улыбкой. Татьяна насупилась.

– Какой-то ты больно щедрый стал в последнее время. То картину даришь другу, то мне машину. В чем подвох?

– Это все однодневные акции, – усмехнулся он и отвернулся к двери. – Дарю машину только сегодня. Так что не провали.

– И я даже не буду ничего тебе за это должна? – все еще не верила своему счастью Татьяна.

– Абсолютно.

Она хмыкнула и снова завела мотор. Раздражение как рукой сняло, но машина снова упиралась.

– Да что с ней не так?! Поэтому ты мне ее и даришь, видимо, что она сломалась!

– Ручник сними, – рассмеялся Вадим.

Татьяна бросила взгляд на ручной тормоз. Она, действительно, забыла опустить его и, поняв ошибку, тоже расхохоталась в голос. Они долго смеялись заливисто и от души. Татьяна себе чуть живот не надорвала. Вадим стучал рукой по ручке дверцы, задыхаясь от собственного хохота. Такой безудержный дружный смех помог им окончательно расслабиться.

Успокоившись, Татьяна тряхнула головой и потрепала волосы. Захотелось снова собрать их в пучок. В таком виде было легче концентрировать внимание. Она закрутила толстую прядь и завернула на макушке, а затем протянула ему руку.

– Резинку.

– Не отдам, – просто ответил Вадим.

– У меня экзамен на носу! – легко распалилась Татьяна. – Давай сюда мои заколки.

– Да зачем тебе? Так ходи.

– Неудобно!

Выпустив волосы и освободив тем самым руки, она схватила его запястье и начала сдирать с него резинку. Вадим пытался защищаться, вжимаясь в дверь. Татьяна уперлась рукой в опущенный ручник, а указательным пальцем второй оттянула резинку на запястье и резко отпустила ее с хлестким ударом. Вадим зашипел.

– Это мое! – жалобно кричала Татьяна. – Отдай!

Он успел открыть окно за собой и с легкой руки выбросил туда резинку. Татьяна раскрыла рот в немом крике сожаления и боли, будто все ее имущество сейчас улетало в трубу. Вадим смеялся. Он потрепал ее по волосам и провел рукой от уха до самых кончиков.

– Так же лучше.

Татьяна резко помотала головой, зажмурилась и вернулась на сиденье.

– Хватит со мной заигрывать!

Вадим опешил и отпрянул.

– Ты мне в субботу четко дал понять, что я теперь только твое прошлое, – проговорила Татьяна тихим голосом, не глядя на него. – Я с этим смирюсь… когда-нибудь.

Он молча хлопал глазами. В рот воды набрал. И не двигался. А потом опустил взгляд и вжался в кресло.

Татьяна решительно завела мотор и, включив левый поворотник, через боковое зеркало проверила, свободна ли полоса. Можно было двигаться. Она медленно выехала из ряда припаркованных автомобилей и поехала прямо.

Долго они сидели в полной тишине. Татьяна слишком увлеклась управлением автомобилем, чтобы еще управлять музыкой. Вадиму тоже было не до радио. Он сидел в зажатой позе, прижимаясь к двери. Лбом уткнулся в стекло и глядел задумчиво на дорогу. Дышать снова стало тяжело. Приоткрытое окно никак не улучшало ситуацию. Становилось только зябко.

Татьянакаталась по уже знакомым маршрутам без его указок. Сама решала, на каком перекрестке, какой маневр совершить, прокручивала правила в голове, внимательно рассматривала дорожные знаки, стараясь их все запомнить. Два часа пролетели быстро. Поняв, что перед смертью не надышишься, а Вадиму нужно успеть на фитнес и затем на работу, в восемь пятнадцать она припарковалась на дороге неподалеку от здания МРЭО*, где принимали экзамены. Только после остановки Вадим посмотрел в ее сторону.

– Предложение-то еще в силе? – надуто спросила Татьяна, глуша мотор.

– Конечно. Позвони, как закончишь. Я приеду. Здесь на месте все и оформим.

– Не обязательно сегодня, – пожала она плечами в попытке остаться вежливой. – Давай, когда у тебя будет время. Если я вообще сдам, конечно.

Грустный взгляд упал на круглый логотип в сердце руля.

– Я в тебя верю, – ласково сказал Вадим и хотел было протянуть руку к ее волосам, но остановил себя и вместо этого потрепал собственную голову.

Татьяна улыбнулась и тоже растормошила его и без того торчащие во все стороны волосы. Они оказались густыми, плотными и жестковатыми. Ей понравилось. Она повторила. Это было так просто и так приятно. Действительно доставляло удовольствие. Хотелось делать еще и еще. Вадим, в отличие от нее, не сопротивлялся и отвечал улыбкой.

Она смотрела ему в лицо и, осознавая, что снова попадает в ловушку его обманчивого расположения, которое принимала за любовь, отчаянно пыталась разорвать свои чувства, но только запутывалась в них сильнее. Это дезориентировало. Кругом был пустой мир, а впереди – его пустой взгляд, который заманивал в более плотную пустоту. Она заставила себя успокоиться, опустила руки и сникла.

– Спасибо, – вымолвила. – Я позвоню.

Татьяна вылезла из машины. Вадим все-таки успел ухватить ее за прядь длинных волос и напоследок провел рукой от затылка до кончиков. Она не стала обращать на это внимания, как и старалась внутри себя не придавать этому значения.

Свободное время перед экзаменом Татьяна потратила на завтрак в кафе на АЗС – единственном в округе, работающем в столь ранний час. Затем пришлось очень долго ждать регистрации, оформления, пока остальные кандидаты в водители сдадут теоретический экзамен и экзамен на площадке. Она повторяла правила, гуляла вокруг да около, отгоняла от себя мысли о Вадиме, которые кружились над ней, как назойливые мухи.

Забеспокоилась, только когда села за руль экзаменационного автомобиля, раздолбанного, помятого, старого, гораздо более старого, чем «Фольксваген» Вадима. Сцепление под ногой дрожало. Руль шел туго. Приходилось прилагать максимум усилий, чтобы вести машину. Она

крепко обняла ободок пальцами. Попой плотно вжалась в сиденье. Ремнем крепко пристегнула себя к спинке.

У инспектора был то ли усталый, то ли типично ленивый вид. Он говорил медленно и нечетко, будто даже языком не утруждался шевелить как следует. Но Татьяна его понимала ровно настолько, чтобы выполнять указания.

С первым поворотом направо она справилась легко. За ним по правилам уступила пешеходам. Сбавила скорость перед «лежачим полицейским», посмотрела по сторонам, поехала дальше. Сцепление подрагивало под напряженной ногой, но машина не глохла. Затем на нерегулируемом перекрестке был сложный поворот налево. Ей повезло, что машин оказалось мало. Она сразу завернула. Потом экзаменатор попросил сделать разворот в три приема на проезжей части. Татьяна занервничала. Развороты были ее ахиллесовой пятой. Но в прошлый раз они с Вадимом выполняли похожий маневр на другой улице. Она справилась.

Инспектор без эмоций попросил остановиться на крайней правой полосе и расписаться в ведомости о сдаче экзамена. Татьяна возликовала и чуть не кинулась его обнимать на радостях, но ее остановило унылое вытянутое лицо.

Из машины она вылезла без сил, но с полными штанами счастья, и первым делом позвонила Вадиму.

– Тащи мой «Фольксваген» в МРЭО! – проверещала в трубку.

Он засмеялся.

– Поздравляю!

– Спасибо.

Глаза ее, казалось, лучезарным счастьем освещали всю улицу перед собой.

– Ты уже саму карточку получила?

– Нет, надо ждать еще несколько часов, сказали.

Плечи опустились.

– Отлично. Ну, тогда я через пару часиков приеду. Возьми там талон на перерегистрацию ТС. Договор я привезу.

Она сделала все, что он ей сказал, и села в душном зале на железный стул в ожидании Вадима и прав. Чтобы скоротать время, начала читать исторический роман, который ей давно советовала Адлия, и незаметно для себя увлеклась.

– Тебя вызывают, – потормошил ее за плечо Вадим, возникнув меж рядами внезапно, как видение.

Татьяна оторвала взгляд от телефона и растерянно оглянулась по сторонам. Механический женский голос разносился по длинному залу, произнося ее фамилию, имя и отчество. Она соскочила и побежала в кабинет, номер которого сообщил тот же голос. Специально застав врасплох, ее там быстро сфотографировали, напечатали на розовой пластиковой карточке данные, заламинировали и отпустили на все четыре стороны.

Счастливая, держа права у лица, она подбежала к Вадиму, который сел на ее место в общем ряду ждущих очереди на прием людей. Как и ожидала, он долго смеялся над фотографией, громко и безудержно. Татьяна все это время хмуро на него глядела, скрестив руки и ноги.

– Ладно, давай, договор оформлять, – наконец, он успокоился и вытащил из-под себя три листка А4. – Заполняй.

Вадим протянул все три экземпляра ей. Она села рядом через стул, воспользовавшись стулом между вместо стола, и вписала свои данные. Пока Татьяна заполняла договор, Вадим на планшете помог ей оформить страховку. Через несколько минут на почту пришел полис.

– Как удобно, – заметила Татьяна и с благодарностью улыбнулась ему, а потом пригляделась к бланку. – Подожди, ты и за страховку заплатил?

Она быстро метнула в него то ли благодарный, то ли возмущенный взгляд – сама не могла определиться.

– Не бойся, это бонус к акции, – сказал он просто, засовывая планшет обратно в рюкзак.

– Вадим!

– Подвезешь меня до дома за это.

Она тяжело вздохнула, не найдя что ответить. Лишних денег у нее сейчас не было. Это ведь был только первый месяц их с Адлией жизни в Питере. Расплатиться было нечем. Татьяна досадовала на себя, что не подумала о страховке заранее, хотя знала, что ее нужно делать и что она стоит денег. А Вадима ничего не беспокоило.

«Конечно, для него это мелочь, – дулась Татьяна про себя. – Ладно, Антону он вообще пять миллионов подарил».

На все формальности ушел весь вечер. Они долго ждали очереди на прием, затем очереди на технический осмотр автомобиля, затем оформления и выдачи документов. Но зато из МРЭО Татьяна вышла уже с правами и с автомобилем, хотя сама во все это не могла поверить. Она все щипала себя и моргала часто, думая, что спит.

– Ты уверен, что я тебе ничего не должна? – спросила, когда они шли теперь к ее автомобилю. – В договоре ты написал пятьдесят тысяч рублей.

– Это же просто формальность, – отмахнулся Вадим.

– Ну, он ведь наверняка больше стоит. Это дорогой подарок. И ни за что, – робея, она села за руль.

Он усмехнулся, пристегиваясь.

– Ну, подарки всегда ни за что дарятся.

– Я этого не заслужила, – в голосе звучала почти скорбь.

– Это на усмотрение дарителя ведь. Мне эта развалюха все равно не нужна.

– Ну, ты ее Соне мог бы подарить.

Татьяна тут же поджала губы, испугавшись, что он сейчас так и сделает, хоть юридически машина теперь и принадлежала ей.

– У Сони я есть на красивом внедорожнике.

Эта фраза, произнесенная им так запросто, ударила в самую червоточину души. «Смирись», – приказала себе Татьяна и повела автомобиль обратно к его подъезду под беззвездным небом и желтым светом фонарей.

Только приехав домой, она заглянула в бардачок, чтобы положить туда документы, и обнаружила там целую упаковку резинок и шпилек. Одна лежала отдельно – с большим подсолнухом. Рядом валялась записка: «Прости. Надеюсь, заколок здесь достаточно. А вообще, ты большая молодец. Я тобой горжусь».

Глава 14. Тупость

Ноябрь казался совсем зимним и морозным. Днями снег чередовался с дождем, отчего дороги всегда были мокрыми и грязными. Небо меняло за сутки все оттенки серого. Ветер властно шнырял по улицам.

Татьяна теперь водила каждый день. С важным видом подвозила Адлию до магазина, до которого идти было всего пятнадцать минут, или отвозила Ладу по любой мелочи в разные концы города. И на работу ездила на машине, невзирая на пробки и стресс, который испытывала каждый раз. Удовольствие от вождения собственного автомобиля перекрывало все негативные эмоции, что она получала за рулем, а таких было немало. Татьяна много материлась в дороге, часто слышала в свою сторону гудки и ловила недовольные взгляды остальных водителей, но всегда гордо от них отворачивалась, даже если была виновата.

Бар преображался на глазах. Рабочие быстро покончили с черновой отделкой во всех помещениях и перешли к чистовой. Татьяна помогала Арине закупать материалы, сама ездила за ними на склады и по магазинам на «Фольксвагене», теперь благодаря Ладу за то, что та сподвигла ее на получение прав. Помимо этого, Татьяна проводила анализ рынка, выторговывала скидки, как учила директор, и делала индивидуальные заказы на разные предметы интерьера для украшения будущего бара.

С Иваном она взаимодействовала мало. В основном с ним ругалась Арина. Вадим, чего Татьяна от него и ожидала, с Иваном сошелся легко и часто выступал медиатором в этих ссорах. Сам он в баре при Татьяне не появлялся. Мать общалась с ним дистанционно. Она не общалась с ним вообще, утешаясь тем, что всем от этого только лучше, хотя в душе сильно по нему тосковала.

Зато много общалась с Антоном, который после вечера настольных игр, к удивлению Татьяны, не разочаровался в ней до конца. Он писал забавные вещи, развлекал приколами из юридической жизни и делился фотографиями кота. Татьяна в ответ фотографировала Рыжку со всех ракурсов и во всех положениях. Однако встретиться так и не решалась.

– Так, Подсолнух, будь завтра в баре в двенадцать. Побудь за меня на собеседовании на позицию бармена, – говорила Арина в телефон, позвонив практически в полночь.

– На собеседовании? – Татьяна одновременно удивилась и испугалась.

Таких важных заданий директор ей еще не давала.

– Да не бойся. Там Вадик с Дэном будут. Они будут профессиональные качества оценивать. Ты по человеческим смотри. Ключевое решение все равно за ними. Тебе надо только проследить, чтобы они таких же отмороженных, как сами, много не набрали.

– Дэн, который друг Вадима? – Татьяна совсем потерялась.

– Да! – довольно хохотнула в трубку директор. – Я его уломала наконец стать нашим барменеджером.

Татьяна не знала, радоваться этой новости или огорчаться. С Дэном у нее отношения скорее были плохими, чем нормальными. По крайней мере, в последнюю встречу у Вадима в квартире он смотрел с неприязнью. Это было неудивительно. Она так и не извинилась за выходку на свадьбе, потому что считала это теперь лишним – много времени прошло, однако обиды, казалось, остались. Утешала только предстоящая встреча с Вадимом.

– И да, приди пешком. Дегустировать будете. Много, – предупредила Арина и вмиг закончила разговор, уронив Татьянино настроение ниже плинтуса.

В бар она пришла намного раньше – перебдела, так как привыкла ездить на машине и подолгу стоять в пробках. Метро доставило ее до работы гораздо быстрее.

Пол главного зала уже выложили сине-зеленой шестиугольной плиткой с редкими вкраплениями белых пятен. Стены выровняли бетоном. Серые и пустые они ждали своей очереди

на отделку. Потолок пока освободили от всего лишнего, провели проводку до центра зала для бара. Последним, что Татьяна с Ариной заказывали, были детали дуба у Лукоморья, которые обещали привезти на днях.

Вадим с Дэном в четыре руки расставляли на столе посреди пустого зала разные напитки и сиропы, корзину с фруктами, посуду и инструменты, необходимые для приготовления коктейлей. Рабочих не было видно. Татьяна догадалась, что им специально дали выходной из-за собеседований. Вадим, увидев ее, приветливо замахал рукой. Дэн глянул угрюмо.

– Чем помочь? – сразу спросила Татьяна, радостно разглядывая любимое лицо.

– Стулья осталось принести, – он указал на дверь в подсобные помещения.

Татьяна направилась туда. В первом же кабинете с арочным входом нашла несколько сложенных друга на друга офисных стульев без колесиков, запакованных в заводские целлофаны. Не снимая упаковки, она взяла два в обе руки и вытащила в зал.

– Маленький Геракл, – улыбнулся Вадим, хлестнув лепесток подсолнуха, которым Татьяна заколола высокий хвост на макушке.

– Еще два?

– Сам принесу, – бросил он и направился к служебным комнатам.

Дэн возился с инструментами, аккуратно раскладывая их по длине, как столовые приборы вокруг тарелок для званого ужина. Татьяна чувствовала себя наедине с ним неловко. К ее счастью, Вадим быстро вернулся в зал и поставил один стул к уже стоящим двум, а второй – через стол для кандидатов в бармены. Он быстро ввел ее в курс дела, сказал, какого кандидата они ищут, дал почитать распечатанные анкеты и попросил дегустировать максимально честно.

Каждому потенциальному бармену на собеседовании предстояло приготовить по три небольших коктейля из того, что имелось на столе. Дэна больше интересовала импровизация. Вадим упирал на умение делать «классику». Татьяне дали задачу оценивать так называемые «soft skills»* – навыки общения, сотрудничества, гибкость ума и адекватность по жизни в целом. Она боялась, что не справится, поскольку сама большинством из этих качеств не обладала, но вскрывать себя не стала.

Перед началом Татьяна решила сходить в туалет, чтобы не приспичило в самый неподходящий момент. Открыв дверь, она ахнула от восторга. Бьющий по голове запах краски окутал нос и горло. Туалет преобразился до неузнаваемости.

Бетонные стены в коридоре были полностью закрашены искусным граффити, изображающим лес с крупной листвой, острой травой и фантастическими цветами кислотных оттенков. Крапинками по стенам разлетелись светлячки или искорки белого света. Длинное прямоугольное зеркало обрамлял шипастый плющ с разноцветными минералами вместо розочек. Под потолком летали силуэты сказочных зверушек с большими ушами, почти такими же, как крылья. Из пола росли кривые грибы, тоже нарисованные яркими красками. Затуманенный фон и перспектива придавали стенам объемности и манили в темную глубь, таящую в себе опасность.

Татьяна осматривала все с открытым ртом. Потом принялась открывать кабинки. Там бетонные стены тоже выровняли и расписали в соответствии с концепцией каждого трона.

Первая кабинка напоминала темную пещеру с паутиной по углам, красными злобными глазами во мгле и едва различимыми силуэтами скелетов животных и людей.

Вторая кабинка открывала окно в подводный мир. Насыщенный цветами он волной набрасывался на входящего вместе с мелкой серебристой рыбешкой, кривыми крабами и остроконечными кораллами, которые украшали стены. На потолке рябила вода и неровными волнами просачивались лучи высокого солнца. Татьяне на мгновение показалось, что она очутилась в прозрачной капсуле в море.

Третья кабинка заставляла ежиться. Снежные стены накрывали холодом. Отдельно летающие вокруг крупные снежинки словно поблескивали на свету. Стены, как лед, трещали в

некоторых местах и сильно размывали картинку за ними, показывая лишь смешанные разноцветные пятна без четких форм и размеров.

Вернувшись в зал, Татьяна первым делом спросила:

– Вы видели туалеты?

Оба кивнули. Дэн сразу посмотрел на Вадима.

– Это ты делал? – поразилась она, хотя знала, что удивляться тут нечему.

– Со студентами своими. Взял их на подработку, – ответил Вадим, читая первую в стопке анкету.

– Я не знала, что ты еще и граффити рисуешь.

– Я же на факультете монументальной живописи учился, – он усмехнулся.

Татьяна закивала медленно, в душе восхищаясь многообразием его талантов.

– Ты че, они в пятнадцать лет только так вандальничали на пару с Антохой, – подхватил Дэн, похлопав друга по плечу. – Все стены Питера измазали своими *шедеврами*.

У нее лицо вытянулось в изумлении.

– Обязательно было портить мой момент? – замотал головой Вадим и сбросил его руку с плеча, хотя сам улыбался.

Дэн посмеялся. Татьяна, разглядывая Вадима с легким удивлением и улыбкой, села за стол. Он раскладывал перед собой анкеты.

Все обернулись на звук – кто-то открывал входную дверь.

Перед первым кандидатом Татьяна заметно волновалась. С Ариной она проводила только одно собеседование в «Дэнсхолле», но тогда просто сидела в стороне и записывала все, что говорили о себе кандидаты на их анкетах. Все решения арт-директор принимала самостоятельно, даже не советуясь с ней, поэтому на какие-либо качества кандидатов она не обращала внимания. Теперь старалась максимально сосредоточиться и применить весь жизненный опыт общения с разными людьми, чтобы понять, какие именно черты полезны, а какие, наоборот, мешают.

Первой собеседовали хрупкую девушку с миловидным личиком. Выглядела она гораздо моложе паспортного возраста и казалась Татьяне ровесницей. Выдавал ее богатый опыт работы барменом пропитой и прокуренный голос, осипший, почти сексуально низкий, но больше грубый, совсем не идущий к такой изящной фигуре и юному лицу. Она легко справилась с «классикой», однако сымпровизировала, на Татьянин взгляд, плохо. Она даже не смогла допить самодельный коктейль, хотя первые два стандартных выпила с удовольствием и полностью.

Вадим с Дэном дегустировали аккуратнее, делая лишь маленькие глотки. Им этого хватало, чтобы понять, хорошо ли сделан напиток, а вот Татьяне надо было все распробовать. Коктейли делались в шотах – на ее взгляд, в недостаточном для честной дегустации объеме.

Кандидат вела себя расхлябанно, по-простецки в манерах, но с легким пафосом человека с улиц. Обращалась на «ты», говорила больше чем нужно. Татьяна не знала, как это оценивать. Ей казалось, что для бармена такое поведение сойдет.

Вадим вежливо поблагодарил девушку и сказал ждать звонка. Она улыбнулась, кивнула и вышла.

Не успел первый кандидат исчезнуть за дверью, как сразу следом зашел второй, хотя до назначенного времени оставалось еще минут десять. То был парень с чрезмерно бледной кожей и впалыми щеками. Татьяне понравилось то, что он приготовил, а еще понравилась его легкая манера общения, вежливая, но не чопорная. Ему также обещали позвонить.

Беседа с ним закончилась уже через полчаса. До следующего кандидата оставалось много времени. Вадим убрал со стола уже использованное. Он быстро это вымыл и вернул на место. Дэн копался в телефоне. Татьяна не знала, куда себя девать, пока не написал Антон, прислав очередную фотографию кота. Она обрадовалась ему как никогда раньше и сразу ответила. Вернувшись, Вадим тоже уставился в телефон.

Все молчали долгие несколько минут, пока Дэн не спросил:

– Соня тебе передавала про Новый год?

Вадим посмотрел в ответ вопросительно.

– Ну, про то, чтобы снять коттедж в Эстонии или Финляндии, там встретить.

Татьяна прислушалась, отпрянув от экрана телефона.

– Аа, – Вадим кивнул. – Да, упоминала. А че, все остальные уже за?

– Ну, Андрюха с Женькой опять поругались. Думают, в общем, – усмехнулся Дэн. – Гена с Аленой согласны. Надо быстрее решать, а то скоро нормальные коттеджи разберут.

– А че вам дача моя не нравится?

Вадим взглянул поверх Татьяниной головы на друга. Она сидела между ними и чувствовала себя бесящим препятствием их разговору, особенно со стороны Дэна.

– Ну, блин, на даче твоей убираться надо. А там природа шикарная. Глянь.

Он продвинул по столу телефон. Вадим листал фотографии прямо перед Татьяной. Она невольно тоже подключилась. Пейзажи, и правда, завораживали. Снег, словно усыпанный бриллиантами, сверкал на фоне золотого рассвета. Ели, укутанные густым снежным покрывалом, обрамляли кадр и позолоченное небо. Деревянные дома, аккуратные, идеально вписанные в окружающую среду, стояли внизу на поляне. Вокруг них росли толстые сосны.

Вадим длинным пальцем медленно свайпал фотографии друг за другом, позволяя Татьяне хорошенько все разглядеть.

– Красота, да? – спросил негромко, как будто у нее.

Она на всякий случай угукнула. Вадим посмотрел так, словно не ожидал ответа, но улыбнулся. Татьяна опустила завистливый взгляд на фотографии девственной природы, про себя мечтая оказаться там с ним. Но он планировал Новый год с другой девушкой. У них текла своя жизнь, совершенно параллельная. Ей там не было место.

– Мы обсудим сегодня, я отпишусь, – сказал Вадим через Татьянину голову. – Времени до этого просто не было даже посмотреть нормально. Ну, знаешь, Соню теперь надо туда-сюда возить.

Дэн понимающе закивал и, потягиваясь на стуле, поинтересовался:

– А че, как там твой «Плач Земли»?

– Делаю еще, – удрученно выдохнул Вадим, помотав головой, и пожаловался. – С тех пор как Соня ко мне переехала, я дома вообще работать не могу. По ночам если только.

Дэн хихикнул. Татьяна едва сдержала «ах» и с ужасом осознала: «Блин, они уже живут вместе». Пока она зацикливалась на своих страданиях, их отношения планомерно развивались. Сердце опять раскололось. В который уже раз.

– Смирись, брат. Это у вас еще мелкого нет. Мой мне совсем покоя не дает.

Дэн закатил глаза и увел голову в сторону. Вадим широко улыбнулся, посмотрев на всплывшее уведомление в смартфоне. Татьяна тоже посмотрела на экран его телефона, не умея бороться с любопытством. Писала Соня. Увидев имя, сообщение она читать не стала, чтобы не расстраивать себя лишний раз. Снова раздалась вибрация и перезвон колокольчиков. Теперь сообщение пришло ей. Антон писал: «Может, все-таки сходим куда-нибудь? Хотя бы раз? На балет, например? Или куда ты хочешь? Рассматриваются все варианты».

– Ты с ним так и не встретилась ни разу? – хмыкнув, спросил Вадим внезапно.

Татьяна метнула в него взволнованный взгляд и быстро вернулась к экрану. Губы сжались до кривой линии.

– Ну, не мурыжь парня. Если ничего не будет, так и скажи. Или иди на свидание.

Он сложил руки на столе и посмотрел на нее в упор.

– Ты прав.

Несколько выпитых крепких коктейлей волшебным образом именно в этот миг ударили в голову. Сознание помутнело. Мысли пока ходили по струнке смирно, но темп их постепенно убыстрялся. Еще пара коктейлей довела бы их до веселого хоровода.

Татьяна взяла телефон в обе руки и двумя большими пальцами быстро напечатала ответное сообщение: «Антон, прости. Ничего не выйдет, потому что я не могу забыть Вадима», и без колебаний отправила.

– Что за тупость?! – бросил Вадим грубо и, поднявшись из-за стола, направился в сторону туалета.

Дэн взглянул сначала на друга, опешив от услышанного, потом перевел вопросительный взгляд на Татьяну, а через секунду на горящий экран. Прочитав сообщение, он вскинул брови и хмыкнул. Мгновение после пришел ответ от Антона: «Время все лечит. А я готов ждать». Она улыбнулась.

– Если кто-то придет, начинайте без меня, – предупредил Вадим, заходя в коридор с кабинками.

– Окей, – не поднимая головы, ответил Дэн.

Вадим как чувствовал: не успел он закрыть дверь в туалет, как открылась входная, и вошел коренастый бородач с красной банданой на голове. Вразвалочку он дошел до стола и плюхнулся в кресло. До этого беседу всегда начинал Вадим, все рассказывал кандидатам, задавал вопросы, просил выполнить задания. Дэн с Татьяной обычно отмалчивались, только делали пометки на анкетах. Теперь главного интервьюера не стало. Они переглянулись, пытаясь взглядами друг друга выманить на инициативу. В итоге начал сам кандидат.

Он представился. Татьяна, прочистив горло, попросила его немного рассказать о себе, как до этого делал Вадим. Пока тот рассказывал, Вадим вернулся из туалета. Этот кандидат ей понравился с первого взгляда своей степенностью, фундаментальностью взглядов и отличной импровизацией. Он был ровесником Ивана, но в Татьяниных глазах совсем мудрым старцем, потому что говорил медленно и постоянно почесывал густую бороду. И ему Вадим обещал перезвонить.

Они просидели несколько часов кряду, принимая кандидатов. Татьяна под конец чувствовала себя совсем пьяной, хотя Вадим предупреждал ее не напиваться, а лишь пробовать по глотку. Но маленький глоток ни о чем не говорил, поэтому она не слушалась. Дэн из бара отправился домой пешком, поскольку жил неподалеку. Вадим с Татьяной зашагали к метро. Он тоже был пьян, но шел ровно и мыслил трезво. Ему пришлось поддерживать ее всю дорогу, чтобы не упала, а Татьяна постоянно норовила это сделать, то поскальзываясь на шершавом асфальте непонятно обо что, то подворачивая ноги.

В метро настал час пик. Пассажиропоток нес их к вагонам за собой. Татьяна бормотала что-то невнятное. Она и сама толком не могла разобрать собственные мысли. Вадим на ее бормотание не реагировал. Ей нравилось, что он о ней заботится, поддерживает и не бросает, потому она мешала ему специально, вешалась на шею или пряталась за его спиной и обнимала сзади. Он только закатывал глаза.

В вагон метро их запихнула толпа резким толчком сзади, когда стали закрываться двери. Вадим прислонился к противоположным от входа дверям. Татьяну, обняв за плечи, прижал к себе, чтобы сзади стоящие люди на нее не давили. Она подняла пьяную голову и посмотрела снизу. Ей был виден четкий подбородок, широкие ноздри, нахмуренный лоб. Даже такой ракурс доставлял эстетическое удовольствие. Краснея от духоты и внезапно нахлынувшего чувства влюбленности, она расплывалась в кривой и счастливой улыбке и пожирала его глазами.

Поезд тронулся, по инерции потянув их вбок, но толпа сгрудилась настолько тесно, что упасть было невозможно. Вадим опустил голову и посмотрел ей в глаза с беспокойством. Сердце Татьяны встрепенулось. На секунду вернулась трезвость рассудка. Не задумываясь ни

капли о том, что делает, она поднялась на цыпочки и потянулась к его губам, которые теперь казались такими близкими и оттого сладкими. Она поцеловала их. Вадим смотрел, ничего не предпринимая, но не отвечал. Татьяна снова поцеловала его и провела кончиком языка по верхней дуге и бугорку под ней.

– Тань, – он звучал безмятежно и говорил лениво, едва открывая рот, – ты меня целуешь.

– Знаю, – прошептала она, мягко закусывая его нижнюю губу своими.

– Не надо, – он вытянул вверх подбородок, чтобы Татьяна больше не могла достать до лица.

Она не расстроилась и быстро переключилась на раскрытую шею, поцеловала колючий кадык, начала медленно спускаться.

– Тань, прекрати, все пялятся, – в шепоте слышалась легкая тревога.

– Пусть, – Татьяна смачно захватила губами кожу на шее возле ямочки. – У меня всего несколько минут до следующей станции.

Вадим стукнулся затылком о дверь и глубоко вздохнул. Деваться ему было некуда. Он позволил расцеловать себе шею полностью. Она наслаждалась ментолово-хвойным ароматом и гладкостью кожи, которую собирала губами в упругие складки и хлестко отпускала. Возбуждение вперемешку с алкоголем пульсировало по венам, разгоняемое трепещущим сердцем. Разум мутнел сильнее, но он бы только мешал получать удовольствие.

Двери распахнулись, и Вадим вытолкал Татьяну вслед за толпой на перрон. Схватив за локоть, он потащил ее к переходу на другую ветку и поставил на эскалатор на ступень выше себя. Татьяна, обнаглев окончательно под давящей духотой метро, обхватила свободной рукой его шею. Теперь их лица были наравне. Ничто не могло ее остановить.

Она снова поцеловала его, слегка пошатываясь. Вадим одной рукой держался за поручень, второй держал ее. Окруженный людьми, он не пытался сопротивляться, но и не отвечал. Закрыв глаза, Татьяна настойчиво целовала его губы, сжимала их и облизывала, смаковала. В какой-то момент почувствовала легкий толчок, его губы зашевелились и сделали пару захватывающих движений. Затем показался кончик языка, но быстро исчез за стиснутыми зубами.

«Он ответил!» – пронеслось радостной новостью в голове. От изумления она, чуть отпрянув, раскрыла глаза и увидела, как Вадим медленно открывает свои. Встретив ее самодовольный взгляд, он быстро тряхнул головой. Татьяна снова попыталась потянуться к губам, но он накрыл ее рот ладонью.

– Хватит, – прошипел, впившись в радостное лицо суровым взглядом.

– Ты ответил! – промямлила она сквозь пальцы. – Ты ответил!

– Разворачивайся.

– Ты ответил! – не слушала она, слегка подпрыгивая.

Вадим схватил ее в воздухе и вынес с эскалатора на руках. Она ликовала и распустила волосы ему в лицо. Он остановился у стены и поставил ее на ноги. Татьяна оперлась плечом о стену и склонила голову с торжествующей усмешкой. Пьяные глаза излучали триумф. Вадим собрал ее волосы в единую прядь и аккуратно положил на плечо.

– Ты меня поцеловал! – верещала Татьяна, тыкая в него пальцем.

– Пошли.

Взяв опять под локоть, Вадим повел ее по туннелю. Они спустились по лестнице и вышли к станции, на которой должны были прощаться. Татьяна даже под алкоголем это помнила, но он вел ее мимо перрона к выходу. На эскалаторе поставил рядом с собой. Она обхватила его руку и уперлась тяжелым лбом в плечо, не снимая улыбки с лица. Восклицать уже не было сил, но душа все равно радовалась. Вадим поглаживал ее по волосам, успокаивая. На улице он усадил ее в такси и залез следом.

– Адрес скажи.

Татьяна не сразу сообразила. Голова кружилась, а любимое лицо расплывалось перед глазами. Только после третьей просьбы она пробормотала адрес и откинулась на спинку сиденья, томно вздыхая. Вадим вжался в противоположный угол.

Она почти спала, когда они приехали. Он донес ее на руках до самой квартиры и лишь там поставил на ноги. Даже помог вставить ключ в замочную скважину. Когда Вадим развернулся к лестнице, Татьяна задержала его за локоть и попыталась притянуть к себе, но получилось только дернуть за рукав куртки. Он слабо улыбнулся, посмотрев на руку. Ее тонкие пальцы вцепились намертво.

– Вадим, я же люблю тебя, – прощебетала Татьяна.

Закусив нижнюю губу, он медленно сделал головой круг и резко опустил, будто сломалась шея. Она испепеляла его полузакрытыми глазами. Вадим развернулся всем корпусом и подошел вплотную. Разгладил ее волосы, медленно расчесывая их растопыренными пальцами. Глаза следили за их движениями. На лбу взбучилась толстая жилка. Острые кончики бровей поднялись над переносицей.

– Знаю, – прошептал он, облизав губы. – Я тебя тоже. Только это мало что меняет.

– Что?! – с придыханием воскликнула Татьяна и схватила его за плечи. – Почему?

Она тщетно пыталась уловить его взгляд. Вадим изучал тонкие пряди ее волос в своей ладони. В ее горле набух целый ком и не давал задать тот же вопрос заново. Она молча, затаив дыхание, глядела в любимое лицо. Брови нервно двигались вверх-вниз. Глаза наполнялись слезами.

– Соня беременна, – грустно произнес Вадим.

Татьяна застыла в шоке. Долго смотрела на него, ни о чем не думая.

– И давно ты узнал?

– Накануне твоего возвращения в Питер.

Голос его гулко улетал в пустоту.

– Так вот, о чем ты тогда… курил, – протянула Татьяна, замедляясь.

В памяти всплыла сначала его одинокая фигура у бара, который тогда был просто грязным помещением, а потом и озабоченное лицо с впалыми щеками, которые втягивали нервно никотиновый дым.

– Прости, – мотнув головой, Вадим с силой ударил кулаком в стену и зашипел от боли.

Татьяна даже не моргнула. Шок ее заморозил. Алкоголь не давал осознать услышанное. Только сердце переполняла адская боль. Весь мир словно погряз в черной дыре, из которой не могло быть выхода. Она медленно съехала вниз по стене, разинув рот, и уставилась пространно в темноту лестничного пролета.

Вадим присел на корточки, в последний раз провел рукой по ее волосам, приложил одну прядь к носу и втянул запах, а через несколько секунд ушел вниз по шершавым ступеням. Татьяна еще долго сидела перед дверью, проклиная злую иронию собственной судьбы.

Глава 15. Не о чем жалеть

На следующий день Арина заехала за Татьяной, чтобы вместе отправиться за краской для дуба. День выдался мрачным, идеально совпав с настроением. Ехать пришлось в неприглядную промышленную зону за железной дорогой, которую наполняли полуразрушенные территории бывших заводов, захламленные гаражи и дикие пустоты, поросшие высокой травой и кривыми кустарниками. В дороге обсуждали вчерашних кандидатов в бармены. Татьяна по анкетам и своим пометкам на них вяло рассказывала о каждом. Директор в основном слушала, редко задавая вопросы.

Продавцы-логисты на складе магазина красок помогли отгрузить тяжелые банки в багажник Арины под ее ненавязчивый флирт. Татьяна все это время сидела в машине, серая как тень.

– На тебе лица нет, – удачно заметила Арина, садясь за руль, когда товар был получен.

Татьяна не отреагировала, только посмотрела на продавцов, что махали им на прощание с радостными улыбками. Арина улыбнулась в ответ.

– Что случилось? – спросила она, сдавая назад, чтобы выехать из узкого тоннеля между железными гаражами и складами.

– Ты знаешь, что… – Татьяна не сразу смогла выговорить, только после глубокого вздоха, – … скоро станешь бабушкой?

Лицо Арины в мгновение окаменело. На руке, которой она держала руль, кожа натянулась на косточки до побеления от крепкого сжатия.

– Знаю, – ответила сухо. – Наконец-то, он тебе рассказал.

– То есть ты тоже не рада? – слабо улыбнулась Татьяна, почувствовав легкое тепло от того, что не ее одну удручает эта новость.

– Рано мне еще становиться бабушкой, а Вадику – отцом.

Арина повернула голову влево, куда разворачивала машину. Автомобиль медленно, покачиваясь на неровной дороге, выезжал с территории складов мимо ржавых гаражей и многотонных грузовиков. Банки в багажнике иногда звенели, стукаясь друг о друга на больших кочках.

– А Вадим? Рад? – Татьяна боялась получить ответ.

Арина посмотрела на нее с усмешкой и с любопытством.

– Н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.